

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»»

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

3"2001

Виталий ПАВЛОВ
Юрий РЯЗАНОВ
Алексей ПОПОВ
Сергей ГАМОВ
Владислав КРАПИВИН
Сергей КАЗАНЦЕВ

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

СТР. 3-24

Сергей КАЗАНЦЕВ
Геннадий ПРАШКЕВИЧ
Родион ИКАРОВ

АЭЛИТА

СТР. 27-62

Владимир РЫКШИН
Александр ПОЛЕЖАЕВ
Алексей КРУГЛИКОВ

**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**

СТР. 63-79

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

УралРелком

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Межрегиональная ассоциация любителей
технических и экстремальных видов спорта**

«ЭКСТРИМ» (Екатеринбург)

ПРОЕКТЫ И ЭКСПЕДИЦИИ 2001 ГОДА

19 мая — Первая на Урале суточная гонка (24 часа) по бездорожью «Кубок «СуперСтроя». Маршрут: пос. Полдневая, — г. Сысерть — гора Марков Камень — оз. Иткуль — г. Полевской, — Азов-гора. (500 км). Призовой фонд 5.000 долларов США (1 — 3.000, 2 — 1.500, 3 — 500)

Июнь — Показательные выступления Ассоциации «Экстрим» на международной выставке спасательной техники (полигон «Старатель» г. Нижний Тагил).

4-12 августа — Открытый чемпионат России «Урал-Трофи — 2001». Маршрут: гора Конжаковский Камень — Главный Уральский хребет — гора Денежкин Камень. (1000 км)

Сентябрь — Экспедиция-первопрохождение по старой Бабиновской дороге. Маршрут: г. Соликамск — г. Верхотурье. (2000 км)

Ноябрь — Закрытие джиперского сезона. Фестиваль, показательные выступления, супер-триал, ночное ориентирование.

Январь — Экспедиция на снегоходах на вершину горы Отортен (граница Северного и Приполярного Урала).

Всех желающих окунуться в романтику, экзотику и приключения в мире экстремальных путешествий приглашаем принять участие.

Ассоциация готова рассмотреть любые ваши проекты, связанные с экстремальным туризмом.

Интервью с Президентом Ассоциации «ЭКСТРИМ» Владимиром Рыкшиным читайте на стр. 65.

РЕКА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 4
Виталий ПАВЛОВ «Расколоучитель Яков Лепихин»	стр. 5
Юрий РЯЗАНОВ «Пермская загадка»	стр. 10
Алексей ПОПОВ «Круг жизни»	стр. 12
Сергей ГАМОВ «На бывшей Кафедральной»	стр. 20
Владислав КРАПИВИН «Это было совсем недавно...»	стр. 22
Сергей КАЗАНЦЕВ «В одной постели». Рассказ	стр. 24

ДЕМИДОВЫ И КНИГА

Несомненно, что библиотека, богатое книжное собрание украшают их владельца, много говорят о его вкусе, интересах и предпочтениях. Но вот возмужал человек, вобрал в себя премудрость книжную и житейскую, обнаружил свои таланты — и теперь уже его имя способно украсить, придать вес и индивидуальную значимость книгам из его собрания. Ведь у каждой книги есть не только содержание, но еще и собственная судьба, своя биография...

Такие мысли возникают, когда листаешь замечательную книжную новинку, появившуюся в Екатеринбурге на рубеже веков. Издательский дом «Сократ» об руку с областной библиотекой имени В.Г. Белинского издали многолетний исследовательский и собирательский труд доцента УрГУ, заведующий отделом редких книг «Белинки» Елены Пироговой «Библиотеки Демидовых: книги и судьбы».

За два века своей разнообразной деятельности уральские заводчики были собирателями, пользователями и владельцами пожалуй что не одного десятка книжных собраний. И каждое отмечено печатью личности владельца. Уже «гениальный сын Никиты» (выражение Мамина-Сибиряка) — Акинфий Демидов имел в своем обиходе библиотеку, насчитывающую более 400 русских и немецких изданий. А ведь в числе потомков первых Демидовых были такие неординарные личности как талантливый предприниматель, путешественник, знакомец Вольтера, Дидро и Екатерины Великой — Никита Акинфиевич Демидов или ученый и библиофил Павел Григорьевич Демидов.

Книга Елены Пироговой повествует о книжных собраниях на фоне кратких, но достаточно полных жизнеописаний владельцев. Каждая выявленная или только названная книга включена, таким образом, в историко-биографический контекст. И как же много живых черт, нюансов, красок добавляют книги их владельцам!

Новинка рубежа веков — замечательный и, я бы сказал, долгоиграющий подарок и книголюбам, и историкам, и всем ценителям нашего прошлого. Она богато иллюстрирована, любовно оформлена и хорошо характеризует возможности словацких типографов.

Юний ГОРБУНОВ

Фрагменты из оформления книги «Библиотеки Демидовых: книги и судьбы»

В Риме ожидают заявления известного итальянского врача Северино Антинори о том, что он готов начать клонировать человеческие существа. Доктор Антинори известен тем, что помог 62-летней бесплодной женщине забеременеть и родить. Она стала самой пожилой роженицей, известной науке.

Термин «клонирование» происходит от греческого слова «клон» — веточка, черенок. Клон — это точная копия организма. Пионер в этой области — классик нашей экспериментальной эмбриологии, выдающийся биолог Георгий Викторович Лопашев, который придумал этот метод еще в 40-е годы. Но выходу его статьи помешала печально известная сессия ВАСХНИЛ. Возможно, это и лишило нас приоритета в области клонирования.

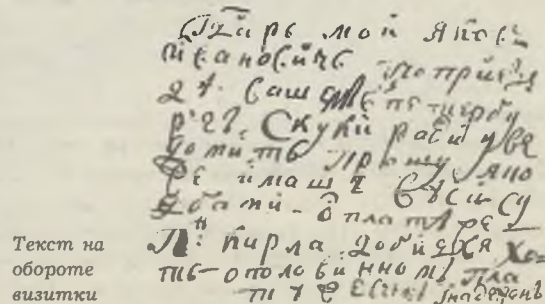
«Век»

Министерство культуры КНР опубликовало рассчитанную на 15 лет программу сохранения и использования культурного наследия страны, цивилизация которой насчитывает более 50 веков. В частности, решено создать четыре культурных парка в районах расположения знаменитого «терракотового воинства», охранявшего покой гробницы императора Цинь-шихуана, и развалин древней столицы династии Шан, существовавшей в XVI-XI веках до нашей эры. В список всемирного наследия ЮНЕСКО в числе 14 других объектов, вошли Великая китайская стена и бывший Запретный императорский пурпурный город — дворцовый комплекс «Гугун».

А. КИРИЛЛОВ

Визитная карточка Н.А. Демидова

Текст на обороте визитки

Виталий ПАВЛОВ, Екатеринбург

Расколоучитель Яков Лепихин

Уральские насельники

С незапамятных времен царя Гороха Урал и Зауралье привлекали отважных людей свободными землями, могучими лесами, непуганым пушным зверьем, богатыми рыбными ловлями и неброской красотой своей.

Шли сюда люди разных наречий, званий и сословий, особенно со второй половины XVI века, когда земли Среднего Урала вошли в состав Российского государства. Царское правительство было весьма заинтересовано в быстром освоении прирощенных территорий и... в продвижении россиян далее на восток. Оно поощряло смельчаков-добровольцев — пашенных крестьян и посадских, предоставляя им денежные ссуды, освобождая на ряд лет от налогов. Более того, стремясь ускорить дело, принудительно расселяло посадских и служилых людей в новые города, остроги, деревни...

Освоение берегов рек Пышмы и Ницы началось в первой четверти XVII века. Древнейшими селениями на их берегах стали деревня Пылаева, Чубаровская и Красная слободы. Все они возникли в один год — 1624-й.

До сих пор у нас мало достоверных источников по истории Пышминского края, возможно, они еще не обнаружены. Вполне допустимо, что какие-то деревни на берегах Пышмы, ее притоков и местных озер тоже родились в начальные годы XVII столетия. Потому-то современные историки уверенно говорят лишь о том, что «освоение бассейна р. Пышмы, впадающей в Туру ниже устья Ницы», началось с момента основания в 1646 году Пышминской Ощепковой слободы. «Вскоре после этого, в 1646-1648 гг., на Пышме появилась слобода Беляковская (добавим, что тогда же, но, скорее всего, раньше, возникли деревни Савина, Чернышева, Тимохина, Кочевка и др. — В.П.), а в 1666-1667 годах приказчик Пышминской слободы, верхотурский сын боярский Семен Будаков построил на правом берегу Пышмы Камышевскую слободу». Будущий город Камышлов. В 1670 году была основана Красноярская слобода, через 7 лет — Юрмытская...

С 70-х годов XVII века количество новоселов на Урале стало заметно прибывать. Одновременно росло и число селений. То и другое во многом связано с расколом русской церкви, с жестокостями, репрессиями, которым подвергались старообрядцы со стороны царского правительства и официальной церкви. Всех, кто по-прежнему держался «старой» веры, казнили, бросали в монастырские каменные мешки

и земляные тюрьмы либо, в лучшем случае, ссылали в Сибирь. Кстати, «Сибирью» в ту пору называли все пространство от Волги до Тихого (Великого) океана. Церковный собор 1666-1667 годов предал старообрядцев анафеме, т.е. по существу объявил их вне закона. Масса крестьян, часть купечества, низшее духовенство, даже отдельные боярские семьи бросились из центральных земель России в «Сибирь» — на Урал и далее в глубь страны. Интенсивное заселение Зауралья на стыке Верхотурского, Тобольского и Тюменского уездов сопровождалось не менее интенсивным распространением старообрядчества, сторонники которого надеялись обрести здесь спасение души и живота своего...

Подьячий судной избы

Точной даты рождения Якова у нас нет. Предположительно, случилось это в 40-е годы XVII века в Чубаровской слободе, в семье пашенного крестьянина Бориса Лепихина — человека грамотного, со временем служившего дьячком в Никольской церкви Нижненицынской слободы. Вероятно, он-то и обучил грамоте своего старшего сына Якунку, что уже в юные годы позволило тому стать подьячим судной избы в Пышминской Ощепковой слободе Верхотурского уезда. Молодой подьячий появился здесь, очевидно, после нападения на слободу крупного объединенного отряда воинственных татар, калмыков, башкир, черемисов вкупе с вогулами. Кровавый погром и грабеж они учинили в 1662 году, когда слободским приказчиком был сын боярский Иван Тырков, ранее сменивший Пятого Ощепкова. Оставшиеся в живых и уцелевшие от полона слободчане снесли на погост многих убитых. Среди них и Ивана Васильевича Тыркова. Главой слободы с того времени назначили Степана Головкова, а на государеву службу вместо погибшего отца был поверстан старший сын Ивана Михаил Большой Тырков. Дед Михаила мелкопоместный новгородский дворянин Василий Фёдорович очутился в нашем крае, вероятно, в составе московского войска в начале 90-х годов XVI века. Здесь его записали в сословие детей боярских. В те годы сибирский хан Кучум предпринял боевые действия против русских. Хана поддержали его бывшие вассалы и союзники — пельымский вогульский князь Аблегиризм и кондинский князь Агай. До этого рати Аблегиризма не один раз совершали кровавые набеги на Пермь Великую, на Чусовские городки, другие селения и «крестьян множество посекоша, и села их и жили-

Старовер

ща пожгоша, и немилостиво православных пленяху, и полону многу взяту бывшу...», — сообщает Строгановская летопись.

В одном из боев на берегах реки Лозьвы в 1593 году боярский сын Василий Тырков отличился: взял в плен Тагая — старшего сына Аблегирима и отвез его в Москву. Там княжича казнили. Позднее, в 1604 году В.Ф. Тырков основал город Томск. Его внука Михаила называли Большим потому, что в семье был еще один Михаил — Меньшой, видимо, самый младший. Еще было трое братьев: Михаил Большой, Алексей и Борис.

В 60-е годы и позднее Тырковы жили в восстановленной Пышминской слободе. К их хоромам тут же лепились избы беломестных казаков и оброчных крестьян, да двор судной избы дьячка Сеньки Якимова. В этой избе и правил свою должность подьячий Якунка Лепихин — энергичный, бойкий на язык и на дело молодец. Он охотно заводил знакомства с разным людом — с боярским сыном Микитой Осиповым сыном Несенцовым, с местным кузнецом Сенькой Лотовым, его родичем кречатим помытчиком Федькой Лотовым, с беломестными казаками, крестьянами и даже с захребетниками, т.е. батраками. С Федькой Ларионовым сыном Лотовым, родом из Туринского острога, он вел долгие беседы, выпытывая у него хитрости и способы ловли и натаскивания на дичь пойманных кречетов. Прикидывал, насколько прибылен сей промысел. Слышно-де, что великий государь Алексей Михайлович большой

любитель соколиной охоты и щедро платит за добытых птиц.

После смерти жены подьячий зачастил прогуливаться возле тырковских дворов. Казалось невинные, прогулки кончились свадьбой: Якунка Борисов сын Лепихин женился на сестре братьев Тырковых. Новая «благородная» родня открывала перед честолюбивым подьячим заманчивые горизонты подъема по социальной лестнице. Поручкой тому четверка шуринов, коренником в которой был Михаил Большой. Ведомо, что клан детей боярских Тырковых играл очень видную роль в среде урало-сибирских администраторов.

Кречатий помытчик. Строитель. Приказчик

Муж дочери боярской должен был содержать жену свою по-боярски. Понадобился быстро достижимый доход. В 1668 году на скопленные средства подьячий завел «кречатную ловлю», приспособив к этому промыслу компанейку беломестных казаков во главе с бывшим пышминским слободчиком Алексеем Ощепковым. Дело пошло споро, и уже в следующем году Якунка повез в Москву натасканных на охоту соколов. Но прибыльная продажа птиц не была единственной целью помытчика. Он вез также челобитную на имя царя, содержание которой задолго до поездки тщательно обсудил с Михаилом Большим Тырковым.

А суть дела заключалась в следующем. Занимаясь ловлей птиц, Якункины помощники обнаружили в лесах на правом берегу Пышмы между Камышевской и Пышминской слободами очень «способное», выгодное место. По слухам, его облюбовал конкурент — житель Куяровской слободы Фёдор Мильчаков, намереваясь выстроить здесь по наказной памяти тобольского воеводы слободу. Якунка решил перехватить инициативу, избавиться от конкурента, самому возвести на Красном Яру слободу и стать в ней приказчиком.

Продав птиц царским слугам, с барышом в кармане Якунка отправился в Сибирский приказ и подал свою челобитную. Кого надо — подмазал, получил царскую грамотку и, не теряя времени, прямою дорогой помчался в Верхотурье.

В январе 1670 года верхотурский воевода Фёдор Большой Григорьевич Хрущев чёл царский указ, по которому ему и садчику Якунке Борисову велено было завести слободу на пустых землях над Пышмой рекой на Красном Яру и поставить острог «в угодном и крепком месте». Место, действительно, выбрано «угодное»: на высоком яру, на прямой дороге от Далматовской обители и Катайского острога на Ницынские и Туринские слободы. «Угодное» и для отражения возможных набегов воровских воинских орд. Указ повелевал «созывать на пашню нетяглых людей на льготные годы; а те льготы на-

значить на 4 и на 5 лет, а после льготных лет платить Государю 40 алтын денежного оброка с десятины в год... имеют днем и ночью караулы и жить в осторожности от воинских татар и башкир, собирать пошлыны со всякой продажи, кои и присылать в Верхотурье к Семенову дню...» Пышминские краеведы В. Томаткин с И. Чердынцевым рассказывают далее: «В том же году слобода была основана и названа Красноярской. Она стала третьей в Пышминском крае и одной из десяти, образующих защитную линию по Пышме. Острог возведен на горе, в центре слободы, окружали его на первых порах небольшие деревянные укрепления. Гарнизон состоял из несущих караульную службу беломестных казаков и верхотурских стрелцов.

Строили слободу и острог беломестные казаки и крестьяне Пышминско-Ощепковской слободы. Первый приказчик слободы Яков Борисов стал зазывать вольных гулящих людей на новое местожительство».

Как же случилось, что инициатором основания и строителем слободы выступил Якунка (Яков) Лепихин, а в приказчиках и «садчиках» очутился некий Яков Борисов? На мой взгляд, произошло это так. Приказный дьяк, переписывая набело царский указ по своей небрежности пропустил в черновом тексте всего два слова — «сын Лепихин». После утверждения указа ошибку исправлять было уже поздно. С тех пор она и «гуляет» в нашей исторической литературе вплоть до сего дня. Случайно «присвоенная» Якову новая фамилия в царском (!) документе заставила его смириться. В собственноручной «отписке» в феврале 1679 года, адресованной верхотурскому воеводе, он назвал себя «Якушко Борисов».

Казачий атаман

В 1663 году в очередной стычке с ватагой «воровских татар» погиб Андрей Липин — атаман слободских беломестных казаков Верхотурского уезда. В течение семи лет должность его оставалась вакантной. Приказчик Лепихин знал об этом и через полгода успешного строительства слободы подал челобитную, в которой просил назначить его атаманом вместо покойного Липина. Начальство не возражало. «В течение последующих 10 лет «крестьянский садчик» и атаман верхотурских беломестных казаков Яков Борисов сын Лепихин отстраивал слободу и острог при ней, занимался кречатим промыслом, добывал камень для церковного строительства в Тобольске, нес со своими казаками службу, а также занимался тяжбами из-за угодий с крестьянами соседних слобод», — сообщают историки В.И. Байдин и А.Т. Шашков. Добавим, что Яков Борисович жил в Красноярской слободе в своем доме, воспитывал дочь, переселил сюда же младших братьев Андрея и Петра с их женами и детьми. Андрей стал

кречатим помытчиком, а Петр — беломестным казаком.

Все устраивалось как нельзя удачно. Недоставало лишь одного — встать вровень с жениной родней — детьми боярскими. Но и здесь фортуна улыбнулась Лепихину: к концу 70-х годов Яков был поверстан в дети боярские, т.е. в сибирское дворянство. Надо полагать, по этому поводу Лепихин устроил пир горой с именитыми гостями — братьями Тырковыми с их чадами и домочадцами, приехавшими к сестре и шурина из собственной деревни Тырковой, что поднялась над рекой Пышмой; вместе с ними на резвых тройках прибыли их однодеревенцы, тоже дети боярские Голенищевы, Якубовские, Соколовы... Почетным гостем, вероятно, был новый верхотурский воевода Иван Фёдорович Пушкин. Пили хмельное пиво, сладкое вино, ели пироги и пряники печатные, пели, плясали под веселую и озорную музыку. Но...

Недолго музыка играла

Словно предчувствуя нечто трагичное в своей судьбе, еще 25 декабря 1677 года Лепихин внес приклад по своей душе в Далматовский Успенский монастырь: красную корову, «а прежде сего корову ж черную приложил по своей же души, да денег три рубли без дву гривен, да сукна белаго 14 аршин».

Положение приказчика, казачьего атамана обязывало Лепихина — теперь еще и сына боярского — реагировать на события в соответствии с политической светских и церковных официальных властей. А власти, как и в западной части страны, вели ожесточенную борьбу с еретиками-раскольниками. Время от времени они обнаруживались и среди красноярских жителей. И тогда...

В 1678 году несколько слободских крестьян-старообрядцев было отправлено «к розыску» в Верхотурье. А в следующем году, узнав, что беломестный казак Агапит Палханов сбежал с семьей в Мехонскую слободу Тобольского уезда, где вспыхнул еще один очаг старообрядчества и сопротивления властям, Яков «Борисов» отрядил туда двух казаков, чтобы вернуть беглеца. Посланцы возвратились ни с чем. Об этом приказчик тотчас сообщил новому верхотурскому воеводе стольнику Родиону Михайловичу Павлову.

Свою «отписку» Яков отправил воеводе в феврале 1679 года. А в марте того же года вершина «горы», на которую поднялся Лепихин, рухнула. Под ней оказалась мина замедленного действия. Поверстка в дети боярские была проведена лишь местной властью, а не по царскому указу, т.е. не через столичный Сибирский приказ, который счел сие недопустимым и накрепко повелел, блюдя сословную чистоту, прежним «тяглым людям быть в тягле». Крестьянский сын не мог стать «сыном боярским», даже беломестным казаком, а тем паче атаманом.

Якова Лепихина лишили всех должностей, званий и выслали в Киргинскую слободу Тобольского уезда, определив его в пашенные крестьяне.

Крах был неожиданным и полным: все обратилось в пепел и пыль. А что впереди? Смиренно покориться злой судьбине? Или наложить на себя руки? (Грех-то какой!) Или пойти на брань с антихристом и слугами его, сломавшими жизнь? Примерно так думал Яков Борисович в те страшные для него дни. Он заглянул в бездну, и сознание его совершило крутой перелом. Сильный волей и предпримчивый экс-приказчик, экс-атаман и сын боярский не согнулся. Выбор его определился...

Расколоучитель

Давние связи с Далматовским монастырем — тогда одним из центров урало-сибирского раскола, беседы с братьей, знакомство с анонимным Посланием «о антихристе и тайном царстве его», сочиненном в стенах этой обители, повернули Якова к старой вере, точнее, к одному из ее течений. Сказалась и незаглохшая дружба с пышминскими старообрядцами — кречатим помыгчиком Фёдором Лотовым, захребетником Яковом Лазаревым, бежавшим из Казанского уезда еще в 1673 году, кузнецом Семеном Лотовым. 15 марта 1679 года кузнец дал приклад в Далматовский монастырь: «избу со всем, да два быка болших по своей души, да по жене своей Наталье корову». Эти пышминцы стали верными «соединомысленниками» Якова Лепихина.

Успешному началу его борьбы с властями способствовали... сами власти. В связи с переписью населения в зауральских уездах в 1680 году оброк на тяглый люд, на крестьян увеличили вдвое. Это возмутило жителей, считавших, что «оброки-де хлебные и иные потуги наложены на них большие, невмочь». Антифеодальное движение, облеченное в религиозную форму, ширилось и крепло, особенно в гонимой официальной церковью и податливой старообрядческой среде.

Из Киргинской слободы новый пашенный крестьянин исчез, сделав первый шаг на длинном и опасном пути странствий. В своей Красноярской слободе он тайно появился лишь осенью 1682 года. Повидался с братьями, их семьями. Его жены и дочери здесь уже не было: их приютили Тырковы. Посещение Лепихиным родной слободы завершилось тем, что тогда «неведомо куды» бежало более десятка крестьянских семей.

Где обретался, как жил Яков в те годы, достоверно мы не знаем. Можно только предполагать, что, переходя с одного потайного места на другое, он «изучал теорию» раскола — исторические, догматические, полемические сочинения старообрядческих авторитетов. А от «теории» переходил к практике. Не исключено, что в 1681-1683 годах он находился в Утяцкой слободе, куда стягивались «всякие люди»,

«старцы белцы с женами и детми», «расколщики и раздорщики» и «всякие богохульные речи испущали и в дома свои отцов духовных (священников официальной церкви. — В.П.) не пуцали».

Собравшиеся в слободе и в «пустыни» близ нее, несмотря на увещевания многих служителей церкви и светских властей, обложенные войсками, решительно отказались «целовать крест», т.е. присягнуть новым царям — Ивану и Петру Алексеевичам. Религиозно окрашенный социальный протест, организованный Авраамием Венгерским и Иваном Кодским, завершился в декабре 1683 года. При попытке штурма слободы войсками собравшиеся пошли на отчаянный шаг — на самосожжение. В пламени сгорело около 400 человек. А «выбежавшие из той пустыни семь старцев» были схвачены, «пытаны и померли... в Тоболску в том же... году, а иных (власти. — В.П.) сожгли» в следующем году.

Утяцкая «гарь» была не первой. В начале января 1679 года в пустыни на речке Березовке меж Ялutorовской и Суерской слободами сгорели 1700 человек. В феврале-марте того же года сидели «в осаде» и грозили самосожжением крестьяне исетской деревни Мостовки и Мехонской слободы. В этих событиях, считают историки, мог участвовать Семен Лотов.

Освоив разные «теории» раскольников, Яков Лепихин приступил к проповеди учения о «мысленном антихристе и тайном царстве его» и, как ярый противник священников, взял на себя их обязанности: крестил и нарекал младенцев, причащал, исповедовал, лечил маслом и молитвами болящих, совершал обряды погребения и даже «постригал в чин иночества». Лепихин уверенно выдвинулся в разряд старообрядческих авторитетов наиболее радикального крыла, обростал учениками и последователями.

Одним из знаменитых идеологов раскола был инок Авраамий Венгерский — бывший монах Троицкого Кондинского монастыря, в миру Алексей Иванович Венгерский, тобольский боярский сын. Авраамий выступал против массового самоубийства. Лепихин полемизировал с ним. Однако некоторое разномыслие не мешало им составлять агитационно-пропагандистские сочинения. Лепихин рисовал к ним иллюстрации. В сочинении «Сибирских страдалец глаголение во время бытия Никона патриарха» авторы его призывали христиан «отвергнуть» никонианские нововведения и «приступить ко истинному господу нашему Иисусу Христу» и тем победить «антихристовых слуг».

С конца 1680-х годов имя расколоучителя Якова Лепихина становится широко известным в Зауралье не только среди старообрядцев «разного звания». Острой головной болью оно отзывалось у тобольских митрополитов, попов, уездных воевод, слободских приказчиков и воинских начальников. Дело в том, что под воздействием проповедей Лепихина

и его учеников многие сотни людей переходили в раскол, переставали посещать храмы и те «опустели»; священников гнали из домов, и церковный причт оставался без «корма». С другой стороны, церковные и светские власти метались в попытках предотвратить новые «гари», полыхавшие то здесь, то там. В 1687 году на реке Юрмыче возле Киргинской слободы в огне сгорело несколько десятков человек. Не обошлось без Лепихина массовое самосожжение в пышминской деревне Другановой 9 августа 1688 года. Здесь во дворе «конного казака у Демки Шумилова» «згорело... мужеска полу и женска... двестидесят человек...» Лепихин ушел из шумиловского собрания за день до «гари». Как можно понять из донесения сына боярского Михайлы Бибикова верхотурскому воеводе, декабрьским днем 1688 года произошла очередная «гарь» в деревне Речелге Пышминской слободы. В пожарище вместе с другими крестьянами погибли жены Андрея и Петра Лепихиных с их шестерыми детьми. Но людям Бибикова удалось «вынять» из огня Петра, Андрея и двоих андреевых сыновей — «Якушка да Митку». Тогда же, только, видимо, в другом месте деревни, во дворе раскольника Федота Гаврилова заперлись «Федька Лотов, Якушко Лазарев» и человек «с пятьдесят з женами и з детьми» и «взять-де их некоторыми делы было невозможно». Возле этого двора поставили караул. Чем все завершилось, неизвестно. Братьев Лепихиных с ребятишками верхотурский воевода Г.Ф. Нарышкин отправил «на Софийский двор», т.е. на расправу к тобольскому митрополиту Павлу. Вышли ли они оттуда живыми — неведомо. Кстати, еще в июле 1687 года воевода Нарышкин командировал двух чиновников с приказом «в Красноярской слободе взять Якушкиных (т.е. Я.Б. Лепихина. — В.П.) братьев родных и вести... в крепь з береженьем». Но тогда братьев в слободе, видимо, уже не было.

По приказам митрополитов Павла, а затем Игнатия, верхотурских и тобольских воевод, Якова Лепихина, «того вора, прелесника и еретика» усиленно искали в 80-х и 90-х годах во всех слободах, деревнях, селах и починках Верхотурского, Тобольского, Тюменского уездов, в Китайском остроге, в Далматовском монастыре и в десятках других мест. Но изловить идеолога антифеодального и старообрядческого движения так и не смогли. Он был неувловим.

Староверский скит

Между тем влияние его на служилых людей, низшее духовенство, особенно на крестьян было велико. Дабы нейтрализовать это влияние тобольский митрополит Игнатий в 1696 году сочинил несколько посланий к населению Урала и Сибири. В своих «контрпрокламациях» (в плохих стихах и такой же прозе) Игнатий не стеснялся ни заведомой лжи, ни площадной непечатной брани. Думается, однако, что брань его имела обратное действие. Антифеодальный, антигосударственный, антицерковный протест крестьянства (и не только крестьянства) в новом — XVIII веке — не затух. Он приобрел новые силы.

Одно из достоверных свидетельств деятельности расколоучителя Якова Лепихина относится к 1697 году. Имя его связано с событиями в Ишимской слободе и ее окрестностях — в ту пору очаге антифеодальных волнений крестьян-старообрядцев. Власти приложили здесь немало усилий, чтобы поймав «еретика», да только напрасно. И на сей раз он сумел ускользнуть из рук преследователей.

Уральские историки В.И. Байдин и А.Т. Шашков считают, что «финал бурной жизни Якова Борисова сына Лепихина» был «совершенно неожиданным»: он постригся в иноки Далматовского монастыря под именем Боголепа и преставился на рубеже XVII — XVIII веков. Другую точку зрения высказала И.Л. Манькова: постригся не Яков, а его престарелый отец Борис. При очень зыбком указании источника — «Вкладной книги Далматовского Успенского монастыря», — позволяющем судить и так и этак, думается, однако, что ближе к истине И.Л. Манькова.

Мог ли после всего случившегося с Яковым, после десятилетий лишений, скитаний вдали от жены и дочери чуть ли не по всему Зауралью и Западной Сибири, после многолетней бескомпромиссной борьбы со «слугами антихриста» — феодальным государством и никонианской церковью — этим двухголовым монстром, после преследований, чреватых неминуемой казнью, после обретения славы защитника «истинного благочестия и Христовой веры», — мог ли наиболее решительный расколоучитель отказаться от самого себя? Это не в характере Якова Лепихина. Думаю, что следует пока оставить открытым вопрос о том, где, как и когда закончил свое земное бытие столь незаурядный человек.

Юрий РЯЗАНОВ, Екатеринбург

Пермская загадка

Рассказывают, вскапывал человек свой огород, и вдруг лопата задела что-то твердое. Из присущего многим любопытства разгреб почву и вывернул какой-то непонятный предмет, похожий на ящичек. Лопатой поскреб одну сторону — сверкнул на солнышке металл. По цвету определил — не золото. Но все равно интересно. Пригляделся: похоже, алюминий. Но почему-то тяжелый, ящичек-то. Что в нем так тянет?

Под струей воды на открытой стороне ящичка появились очертания двух стоящих фигурок, вроде бы отлитых из какого-то металла темно-коричневого цвета, напоминающего старую, окислившуюся бронзу...

...И вот находка передо мной. На первый взгляд, действительно, трудно угадать материал, из которого сделан предмет, закрепленный в алюминиевом ящичке размером с большую книгу и толщиной в два положенных друг на друга спичечных коробка. Да еще из ящичка выглядывают две небольшие, вроде бы человеческие фигурки, а одна, похоже, даже с крыльями... Что же это такое?

Не будем долго манежить читателя: это — икона. Правда, подобных икон, к кому мы ни обращались бы, никто ранее не встречал. Не видывал таких и я, хотя за долгие годы прошло их передо мной не одна тысяча. Всяких-разных. И в самом деле, икона — настолько массовое и разнообразное явление — не одну книгу можно о ней написать.

Самая многочисленная группа — живописная, например, на дереве, но малевали их и на штука-турке, и золотом по ткани, выкладывали цветны-

ми камушками, керамическими плитками, цветными стеклянными кубиками (смальта) — все материалы слишком долго перечислять. Но эта — отлита или изваяна.

Да, есть иконы, массово отлитые из металлов — от ржавеющего железа до нетленного золота, гипса, стекла и даже пошлых современных пластиков. Но эта находка, действительно, напоминает благородной патиной подернутую бронзу. Если бы так и было, она весила бы намного больше. Возможно, она полая? По обломкам видно, что догадка наша неверна. Значит, бронза отпадает.

Может быть, она вырезана из кости? Например, из слоновой бивня?

Но хватит гадать. Пробная расчистка показала, что икона изваяна из... белого мрамора. В самом деле — редчайший случай. Кому еще попадалась подобная?

Из мрамора вытесывали с древнейших времен, но чтобы в России-матушке, да еще на Урале?..

До наших дней сохранилось немало нагрудных рельефных и барельефных иконок, а это — горельеф. Причем, большого пядного размера (36х32 см) — далеко не миниатюра.

Так что же она из себя представляет, эта икона? Несколько крупных фрагментов заключено в упомянутую коробку, согнутую из алюминиевого листа, с бортиками высотой 3 см. Видно, что коробка неточной, грубой слесарной работы и, вероятно, сварганена несколько десятилетий назад (до полувека, не более). Каждый кусок разбитой иконы (мелкие, наверное, сгнули) прикреплен к дну коробки гвоздем, расшплинтованным на конце, противоположном шляпке. Но несколько расклепок замечено и на лицевой стороне.

До сих пор я не обмолвился ни словом о сюжете иконы. Это — «Троица Ветхозаветная», краткая редакция (без Авраама и Сарры).

Тщательность, с какой вырезана икона, зас-

луживает внимания профессионального искусствоведа. А мне приходится лишь предположить, что время ее создания — где-то середина XIX века.

Напрашиваются вопросы: где и кем она сотворена? Пока ответить нечего. Икону надо изучать.

По рисунку архитектура напоминает невянские живописные иконы конца XVIII — первой половины XIX веков. Но эта деталь не очень надежна для атрибуции.

Жаль, что произведение не сохранилось целиком, и речь может идти лишь о том, что от него осталось. Есть надежда, хотя и слабая, что удастся отыскать недостающие фрагменты. Или обнаружить надпись на тыльной стороне, пока скрытой алюминиевым листом. Вот это была бы удача!

А сейчас посмотрим на то, что осталось. Начнем с двух фигур ангелов. У них отломлены крылья. Распластанные могучие крылья третьего ангела (центральная фигура) уцелели и по ним можно мысленно восстановить, насколько эффектно выглядели правый и левый ангелы.

По размерам горельефное изображение «Троицы Ветхозаветной» укладывается в понятие «иконы домового обихода». Но не исключено, что она могла иметь и храмовое назначение, например, храниться в алтаре по чьему-то вкладу.

Правда, в настоящее время размеры ее можно

назвать лишь приблизительно. Причем, изображение сюжета занимает не всю площадь. Исключив обрамление, получим где-то 27х24,2 (5) см.

Хотя мы располагаем совсем небольшим количеством данных, все же попытаемся определить, в каком стиле она сработана. Образцом скульптору, если мы угадали время создания, по моему мнению, могла послужить живописная икона, либо репродукция с нее. Вероятно, не случайно такая деталь, как двуперстие ангелов. В таком случае, заказчиком резной иконы мог быть человек, для которого сия деталь имела особое значение — старообрядец.

Мамврийский дуб по рисунку опять-таки напоминает изображения его на древних иконах, а палаты Авраама соответствуют архитектурным сооружениям, какие можно видеть на иконах Невьянской школы XVIII-XIX веков (так называемый «новый» или «классический» Невьянск). Следует отметить, что скульптором несколько нарушены пропорции изображений, например, рук, заметна асимметрия деталей пиршественного стола, за которым восседают ангелы. Несуразно и положение кресла (нарушена перспектива), на котором расположился правый (от зрителя) ангел. Но вся картина — впечатляет. И «мелочная» отделка деталей — тоже.

Скрупулезно вырезаны различные мелкие детали, например, ногти на пальцах рук и ног ангелов, менее тщательно — предметы, находящиеся на столе (чаши с виноградом, ножи, хлебы), обобщенно — листва и крона дуба, перья крыльев, архитектура.

Интересно, что лик левого ангела изображен не в фас, а с учетом разворота в три четверти.

И хотя икона обнаружена, по утверждению нынешнего владельца, недавно, по цвету сколов мрамора можно судить, что разрушение ее произошло, по крайней мере, несколько десятилетий назад, возможно, даже раньше, чем изготовлен алюминиевый ящик.

И стоит назвать место, где, по утверждению владельца, обнаружена находка — деревня Брехово Суксунского района Пермской области.

Мне «Троица» была представлена как «демидовская», хотя никаких подтверждений принадлежности ее уральским заводчикам нет. Кроме слухов. Зато есть деревня Брехово, где следует искать продолжение этой истории с иконой. Как она туда попала, до сих пор остается загадкой.

Историю, рассказанную мне Алексеем Дмитриевичем Поповым — 89-летним пенсионером из Екатеринбурга, трудно назвать исключительной. Она типична для нашей страны и нашей эпохи. Детство в дореволюционном Екатеринбурге, бегство с родителями из восставшей страны в китайскую Маньчжурию, школьные и студенческие годы в Харбине, переезд в Шанхай в поисках работы, долгожданное возвращение на Родину в родной город (уже переименованный в Свердловск) и еще одно десятилетнее «изгнание» — теперь уже в страну гулаговских штолен и «шарашек». Сегодня он вновь живет в Екатеринбурге, как тысячи других пенсионеров — в ожидании пенсии и прихода в гости детей и внуков. И это тоже типично. Но жизнь его, подобно гипсовому слепку, приняла на себя отпечаток извилистого русла реки времени. И в этом смысле судьба обычного человека обретает особенную ценность, смысл и значение. Она становится памятником истории — наиболее документальным, достоверным и непредвзятым. И в то же время — близким и понятным.

Олег ВОДОПЬЯНОВ

Алексей ПОПОВ, ОЛЕГ ВОДОПЬЯНОВ, Екатеринбург

КРУГ ЖИЗНИ

Часть I. «Екатеринбург-Харбин-Шанхай-Свердловск»

Собор Святой Екатерины (Горный Екатеринбургский собор), Екатеринбург. Построен в 1763 году, взорван в 1930 году

1. Екатеринбург

Мой дедушка, Владимир Евгеньевич Попов, был в старом дореволюционном Екатеринбурге инспектором народных училищ. Дом его стоял на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переуллка, как раз напротив Ипатьевского дома, в подвале которого был расстрелян император и его семья. Сейчас это угол улиц Свердлова и Клары Цеткин, и там давно уже все снесено. Моя мама Глафира Николаевна Воронцова была дочерью Николая Афанасьевича Ворожцова и Прасковьи Васильевны Логиновой, дочери того самого Логинова, который построил первую спичечную фабрику в Екатеринбурге.

Родился я 31 июля 1912 года. Был крещен в Екатеринбургском соборе и жил на квартире у деда. Наши окна выходили на Вознесенский переулок прямо на сад дома Ипатьевых. Детство я помню не особенно хорошо. В семнадцатом году, когда начались все эти митинги, в том числе и рядом с нашим домом на площади возле Вознесенской церкви, мне было пять лет. Мы туда ходили кататься на санках вниз по переулку к нынешней улице Толмачева. В 1918 году помню, как у дома напротив появились телеги, груженные большими сундуками с коронами — это привезли семью Романовых. Позже все видели фильм о царской семье, и там совершенно неправильно показано,

что к приезду царской семьи дом уже был огорожен досками. Этого не было. Народ ходил на нашу улицу и в щели забора заглядывал во двор, чтобы посмотреть на гуляющую царскую семью. Через некоторое время строгость охраны усилилась, вокруг поставили часовых. Сначала они просто отгоняли зрителей от забора, а потом, в той части дома Ипатьевых, которая выходила в сад, на веранде был установлен пулемет. К нам пришли солдаты и сказали, чтобы к окнам, которые выходят на царский дом, мы не подходили, а не то будут стрелять. А некоторое время спустя пришли еще раз и сказали, чтобы мы в 24 часа очистили помещение.

Мы переехали к бабушке. Что смогли, забрали с собой. Куда уехал дедушка, я не знаю. Когда Екатеринбург освободили колчаковцы и чехи, мы вернулись в наш дом и жили там до 1919 года, пока Красная Армия снова не пришла в Екатеринбург. Нам опять пришлось уезжать. Папа куда-то пропал, а мы с мамой выехали в Казахстан, в Петропавловск, где жил другой мой дедушка, Николай Афанасьевич, и тетка Маня. Там мы прожили еще некоторое время, пока не пришла телеграмма от отца: «Выезжайте, жду вас в Омске». В Омске мы встретились с папой и бабушкой, и все вместе поехали к тетке, двоюродной сестре моего отца, на станцию Тыреть рядом с Иркутском.

Я прекрасно помню эту станцию, оттуда даже в вечерние часы было видно белые вершины Саянских гор. Там была прекрасная природа. Когда мы ходили за ягодами, вокруг было красным-красно от них. К зиме начался голод, не очень сильный, но очистки от картошки мы все-таки поели. По вечерам приходили красные партизаны в папахах с красной полосой. Это были знакомые мужа моей тетки. Она была учительницей, а он — ветеринаром в деревне Тыреть. Воспоминания о жизни там у меня сохранились очень приятные, светлые. Правда, зимой на улицу почти не выходил, видимо у нас не было теплой одежды. Когда уезжали из Екатеринбурга, мы взяли с собой только маленькие чемоданчики. Оставили почти все. Остались постели, застеленные бельем, шкафы, заставленные посудой, картины на стенах. Казалось, что уезжаем просто так, на несколько дней, а оказалось, что уехали навсегда.

2. Харбин

В начале двадцатого года за нами захотела бабушка, и поскольку две моих тетки вышли замуж за военных чехов, мы смогли с чешским эшелоном эвакуироваться в Маньчжурию. Мы не были эмигрантами, а были самыми настоящими беженцами и бежали от большевиков, потому что было уже совершенно очевидно, что многих попросту расстреляют. Моего дядю взяли в Екатеринбурге, как заложника, а через некоторое вре-

Харбин, район Пристань, ул. Участковая. 1927 год

мя вышел приказ: «Расстрелять 100 заложников». И его, конечно же, расстреляли.

Кроме смерти, кругом царил жуткий грабеж. Отбирали абсолютно все. В первые годы после гражданской войны большевики в большом количестве продавали за границей шубы и меха. Причем бывали случаи, когда люди опознавали свои вещи. В Париже одна женщина наткнулась на свою шубу и спросила продавца: «Что вы продаете? Это же моя шуба!» «Как ваша?» «А вы откройте ее, там написана моя фамилия!» Открыли, действительно, ее фамилия.

В день Благовещенья, то есть 7 апреля, мы приехали в Харбин. Был это 1920-й год. Мы вышли из вокзала, наняли телегу, сложили на нее пять или шесть чемоданов, сверху посадили меня и поехали искать квартиру. В одном из районов города сняли временку — комнату с кухней — и стали там жить. Первое время спать приходилось на полу, денег и ценностей у нас с собой было совсем немного.

Мой отец, окончивший Казанский университет по естественному отделению, работал после университета учителем, а потом перешел работать в банк. В Харбине он устроился тоже в банк, и мы начали потихонечку приспосабливаться к харбинской жизни. В 1921

Харбинские мальчишки на реке Сунгари. 1942 год

Харбин, Иверский храм на Офицерской улице.

На территории храма был похоронен генерал В.О. Капель

году я пошел в первый класс реального училища. Некоторое время спустя отец перевел меня в гимназию имени Пушкина, которую я окончил в 1929 году с серебряной медалью.

Детство мое в Харбине, в общем, было удачным. Харбин расположен на берегу реки Сунгари, и другой берег представлял собой песчаные острова с зарослями ивы и полыни. У меня сохранились воспоминания, что при малейшем дуновении ветерка с той стороны поля полыни издавали очень своеобразный запах. Этот запах отложился в памяти на всю жизнь.

Чуть позже, годам к одиннадцати-двенадцати, я вместе с ребятами из двора начал ездить за Сунгари. У хозяйского сына была большая лодка, к которой мы сами пристроили мачту, сшили парус из мешков для муки и плавали на ней по реке, причем без взрослых, разумеется. В такие дни мы бывали полностью предоставлены сами себе и прекрасно проводили время. Хулиганили, конечно, в какой-то мере, но я не помню, чтобы ребята у нас пили или курили.

Харбин был самым настоящим русским городом. После революции и во время Гражданской войны сюда приехало примерно четверть миллиона беженцев из России: профессура, учителя, врачи, купцы, адвокаты, военные, врачи. Еще до революции в Харбине было много русских предприятий, магазинов. Школ, правда, было всего две или три, но, когда накатилась вся эта беженская волна, их стало около пятнадцати: реальные училища и гимназии. Обучение в них велось примерно по тем же программам, что и в дореволюционной России. Во всех школах был Закон Божий, каждый

школьный день начинался с молитвы. Появились и высшие учебные заведения.

Люди быстро устраивались: кто-то пошел на КВЖД, врачи начали лечить, учителя — учить, предприниматели — открывать различные магазины. Китайцев в Харбине было не меньше, чем русских, но это была, в основном, китайская беднота. Они жили как бы в своем районе. Должности у них тоже были не особо важные: приказчики, дворники, пильщики дров. Я не помню, чтобы в Харбине были какие-либо высшие учебные заведения для китайцев. Школы для китайцев были, но наиболее состоятельные китайцы учили своих детей в русских школах и даже в Харбинском Политехническом Институте (ХПИ). Для этого существовали специальные курсы, где китайцев обучали русскому языку, чтобы потом они учились уже на нем. Преподаватели и профессура были, конечно, русские. И преподавание на русском в ХПИ велось аж до 1952 года.

Обучение в Харбине везде было платным, поэтому, чтобы помочь неимущим студентам, ежегодно на Пасху и на Рождество устраивались платные студенческие балы. Собранные деньги шли на оплату обучения неимущих. Подобные мероприятия всегда очень хорошо организовывались. Кстати, там почти не было пьяных. Я помню, потому что сам ходил в буфет и выпивал там, но пьяных ни разу не видел.

Также на Рождество и на Пасху мы всегда ходили с визитами. Было положено обойти всех своих знакомых, причем, когда нужно было обойти много мест, заходили в прихожую, оставляли свою визитную карточку, но не проходили дальше. Если же ты вошел в дом, то садился за стол и т.д.

К нам в Харбин часто приезжали наши родственники, сначала мой дядя, а потом папина сестра со своим мужем-латышом. Две мои тетки, вышедшие замуж за чехов, уехали в Чехию. Дядя Миша, во время первой Мировой войны посланный царским правительством во Францию, после революции решил не возвра-

Харбин, Яхт-клуб на реке Сунгари, 30-е годы

щаться обратно. Там он познакомился с ирландкой, женился на ней, и они прожили всю свою жизнь в Ирландии. Я это к тому говорю, что после второй Мировой войны, когда китайское правительство объявило лозунг «Китай — для китайцев» и из Харбина начали разъезжаться русские, мои родители уехали к этому самому дяде Мише в Ирландию, где он их устроил в дом старчества в Дублине. Там мой папа и умер в 1961 году, а мама в 1964 году вернулась в Россию и приехала в Екатеринбург, уже Свердловск.

Помню я и других своих родственников — семью доктора Линдера, также живших в Харбине. Глава семейства — Андрей Васильевич Линдер в 1923 году устроился на КВЖД заведующим гинекологическим отделением железнодорожной больницы. А служащие железной дороги в Харбине жили как полупомещики. У Андрея Васильевича был участок, где стоял дом в восемь комнат, сад, теннисный корт, голубятня, различные сараи. У него был бесплатный проезд по КВЖД. Это было время, когда управляющим КВЖД был Борис Васильевич Остроумов, очень талантливый инженер. При нем КВЖД, можно сказать, расцвела, и в разных подходящих местах Маньчжурии строились станции-курорты.

Рассказывая про Харбин, надо обязательно упомянуть про отдых за Сунгари. Сунгари — широкая судоходная река, и от Харбина в сторону Благовещенска до ее впадения в Амур по ней ходили пароходы. Эти пароходы, в основном, принадлежали русским, и капитаны на них тоже были русскими. На берегу реки было много лодочных станций, где на прокат давали лодку, совершенно любую. Молодежь, в основном, проводила лето на Сунгари. Все загорали, купались, занимались спортом. Спорт в Харбине был вообще хорошо развит. Люди активно занимались легкой атлетикой, тяжелой атлетикой, играли в волейбол, футбол, баскетбол. И русские команды соперничали с командами, которые приезжали из Южного Китая. В особом почете были водные виды спорта: устраивались соревнования по академической гребле и парусному спорту.

3. Шанхай

В 1933 году вместе с моим другом я поехал в Шанхай на предмет поиска хорошей работы, прожил там четыре месяца, с сентября по декабрь, а потом вернулся назад в Харбин. В качестве работы мне предложили место в антипиратской охране судов в Гонконге. Путешествие из Шанхая в Гонконг было для меня очень интересным. Плыли мы на большом корабле, назывался он «Императрица Азии» и принадлежал канадской компании, где все корабли были названы именами императриц: «Императрица Японии», «Императрица Азии» и так далее. Это был шикарный корабль, с лиф-

Банд (Bund). Набережная, г. Шанхай, современный вид

тами, бассейнами; его практически не качало в море — такой он был большой.

Гонконг тоже произвел на меня сильное впечатление. Это была чисто английская колония, тогда еще не особо населенная. Когда мы стали договариваться об условиях работы, выяснилось, что нужно подписывать контракт на три года и давать присягу английскому королю. Это меня не устроило, и через день я был выслан из Гонконга. Обратного меня отправили уже на маленьком пароходе «Президент Кулидж», принадлежавшем другой паровой компании, у которой все суда назывались в честь какого-нибудь президента.

В 1935 году Сталин продал КВЖД японцам, причем, продал по дешевке. Каменный дом, для примера, стоил тогда 2 рубля. В Харбине стало тяжело с работой, и в 1936 году я окончательно переехал в Шанхай.

По приезду в Шанхай я первым делом устроился в русский волонтерский полк. В Шанхае, в международном саклименте, как и во всех английских колониальных городах, была своя колониальная полиция. Прослужил я недолго, после чего уволился и стал искать новую работу.

На первое время пришлось стать комиссионером по продаже керамической плитки. Я ходил по строительным фирмам и предлагал свою продукцию. Потом работал разнощиком молочных продуктов и даже спортивным корреспондентом в газете. Одно время пришлось поработать и на разгрузке угля: правда, не лопатой махал, а следил за процессом; так сказать, надсмотрщиком.

Семимиллионный Шанхай в те годы очень нуждался в газе и электричестве. В городе была газовая компания, где из привозного каменного угля делали газ (во всем городе был газопровод). А также было две электрические компании, работавшие на угле: одна английская (выдавала 220 вольт), другая французская (110 вольт). Добывали уголь во французском Индокитае (Индокитай принадлежал тогда французам) и приво-

Шанхай. Парк Отель, в 30-е годы — самое высокое здание на Дальнем Востоке

зили пароходами в Шанхай. На разгрузке работали всегда китайцы. Они насыпали уголь в большие корзины и парами, на коромысле, спустили их по сходящим на причал. Чтобы согласовать движения, им приходилось петь в такт ходьбе, а при спуске по доскам, чтобы не качаться из стороны в сторону, идти в шаг: один шагает с левой ноги, другой — с правой.

В 1937 году я работал в электрической компании на воздушной проводке. В это время японцы начали оккупацию Китая и во второй половине года высадились в районе Пекина и Шанхая. Шанхай был международным городом и считался нейтральной территорией, но за пределами города шли настоящие бои. Были повреждены столбы, проводка, поэтому электрическая компания наняла рабочих для ремонтных работ. Китайцев они на работу взять не могли, потому что японцы их просто убивали, а нужны были крепкие, не боящиеся высоты ребята, способные работать на столбах.

Нас отправили в те районы, где только что прошли бои. Там было абсолютно пусто, кругом валялись трупы. Порой приходилось работать даже тогда, когда рядом шел бой, иногда пули свистели рядом. Я помню, как мы чинили проводку на окраине Шанхая, а в двух

кварталах от нас находилась японская территория, откуда японцы никак не могли выбить китайцев. Так вот, я сидел на столбе, а он качался от взрывов.

В 1937 году из Харбина ко мне приехала моя жена, и мы начали семейную жизнь в Шанхае. Там у нас родились три дочери.

В 1939 году началась вторая Мировая война в Европе. Германия напала на Польшу, Англия и Франция начали воевать с немцами, но с Японией войны еще не было, несмотря на то, что территория около Шанхая уже была оккупирована Японией, и там стояли японские войска. В самом Шанхае стояли английские, американские, французские и даже итальянские войска. А на рейде были крейсера английские, американские, французские, японские.

В середине 1941 года Германия напала на Россию, но на жизни Шанхая это никак не отразилось. Однако в русской колонии начался всплеск патриотизма, люди говорили, что надо идти и защищать свою Родину. Многие подавали заявления в русское консульство, чтобы их отправили на фронт, но это не приводило ни к каким результатам. В это же время в Шанхае открылся советский клуб, куда пускали и эмигрантов, подавших прошение о получении советского паспорта. Клуб процветал, там показывали советское кино, советскую хронику. Русские в Шанхае раскололись на две группы: те, кто хотел получить советский паспорт, и те, кто оставался нейтральным.

В декабре 1941 года в Шанхае наступил переломный момент — Япония напала на Америку, и началась Тихоокеанская война. Началась блокада, стало сложно привозить продукты. Снабжение из центральных районов Китая было очень плохим, поэтому морковь везли из Канады, картошку из Австралии, фрукты из Калифорнии, но все по доступным ценам. Вскоре Шанхай оккупировали японцы. Боев в городе почти не было, так как иностранцы заранее вывели все свои войска и корабли. Единственным судном, которое успели потопить японцы, была английская канонерка; американская, оставшаяся в порту, сдалась.

В этом году американская фирма, где я уже два года занимался ремонтом радиоприемников, моментально закрылась. Я начал работать сразу в трех других радиомастерских одновременно. В это время в Шанхае уже были очень широко распространены велосипеды (бензин постоянно дорожал), весь город на них ездил. У меня он тоже был, и я колесил по городу из одной мастерской в другую. Работать по нашему профилю было тяжело. Японцы сразу же запретили коротковолновые приемники, все иностранные фирмы были закрыты, граждане воюющих сторон посажены в концентрационные лагеря. Но положение русских было не таким уж плохим: в то время между Россией и Японией был пакт о ненапа-

дении, поэтому с началом войны ТАСС открыло в Шанхае даже свою радиостанцию, по которой вещали новости. В это же время в Шанхае открылась и немецкая радиостанция, на нейтральной полосе рядышком стояли немецкие предприятия и советские. Но до открытой вражды между ними не доходило. Воевали на Западе, а здесь жили по соседству, не общались, конечно, но и не дрались, друг в друга не стреляли. Время было тяжелое, продукты дорогие, дешевый хлеб выдавался только по карточкам. Работы практически не было.

Русские постоянно следили за ходом войны и очень переживали, особенно, когда немцы подошли к самой Москве. А потом была знаменитая Сталинградская битва. Когда она была выиграна русскими, в кинотеатре, где я работал оператором, постоянно крутили новости о Сталинградской битве. Причем фильм показывали раз 15, а люди все приходили и приходили: не только русские, но и иностранцы.

Надо заметить, что еще до конца войны в Шанхай прибыло большое количество евреев — беженцев из фашистской Германии. Когда власть в Шанхае захватили японцы, то немцы потребовали от них, как от союзников, чтобы для евреев было построено гетто. Так на окраине Шанхая появилось еврейское гетто, причем там жили только сбежавшие из Германии евреи, все же остальные жили, как прежде.

Начиная с 1943 года американцы стали теснить японцев, отвоевывая у них захваченные острова. Американская авиация начала полеты в район Шанхая. Летали они днем, и японцы ничего не могли сделать. Американцы обстреливали японские самолеты ракетами с воздуха и не давали взлететь. Японцы открывали бешеный зенитный огонь с земли, но не могли достать самолеты противника на такой высоте (они летали выше 10 километров). Американцы же безнаказанно бомбили военные объекты возле Шанхая, порт, аэродромы. В конце войны в городе ввели затемнение. Весь город погружался во тьму и вступал в действие комендантский час, но, несмотря на этот запрет, русские, все-таки, ходили друг к другу в гости.

9 мая 1945 года Германия капитулировала. Запрет на выход из дома все еще был в силе, но все вышли на улицы. Всякие русские ресторанчики и кафе разом открылись, и там всех поили и кормили бесплатно в честь победы Советского Союза. А на следующий день во всех домах, где жили русские, были вывешены красные флаги. Исключение составляли дома белоэмигрантов, которые слабо симпатизировали советской власти. В советском клубе был большой праздник.

Советский Союз объявил войну Японии. Война продолжалась 9 дней, и Япония капитулировала. Конец Тихоокеанской войны опять серьезнейшим образом отразился на жизни Шанхая. Как только закончилась война, сразу пооткрывались все магазины, на при-

Здание шанхайского титподрома. Построено в 1920 году

лавках появилась масса дешевых товаров. Все предприниматели понимали, что скоро появятся новые товары, а им нужно еще сбыть довоенные, поэтому активно распродавались все старые запасы.

4. Американский вольнонаемный

В Шанхай прибыла американская армия, приплыло много кораблей, которые привезли продукты — из лагерей вышли военнопленные, и всех их надо было кормить. Город попал в полосу благоденствия. Все есть, всего много, все дешево. Появилось много работы. Я стал очень много зарабатывать, потому что все стали восстанавливать радиоприемники на коротких волнах. Я работал целый день — подстигивала девальвация. Старые японские деньги страшно обесценились, китайское правительство печатало свои деньги даже без номеров. Открылось много кабаков: основные клиенты — американские моряки и морская пехота. Американское командование разрешило продавать им только водку или пиво. Никаких вин, потому что это, наверняка, подделка или отравка. Буйным цветом расцвела проституция, не только среди китайских женщин, но и среди европейских.

Где-то в ноябре я пошел в американскую армию

Спортивный праздник в честь 1 мая, г. Шанхай, 1945 год

вольнонаемным. Американцы тогда начали принимать специалистов, поскольку в Шанхай, на вновь открывшиеся аэродромы, прилетела американская пятнадцатая воздушная армия «Воздушные Тигры». У японцев почти не осталось самолетов, но осталось их топливо и смазочные материалы, которыми американцы практически не пользовались. Моторным маслом они залили дороги вокруг аэродрома, чтобы не было пыли, а нефтью залили болота против комаров.

Платили они очень хорошо, особенно, специалистам. Первое время я работал на многоканальной связи главного штаба.

Утром за мной заезжала машина, везла меня на аэродром, это примерно 10 километров от Шанхая, а там начиналась работа. Система была отлаженная, аппаратура прекрасная. К этому времени я уже был довольно хорошим специалистом и попал в центральную ремонтную мастерскую, где мы почти ничего не делали. Нам сразу же разрешили питаться в офицерской столовой. Там все было очень дешево и просто: на столе всегда были хлеб, масло, варенье, соки, и все это — бесплатно. Завтрак стоил 20 центов, а обед 40 центов.

*Генеральное консульство СССР в г. Шанхай.
До 1917 года — консульство Российской империи*

Зарплату нам выдавали долларами. Пользовались мы и американской лавочкой. В это время я стал снова таскать шоколадки своим детям, и помню, что однажды они даже отказались его есть.

В конце 1946 года американские солдаты устроили митинг с шествием к своему консульству: мол, война закончилась, отправьте нас домой, зачем нам маяться в чужой стране. Началась эвакуация. А мы приступили к ликвидации всего, связанного с нашей деятельностью. Тогда у американцев было положено, что, если правительство за что-то заплатило, то продавать этот товар нельзя. Он может быть только ликвидирован или использован в благотворительных целях. Я помню, как мы сидели в мастерской и кувалдочками разбивали радиолампы, потому что надо было все уничтожить, сломать и закопать.

Меня уволили, но сразу же приняли в другое отделение, так называемое обслуживание военно-гражданского морского флота. Этот флот возил продукты, амуницию, товары на пароходах типа «Либерти». Я занимался ремонтом судового радио-электронного оборудования.

Приходящие в порт корабли сразу давали телеграмму, и, если что-то было не в порядке, мы тут же выезжали на пароход для ремонта. Так как стоянка у набережной в шанхайском порту была очень дорогой, поломку нужно было ликвидировать не то, что за дни, за считанные часы. Работа весьма тяжелая, но хорошо оплачиваемая.

В конце 1946 года американские профсоюзы потребовали, чтобы ремонт пароходы проходили в Америке, а не где-нибудь за границей. Отделение закрылось, и я перешел на новую работу. Опять на аэродром, уже на посадочную станцию. Моя работа заключалась в том, что за мной приезжал автобус, я ехал на аэродром, поднимался в операторскую, спрашивал все ли в порядке и не сломалось ли чего. Если что-нибудь ломалось, то я чинил, брал журналы, подходил к передатчику, записывал показания, ставил дату, расписывался и шел загорать. В обед за мной приезжал маленький джип и вез меня обедать. После обеда я возвращался, опять сидел, читал книжку, шел наверх, опять все проверял. А так как у меня почти всегда все было в порядке, то за полгода у меня была только одна поломка. Станция не могла не работать, поэтому одна система работала, другая была включена на всякий случай, третья была настроена, но не включена, а четвертая была на батарейных устройствах. Много было и других: был пункт связи с самолетами, которые находятся в пути, был аппарат автоматический посадки самолетов. Американские самолеты вообще были забиты всякого рода техникой, и в процессе работы я познакомился там с самой современной техникой.

Были и казусы. Охраняли аэродром китайские солдаты, а у них принято — где бы они не стояли, устраивать огороды. Техника для китайцев — вещь непонятная, поэтому они постоянно портили кабели связи.

Копает китаец, к примеру, на своем огороде, вдруг попадает ему какой-то провод, и он, недолго думая, перерубает его лопатой и отбрасывает в сторону. Связь, конечно же, прерывается.

Я не говорил относительно персонала, с которым работал. Отношения между людьми были очень хорошими. Несмотря на то, что все знали, что я — русский, а значит, советский гражданин. Я был на ответственной работе, я знал все радиоволны, где, что и как расположено, и, тем не менее, единственное, что мне сказали в начале моей работы там, что я не должен никому сообщать радиоволны. При этом не брали с меня никаких подписок.

5. Репатриант

Так я проработал до сентября 1947 года. Вплоть до самой репатриации в Советский Союз. Сейчас я понимаю, что это был очень легкомысленный шаг. До нас доходили, конечно, кое-какие слухи о 37-м годе, но во время войны у русских, живших в Шанхае, возник некий животный патриотизм. К тому же мы жили в колонии и видели, что, если человек имеет гражданство, то он имеет защиту, исходящую от его консульства. Мы почему-то думали, что Советский Союз тоже нас защитит, и все ждали отъезда на родину. Но Москва молчала, письма в консульство с просьбами о возвращении оставались без ответов. И вдруг неожиданно прошел слух, что вот сейчас пустят, а потом пускать не будут. Из Шанхая выехало сразу 5-6 тысяч русских с семьями. Мы отплыли со второй партией на большом пароходе. Везли нас бесплатно, за провоз багажа тоже ничего не брали. Я ехал с женой, тещей и тремя детьми, вещей с собой взяли совсем немного. С нами же ехал один богатый еврей, у него было целых 100 мест и даже мебельный гарнитур. Его он потом продал в гостиницу «Большой Урал» в Свердловске и туда же устроился метрдотелем. Так что публика была разношерстная.

Плыли не очень долго,

где-то трое суток с небольшим. Нас довольно сильно качало, и на обед с нашей палубы ходили только трое мужчин — все остальные лежали в лежку. Находка, куда мы прибыли, оказалась даже не городом, это был пункт пересылки заключенных на Колыму. Была осень, и погода все время стояла плохая. Именно в Находке я бросил курить. До этого я курил американские сигареты, а тут они у меня закончились. Походил, посмотрел на советский «Беломор» и бросил. Прожили мы там совсем недолго, а потом началось распределение, кто куда поедет. Оказалось, что ехать-то можно не куда угодно. Мы, например, хотели поехать во Владивосток, но нас туда не пустили. А поскольку я был уроженцем Свердловска, то мы решили податься туда. На сей раз обошлось без проблем. Перед отъездом нам выдали сухой паек — на все семью громадный мешок сухарей; погрузили в теплушки с нарами, и мы двинулись в путь. Эшелон был без печек, удобства минимальные. Выехали в сентябре, а в Свердловск прибыли в начале октября. Почти месяц провели в поезде. Ехали, останавливаясь не около станций, а где-то поодаль. Мужики бегали на станцию за кипятком, причем, форменным

образом бегали, потому что никто не знал, когда пойдет состав. Были даже случаи, когда люди отставали. Дорога была очень тяжелая.

6 октября 1947 года в теплушках с двухэтажными нарами я вернулся в родной город. Наш эшелон поставили на дальний путь около водонапорной башни за старым вокзалом. Я вышел в город и сразу же нашел Вознесенскую церковь, Ипатьевский дом и, самое главное, дом напротив — дом моего деда, Владимира Евгеньевича Попова, где прошло мое детство.

Мне показалось, что все осталось по-старому...

*Конец первой части.
Окончание следует.*

*Редакция «Уральского следопыта» благодарит
Тыкоцкого Г.Б.,
Бородину Ю.М.,
Золотова Е.К.
за предоставленные
фотографии*

На торжественном балу в честь победы Советского Союза над Германией, г. Шанхай, 22 июня 1945 года

Сергей ГАМОВ

НА БЫВШЕЙ КАФЕДРАЛЬНОЙ

Сначала его стены вслушивались в екатеринбургскую тишину, встревоженную цокотом лошадиных копыт по бульжной мостовой, в степенный шорох платья хозяйки, выходящей из повозки. Потом — в уверенный шаг хромовых сапог красных комиссаров и в раздраженное фырканье автомобилей белых генералов. Сколько видел этот дом!.. Он и сегодня стоит в самом центре Екатеринбурга под номером восемь на улице 8 Марта, на углу площади 1905 года — бывшей Кафедральной. Вот уже больше ста лет стоит.

Но прежде чем начать раскручивать историю дома, мы предлагаем еще глубже погрузиться в прошлое — в двадцатые годы XIX столетия. Рядом с местом, где спустя три четверти века появится этот дом, находилась усадьба, принадлежавшая владельцу Сысертских заводов Турчанинову.

Знают ли обитатели здания Облпотребсоюза, выросшего на земле усадьбы, что в декабре 1826 года проездом из Сибири на Кавказ, по пути в действующую армию, здесь останавливался М.И. Пущин — брат поэта. Декабрист, приятель Пушкина, он целую неделю был гостем генеральши Колтовской-Турчаниновой, состарившейся светской львицы, знакомой ему по Петербургу.

Оставим тишь и покой усадьбы начала века...

Перенесемся в 1890-й год и заглянем в почту Городского головы Екатеринбурга, получившего от подрядчика Василия Захаровича Дмитриева (обратите внимание на эту фамилию — случайно ли она входит в историю нашего дома?) письмо от 25 июня. Прочтем несколько строк...

«...Представляю при сем план и копию с него на постройку каменного дома Степану Ельпидифоровичу Туликову в Екатеринбурге на углу Уктусской и

Г. Богоявленской площади. Имею честь покорнейше просить городскую управу по надлежащем утверждении выдать оный мне для руководства...» Внизу была сделана приписка: «К постройке дома препятствий не имею. Юлий Дютель». Кто же эти лица?

По одним дошедшим до нас сведениям, Туликов был богатым купцом, по другим — известным на Урале золотопромышленником. Юлий Осипович Дютель, автор проекта, с конца 80-х состоял в должности главного архитектора города. На Урал он переехал в середине шестидесятых, а до того был вольнослушателем Петербургской Академии художеств, получил звание художника. В 1857 году за проект «Кладбище для воинов, павших под Севастополем» ему присудили звание академика архитектуры.

Дютель — автор проектов нескольких домов в Петербурге. В Ирбите им осуществлена планировка знаменитого торгового центра, спроектирована мужская гимназия. В Екатеринбурге «родственники» нашего дома — бывший Концертный зал им. И.З. Маклецкого (ныне Музыкальное училище им. Чайковского), бывший дом П.В. Иванова на Уктусской улице (ныне здание Детской филармонии по ул. 8 Марта, 18) и некоторые другие. Не все, к сожалению, уцелели до сегодняшнего дня.

А тогда, в 1890 году, сравнительно быстро (судя по документам) на Кафедральной площади, в самом центре Екатеринбурга, поднялся одноэтажный дом с большим подворьем, и первыми его владельцами стали Туликов и его супруга, фигуры в городе достаточно заметные.

В центр кованого козырька, характерного для богатых особняков на Урале, были вписаны буквы «СТ» — инициалы Степана Туликова, в чем можно увидеть и волю Провидения, предсказавшего нынешнего владельца дома — СТД (Союз театральных деятелей).

— *Туликова была родной сестрой моей бабушки. У нас в семье ее звали просто бабушкой Евгенией, своих детей у нее не было. Так вот, когда в 1908 году я появилась на свет, бабушка Евгения настояла, чтобы меня назвали её именем, и при крещении она была записана моей крестной матерью... Таким образом, я как бы стала наследницей. Во всяком случае, о доме у нас в семье говорили...*

С Е.С. Дмитриевой мы беседовали в Санкт-Петербургском Доме ветеранов сцены. Евгении Сергеевны не стало в марте 1996 года. А в своем екатеринбургском особняке она последний раз была... в 1914 году.

— *Что я могла запомнить в такие годы?.. — про-*

должала свой рассказ Евгения Сергеевна. — Мне было шесть лет, когда меня привезли в Екатеринбург, весь отпуск отца мы жили в этом доме. Был он одноэтажный. Большой парк при нем граничил с площадью. Помню большую белую гостиную с роялем, длинный стол в столовой... Моя крестная была староверкой, что преследовалось, и ее моленная была потайной — дверь вровень со стеной. Когда она меня туда ввела, я буквально ослепла от лампад, озаряющих иконы, украшенные драгоценными камнями. Так как было лето, я чаще бывала во дворе и в саду, а больше всего меня влекла конюшня, где было две лошади. Вот, пожалуй, и все мои детские впечатления, что остались от посещения моего «будущего наследства». Да, еще помню подвальное помещение, где была кухня и даже что-то вроде бани...

А вот еще свидетельство о доме — запись в одной из екатеринбургских книг 1913 года, в которой находим следующую таблицу:

Владелец	Звание	Чем владеет	Стоимость
Тупикова Евгения Григорьевна	Вдова потомственного почетного гражданина	Дом	12000

Вихрь революционных событий круто изменил жизнь дома. В октябре 1917 года здесь разместилось Бюро народного университета (заметьте, уже тогда особняк служил культуре). В марте 1918 года — Центр борьбы с контрреволюцией. Над входом висела вывеска «Уральский областной комиссариат». В июле 1919 года город захватили белые, а прежняя вывеска сменилась еще более зловещей — «Военная комендатура». Двадцатые годы по проекту инженера С.В. Новосельского над домом возведен второй этаж. В ту пору в здании находились хозяйственные учреждения, ведавшие бумажной и лесной промышленностью.

В 1935 году особняк стал Домом политпросвещения. В пятидесятые в него вселилось Общество «Знание». «Квартировали» в нашем доме и Союз журналистов, и Общество книголюбов, и редакции — журнала «Уральский следопыт» и молодежной газеты «На смену!». В 1981 году решением исполкома Свердловского областного Совета народных депутатов дом передается Свердловскому отделению Всесоюзного театрального общества для размещения в нем Дома актера. В особняке начинаются ремонтные работы, а 31 октября 1988 года открывается Дом актера.

Это одно из немногих старинных зданий, сохранившихся в городе и воссоздающих его исторический облик. По мнению искусствоведов, Дом — образец городского особняка конца XIX века, выполненный в стиле эклектики с элементами барокко.

Но вернемся к судьбам первых владельцев особняка...

Сам Степан Ельпидифорович скончался еще до революции. Газета «Урал» от 4 апреля 1904 года сообщала: «На Екатеринбургский вокзал прибывает тело покойного С.Е. Тупикова. Литургия в Верх-Исетской Христорождественской церкви. Погребение — на Единоверческом кладбище. Извещают Евгения Григорьевна и Петр Ельпидифорович». Вдова жила со своей сестрой — бабушкой Евгении Сергеевны. Кстати, Дмитриева она по отцу — бабушка была обвенчана с владельцем крупных лавок и магазинов на теперешней улице Вайнера. Не из тех ли Дмитриевых подрядчик Василий Захарович, участвовавший в закладке дома?

Как сложилась судьба двух сестер — неизвестно...

Е.С. Дмитриева в ту пору была девятилетним ребенком и из бурных событий того времени помнит лишь встречу родственников где-то на перекрестке российских дорог и то, что бабушки очень горько плакали. Судьба наследства девочку тогда не волновала. Но в череде жизненных событий и ситуаций все же прослеживается некоторая закономерность. Судите сами.

Наследница особняка Тупиковой избрала судьбу актрисы. Свердловский драматический Евгений Сергеевна помнила с первых дней существования: сначала училась в студии при театре, потом работала актрисой. В приказе № 2 по Свердловскому театру драмы от 2 октября 1935 года дирекция, отмечая первый пятилетний юбилей театра, благодарит за работу актеров и режиссеров, прослуживших в коллективе с самого первого дня — М. Бецкого, В. Ордынского, Е. Дмитриеву, А. Дутковскую, В. Морозову...

Евгения Сергеевна служила в разных творческих коллективах страны, прожила непростую жизнь провинциальной актрисы. Таким образом, ее наследство — наш Дом — изначально актерский!

Уютные гостиные первого этажа располагают к камерности вечеров, встреч. В большой гостиной снова стоит рояль, правда, не тот старинный, белый... Привлекает камин — произведение камнерезного искусства уральских мастеров. На втором этаже — зрительный зал, артистические, довольно большая библиотека.

В Доме актера дружно живут Театр ДА, собравший под своей крышей служителей Мельпомены из разных творческих коллективов города; Галерея ДА, ставшая достойным украшением особняка. При Доме актера созданы Информационно-театральное агентство ДА, Кафе ДА.

Этот дом любят не только его хозяева — актеры, но и кинематографисты, музыканты, журналисты, художники, театралы, бизнесмены...

По свидетельству экстрасенсов и парапсихологов, у Дома действительно удивительная аура, которая не только сохраняется, но и укрепляется силами всех творческих людей.

Это было совсем недавно...

Субъективные заметки к неожиданному юбилею

Было время, когда редакция «Уральского сле­допыта» располагалась в центре Екатеринбурга, в двухэтажном особняке, где теперь Дом актера. Там же помещалась и редакция газеты «На сме­ну!». Жили, насколько помню, дружно. В «Следо­пыте» самой известной была комната № 6. Там каждую неделю, обычно по средам, собирались сотрудники журнала, журналисты-соседи, загляды­вали местные и приезжие писатели, поэты, кор­респонденты, режиссеры. В общем, нечто вроде неофициального Клуба творческой интеллиген­ции.

Шли шумные беседы, не обходилось, по прав­де говоря, без бутылочки. А потом — песни. И сре­ди них любимая всеми: «Ты ждешь, Лизавета, от друга привета...»

Об этой славной эпохе у меня остались стихи:

*О, наша Шестая!
Слеталася стая...
Я помню о ней, мемуары листая.
Ты — шумная пристань моих берегов.
Там Толя и Нина, и трезвый Бугров...*

Далее (стихи были длинные) перечислялись и другие участники интеллектуальных застолий. В черновике была строчка:

*И смотрит слегка удивленно и строго
Талантливый скромный Сережа Казанцев...*

В окончательный вариант строчки не вошли, так как я не мог подобрать достойную рифму к слову Казанцев (а недостойную не хотел).

Но если можно выбросить строчки из стихов, из истории их не выкинешь. Сергей Казанцев действительно бывал частым (и желанным!) гостем в нашей Шестой. Там и началось наше настоящее зна­комство, которое до той поры можно было считать шалочным. Началось с того, что однажды осенью 1980 года я без обиняков сказал, глядя Казанцеву в глаза:

— Сергей Иванович, мне нужна ваша помощь.

Сергей был тогда заместителем главного редак­тора «Насменки». Именно как к человеку, занимав­шему столь ответственную должность, я и обращался.

А дело вот в чем. Известный свердловский пе­дагог напечатал в одной из газет обзор книг о школь­никах и учителях Бориса Путилова, моей и недав­но умершего писателя Владимира Матэра. Авторы, естественно, обвинялись в неуважитель­ном отношении к учительскому племени. Статья показалась мне крайне несправедливой. Особен-

но обидно было за В. Матэра, который уже не мог защитить себя сам. Я написал автору обзора от­крытое письмо, но ни «Вечерка», ни «Уральский рабочий» не захотели его печатать (время-то ка­кое было!). И тогда я обратился к Сергею.

Казанцев в те дни в полном смысле замещал редактора, ушедшего в отпуск. И сразу сказал, что напечатает мое письмо. Несмотря ни на что! И напечатал, хотя главный редактор как-то прове­дал про такое дело и запретил. Напечатал, явив­шись вечером в типографию и своей властью по­ставив набранный, но изъятый из сверстанной полосы текст обратно на свое место!

Шум был, конечно, грандиозный. Но... что сде­лано, то сделано. И Сергей ходил по редакциям с таким выражением мальчишечьей отваги на лице.

А я понял, что Сережа Казанцев — это Чело­век, Который Приходит На Помощь.

Говорить о литературных, журналистских и ре­дакторских достоинствах Сергея Казанцева — это пусть делают те, с кем он рядом долгое время грыз горький хлеб названных выше профессий. А я был с ним рядом в других ситуациях. Больше всего — под парусами и флагами флотилии «Каравелла», которая в восьмидесятые годы переживала свои звездные часы: были только что построены новые яхты — «Штурманы». Сергей пришел в наш отряд

и стал инструктором вскоре после истории с громкой публикацией. То, что он удивительно легко вписался в команду, говорит о множестве его достоинств. Потому что не всякого взрослого, если он не выпускник отряда, каравелльская братия принимала в свои ряды и к тому же признавала инструктором, то есть командиром.

Сергею очень шла флотская форма инструктора-парусника, и, надо сказать, он ей полностью соответствовал. Сколько времени провел с ребятами на шумных парусных практиках, сколько сил потратил на занятиях с неспокойными пиратскими экипажами! Кстати, и журналистские способности Сергея здесь были очень и очень к месту: ведь «Каравелла», помимо всего, и корреспондентский отряд...

Впрочем, кажется мне, столь же, как морская, подошла бы Сергею и синяя форма космонавта. Правда, сам он в космос не летал (а может быть, и летал, но скрывает в силу природной скромности или секретности миссии), но другого такого знатока космических дел я не встречал. Сколько я и мальчишки слышали от него историй о жизни Звездного городка, о приключениях во время полетов, о космонавтах... А еще — о загадках НЛО, аномальных зонах, о чудесах запредельного мира и контактах с гостями из иных пространств. Такими знаниями и должен обладать замечательный знаток фантастики, каковым по праву считается Сергей Иванович.

Да, не перечить достоинств у героя моего короткого очерка. О том, что это человек, к которому всегда можно обратиться за помощью, я уже писал. А еще — с ним просто хорошо быть рядом, потому что он добрый товарищ. А еще — он любит дарить людям радость. Это не общие слова, а конкретность. Десять лет назад он подарил мне рыжего котенка с загнутым на конце хвостом. Теперь большущий кот Макс — мой друг и любимец, персонаж нескольких моих книжек. Спасибо Сергею! Я о нем даже небольшую поэму написал (о Максе, а не о Казанцеве).

Есть у Сергея и таланты, о которых знают далеко не все. Например, актерские. Как великолепно сыграл он роль затюканного представителя общественности в фильме «Манекен Васька», который снимали в отряде «Каравелла»! Честное слово, будь моя воля, я не пожалел бы «Оскара» за лучшую эпизодическую роль!..

А еще медицинские способности, которые в сочетании с готовностью прийти на помощь страждущему дают изумительные результаты. Конкретный пример. Лет пятнадцать назад на пирсе Верх-Исетской водной станции меня прихватил приступ остеохондроза. В спине адская боль, ноги еле двигаются. Я лежал животом на горячих от солнца досках и стонал. Ребята молча сострадали. А что они еще могли?

— Помочь? — участливо спросил Сережа.

— Спаси, если можешь... — выдавил я.

В спину мне воткнули и крутнули там рукоять тяжелого шлюпочного весла. Потом оказалось, что это не весло, а Сережина босая пятка. Я обмер, взвыл и... понял, что после мгновенного удара этой боли всякая другая боль исчезла. Я мог жить дальше! Но человек неблагодарен. Я вскочил и погнался за инструктором Казанцевым, громко обвиняя его в вероломстве, шарлатанстве и зверстве. А он, убегая, тоже кричал: смотрите, мол, ожил ведь, вон как бегаёт, а еще недоволен! И наконец с маху сиганул с причала в воду...

Спина с той поры не болела у меня полгода...

Недавно, сломленный очередным приступом, я позвонил Сергею и спросил, не может ли он снова испытать на мне свой варварский метод. Пусть миг страдания, зато потом блаженство исцеления.

Но Сергей ответил в том смысле, что у него уже и пятка не та, и сил поменьше.

— Сам понимаешь, годы...

— Да какие твои годы! — изумился я.

— Ну как же, в марте будет пятьдесят...

Что за черт! Чушь какая-то... Я долго озадаченно смотрел на телефон.

Да нет, не может быть такого. Наверное, в тех запредельных пространствах, про которые так много знает Сережа, произошел какой-то сбой, в результате которого — темпоральный сдвиг. Надеюсь, что после юбилейного застолья Сергей разберется во всех этих делах и наведет в механизме слегка свихнувшегося пространства-времени порядок.

Владислав Крапивин.

Сергей КАЗАНЦЕВ

В ОДНОЙ ПОСТЕЛИ

Из неопубликованных рассказов

— Ты чего дрожишь? — деловито спросил он.

— Х-холодно, — выдавила она.

— Ну... двигайся поближе. Прижмись теснее, — недовольно предложил он. — Согреешься. Ну?

— Щ-щас... — прошипела она сквозь стиснутые зубы.

Он повернул голову на подушке. Она

встретила его удивленный взгляд и отчаянным рывком толкнулась в него всем телом, даже сдвинула его немного к краю постели. Её колотила крупная дрожь.

— Ты чего?.. — Он начал догадываться. — Никогда с мужиком не спала, что ли?

Она не отвечала. Зажмурившись, она подталкивала его острыми коленками и круглым плечом всё сильнее и сильнее.

— Ну ты даёшь! — Он отодвинулся, едва не свалившись с кровати, неловко завозился под одеялом. Как оказалось, натягивал брюки от тренировочного костюма.

Голый по пояс, Федосеев выполз из постели, стараясь не приоткрывать над ней одеяло.

— В чем дело?! — загрохотал металлический голос. С операторской вышки махал рукой режиссер. — В клозет захотелось?! А ну, давай назад!

— Не ори, — буркнул Федосеев: знал, что Семенцов все равно ничего не слышит в своих наушниках.

— Назад!! — От мегафонного грома что-то с шорохом осело в декорациях. — Камера, стоп!

Семенцов медленно спустился на дощатый помост, застеленный марлёвкой, грубо раскрашенной под индийский ковёр (фильм снимался чёрно-белый). Ковыляя к кровати («Ногу отсидел», — посочувствовал Федосеев), он еще издали уверещающе заговорил:

— Ну что ты, Володя, что ты? Разволновался...

— Да я-то что! — нечаянно выпалил Федосеев и испуганно втянул голову в

плечи, услышав сзади надрывный шепот: «Не говорите ему, не говори..!»

— Ты что! — голос режиссера вновь наливался гневной спелостью. — Ты что вытворяешь! Перевозбудилась?!

Нина сжалась, скорчилась под одеялом, прикрывая себя локтями, коленками, опущенными длинными ресницами, ожидая, что вот, вот сейчас сорвут с неё единственный покров...

— Месячные у неё! — поспешно ляпнул Федосеев, ахнув в душе над тем, как могла влететь ему в голову такая мысль.

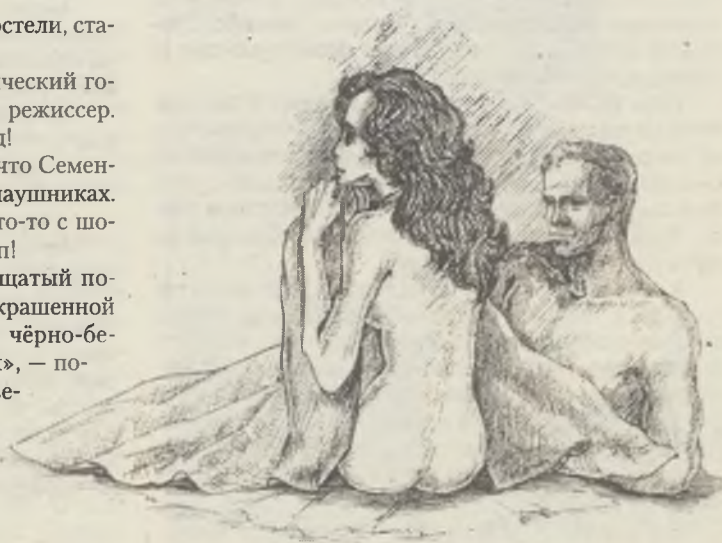
— Х-хос-споди-и! — Семенцов трагически воздел руки к остывающим прожекторам. — Сколько раз говорил администратору, чтоб составил графики у всех актрис!.. Я один должен помнить по каждому организму!

Не оглядываясь на Нину, уже потеряв к ней всяческий интерес, режиссер сложил ладони рупором (мегафон остался на вышке) и бешено заорал, давая выход накопившимся эмоциям:

— Пе-ре-ры-ыв!

— Какой перерыв! — свысока остудил его оператор. — Рабочий день кончился. И плёнка тоже, — добавил он на всякий случай.

— А-а! — Семенцов погрозил кулаком почему-то

в противоположную от оператора сторону. — Р-ра-ботнички! Кончили! Всем — спаси-ибо!

Эту ядовитую благодарность он выплеснул уже на одеяло.

На улице мело, и Федосеев подумал, что, может быть, молодая, видать, избалованная, незакаленная актриса и в самом деле замёрзла там, в громадном павильоне. Их закуток хотя огородили полотняными щитами от лишних глаз и сквозняков, но постель не подогрели, и калорифер в обычной суматохе забыли принести... Однако он не собирался дальше размышлять на эту тему и уже хотел переключить память на заказанные женой покупки, но тут услышал слабый вскрик:

— Подождите, э-эй!

«Это не меня», — торопливо подумал Федосеев и обернулся. Соступая сапожками с узкой, пробитой в снегу тропинки, Нина бежала к нему. К нему, к нему — на тропинке больше не было никого. «Вот она мне сейчас покажет «месячные!»» — представил себе Федосеев и внутренне ошетинился. Он всегда ошетиивался, когда сильно смущался, только снаружи это никак не проявлялось.

— Подождите! — опять крикнула Нина, уже ухватив Федосеева за рукав.

— Я... жду, — бормотнул Федосеев, пытаясь сделать строгое лицо и ясно ощущая, что ему это не удаётся: так радостно было смотреть на светлый, большеглазый девичий лик. «Именно лик, — думал Федосеев, — тысячелетний! Боже, Рублёв сошел бы с ума!» Федосеев твердо знал, что он не Рублёв, и потому за свой рассудок не опасался, смотрел жадно, открыто.

Нина смутилась.

— Ну вот... зачем вы так смотрите?

— Репетирую, — нашёлся Федосеев и засмеялся.

— Ре-пе-тирую... — эхом откликнулась Нина, думая о своём. — Знаете что: давайте ту сцену... отрепетируем, — связала она свою мысль с его случайным словом.

— Давайте, — весело согласился Федосеев.

Нина испуганно охнула, прижала локти к груди, как тогда, под одеялом. Тут до него дошел смысл сказанного ею.

— Ты что! — растерялся он. — Ты думай, что говоришь! Как это — «отрепетируем»?

Нина вновь набралась храбрости. Скосив подрагивающую нижнюю губу, она изобразила презрительно-опытную девицу:

— Пхе! Обыкновенно. Полежим, погреемся... Ну?

Федосеев был по натуре добрый. Не добряк, не добренький, а — добрый. По-настоящему. За что и любили его не только жена и дети, но и тесть с тещей, у которых жили они все шестером в трехкомнатной кооперативной квартире. Но сейчас ему за-

хотелось просто... отшлёпать, что ли, эту взбалмошную девчонку.

— Вы, Нина Владимировна, за кого меня принимаете? — холодно осведомился он.

— За мужика! — зло выпалила Нина. И расплакалась.

Федосеев был по-настоящему добрый. Он понял, не умом допёр, а ощутил, враз колотнувшемся сердцем почувствовал всю её немудрёную беду. Он осторожно привлек её голову с захлопнутыми ладонями лицом на свое сочувственное плечо.

— Зачем же ты согласилась на эту роль, девочка...

— Да-а... девочка... Ничего не девочка... — плаксиво завозражала Нина. — Мне уже два... надцать... один, вот.

— Сколько-сколько? — уточнил Федосеев. — Ах да, ты со второго курса, выходит — лет девятнадцать?

— Ага, — легко согласилась она. — Осенью будет.

— Вот по осени тебя и сосчитаем, — неуклюже пошутил Федосеев.

— Я не цыплёнок! — сердито отстранилась Нина.

— Цыплёнок, цыплёнок! — радовался Федосеев, что конфликт не состоялся.

— Да ну вас! — Нина улыбнулась. Но тут же вспомнила, нахмурилась, прерывисто вздохнула. — Что же делать, что делать...

— Нельзя тебе такую роль, — нахмурился и Федосеев.

— Владимир Палыч! — Нина умоляюще скрестила руки на груди. — Только Сан-Саньчу не говорите!

— Как же так! — опять растерялся Федосеев. — Ты что, решила...

Нина смело взяла его лицо в свои ладони.

— Владимир Павлович. Я. Буду. Играть. Эту. Роль, — раздельно выговорила она, строго глядя прямо в его глаза и не давая ему отвернуться.

— А я-то как же?! — жалобно воскликнул он, смешно прищёпывая губами, вытянутыми оттого, что её тёплые руки сжимали ему щёки. Откинув голову, он высвободился и повторил: — Я-то как же? Ты подумала? — я ведь теперь не смогу с тобой... в одной постели...

— Смо-же-те. Смо-же-те, — словно заклиная, глухо повторяла Нина и надвигалась на него, не отрывая глаз. Он невольно отступил и ахнул, провалившись в снег.

— Девчонка! Откуда ты взялась на мою голову!..

— Из ин-сти-ту... Ай! — Оступившись, Нина упала в сугроб, увлекая за собой Федосеева. Придавленный её легкой тяжестью, Федосеев замер. И Нина не двигалась.

— Вот мы и лежим, — помолчав, печально сказала она. — Почти как по сценарию...

— Ну знаете! — Федосеев завозился. — Слезь... сойдите с меня!

Нина поднялась не спеша, стояла, задумчиво смотрела на лежащего в снегу Федосеева.

— А у меня получа-ается... — протянула она.

— Что, что получается! — закричал Федосеев. И второй раз за сегодня ляпнул, теперь уже не от смущения, а от сердитости: — Обрадовалась, в пальто! Ты голенькая полежи!

И спохватился, забарахтался. Нина покраснела, вспыхнула моментом, на глазах её выступили слёзы.

— Какой вы злой, Владимир Палыч! — сдавленно прошептала она.

— Я-а?! — изумился добрый Федосеев. И мрачно кивнул: — Ага. С тобой тут со всех катушек соскочишь.

— Непра-авда! — прошептала Нина. — Я вам... Я вам повода не давала!

— Не давала, не давала, — успокоил её Федосеев.

— Ты мне лучше руку подай.

— И сердце? — грустно усмехнулась Нина.

— Увы, увы, — пропыхтел Федосеев, подыавшись с её помощью и отряхиваясь. — Это, брат, не понадобится, я, брат, уже замужем... то есть жена у меня... — И вдруг увидел, как застыло Нинино лицо, и растерянно добавил: — Дети тоже...

Нина резко повернулась и пошла от него по тропинке, глубоко вгоняя в снег высокие каблочки.

Федосеев решил, что он разозлился. Высоко, как аист на болоте, вскидывая ноги, он обогнал Нину по целику и преградил ей дорогу. Запальчиво заговорил, стараясь не смотреть в её сухие, горящие глаза, но они притягивали, и он сбивался.

— Ты... Вы что же... Нина Владимировна... Ты, значит, за меня решила... Что я... Замуж тебя возьму?! Чтобы тебе, значит... Рольку эту... Сыграть, да?!

— Владимир Павлович, — устало сказала Нина. — Отпустите меня. Пожалуйста.

— Да не отпускаю я тебя! — жалобно закричал Федосеев. — Ну нельзя же так!

— А как — можно? — пусто спросила Нина.

— Никак нельзя... — упавшим голосом сказал Федосеев.

— Что же делать? — так же мёртво спросила Нина.

Федосеев задумался. Он задумался всерьёз. Нина поняла это и ждала.

— Пойдём, — Федосеев потянул её за руку. Она послушно пошла за ним, как маленькая девочка.

«Маленькая девочка, маленькая девочка, — крутилось в голове у Федосеева. — Что же делать, что же делать...»

— Маленькая девочка, — сказал он с нежностью. — Не спорь, — строго задержал её дёрнувшуюся руку. — Ты хоть знаешь, малышка, сколько мне лет? — И не дожидаясь ответа, важно сообщил: — Сорок четыре!

Федосеев соврал, прибавив себе целый десяток еще не прожитых им годов. Но так надо было. И он продолжил:

— А дочери моей? Восемнадцать! Старшей.

Дочку он состарил сразу вдвое. Но так было надо. И он мысленно извинился перед Иришкой. И заодно перед женой.

Нина остановилась. И посмотрела на него со-овсем по-другому.

— Неужели вы такой... взрослый... — тихо, со смущением сказала она.

— А как же! — обрадовано закричал Федосеев. — Ты ж мне в дочери годишься! Смотри-ка, и отчество у тебя подходящее — Владимировна. А? Дочка! — он шаловливо толкнул её плечом.

— Ничего себе... папочка... — пробормотала Нина.

— А что! — бодрился Федосеев. — Я еще хоть куда! Хоть с молоденькой...

Тьфу ты! В третий раз!

— ... в одну постель, — усмехнулась Нина. И от-вернулась.

Федосееву стало нехорошо. Да выберутся ли они когда-нибудь из этого заколдованного круга?!

— Вот что, — решительно сказал он. — Завтра на съёмках... — Он снова поймал её испугавшуюся руку, крепко сжал. — Да-да, завтра на съёмках ты представишь себе, что ты — маленькая девочка. Утром проснулась. Побежала. И забралась в кровать к отцу. Прижалась, поняла? И уснула, поняла! Всё остальное я беру на себя. Поняла?

Нина обессилено кивнула.

На следующий день Федосеев опять лежал в холодной киносъёмочной постели. Его колотила крупная дрожь, но он страшным усилием воли не выпускал её на поверхность. Там, на поверхности, он был мягкий и тёплый, как летнее облако. Без штанов. И в этом облаке уютно устроилась... да-да, маленькая девочка, его дочка, Ниночка... Нина Владимировна...

— Так! Хорошо! — гремел сверху мегафонный рык. — Теперь сдвигай одеяло, спинку, спинку показывай! Больше, больше! А, чёрт!.. Ладно, чёрт с вами, закончили! ...Что вы там разлеглись?! Понравилось!..

Федосеев, слушая душистое, лёгкое дыхание у своего сидящего виска, осторожно высвободил вторую руку из-под одеяла, покачал ладонью в сторону железного грома и приложил её к щеке.

— Что?! Спит?! — мегафон захрипел, пытаюсь перейти на шепот. — Ну, ребята, с вами не соскучишься...

За полотняными щитами медленно гасли прожектора.

АЭЛИТА

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 28
Сергей КАЗАНЦЕВ «Ген-ий, сын Марта»	стр. 29
Геннадий ПРАШКЕВИЧ «Великий Краббэн»	стр. 31
Геннадий ПРАШКЕВИЧ «Из «Записных книжек»»	стр. 59
Родион ИКАРОВ «Аэлита-2001: почет ветеранам!»	стр. 61

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

2001 год — год двадцатилетия самого почтенного в России и в СНГ фестиваля фантастики «Аэлита».

Двадцать лет назад стараниями сотрудников журнала «Уральский следопыт» в Екатеринбурге (тогда ещё Свердловске) было организовано первое вручение приза за достижения в фантастике. С тех пор уже девятнадцать писателей (включая соавторов), стали обладателями престижной премии.

Но если первое вручение было практически кулуарным, то уже со следующего года фэны, любители фантастической литературы, стали съезжаться в город специально к этому событию. Так родился первый в стране фестиваль фантастики.

Потом он оброс новыми призами: им. И. Ефремова, «Старт», им. В. Бугрова; в начале девяностых фестиваль собрал рекордное для России количество участников — полторы тысячи. Потом...

А потом наступил некоторый спад. Инфляции, дефолты, житейские проблемы. Да и фестивалей в стране прибавилось, как прибавилось и различных призов (их сейчас уже более десятка). Людям стало тяжело посещать несколько фантастических «тусовок» за год.

Однако «Аэлиту» не забывают. Вот и в этом году на наш праздник приехали гости не только из многих городов России, но также из Украины, Казахстана, Эстонии...

Двадцать лет «Аэлите». Двадцать лет — это и много, и мало. Для нас же — это несколько эпох, перекроивших страну; это тысячи судеб, тысячи разочарований, тысячи надежд; это преданность любимому жанру, пронесённая через все невзгоды; и это, наверное, лучший кусок нашей жизни.

Будь всегда юной и желанной, «Аэлита»!

Евгений ПЕРМЯКОВ

По сообщению Сергея Соболева, одного из редакторов фэнзина «Семечки: Липецкое обозрение фантастики», в Липецке тиражом 50 (пятьдесят) экземпляров вышел сборник московского писателя Владимира Покровского «Георгес, или Одевятнадцативековивание». В сборнике опубликованы заглавная повесть, повесть «Планета, где все можно» и рассказ «Скажите «раз!»». Книга выпущена в мягкой обложке. Подробности об этом издании можно узнать на сайте «Семечек».

Владимир Покровский — один из самых нетривиальных авторов «четвертой волны». Его стильные и сильные произведения оказались, к сожалению, недостаточно демократичны, чтобы вызвать устойчивый интерес массового читателя. Единственная его авторская книга, вышедшая в популярной серии — «Планета отложенной смерти» — продавалась, по словам издателей, недостаточно хорошо, и другие книги Покровского издавать пока никто из крупных фирм не решается. Выпуск его книги в Липецке — инициатива местных знатоков и ценителей, мероприятие чисто филистерское и некоммерческое, заслуживающее всяческого одобрения и поддержки.

По сообщению Владимира Ларионова, «Беляевская премия» этого года присуждена за подвижническую деятельность на ниве пропаганды и развития фантастики Александру Сидоровичу, соучредителю и организатору «Интерпресскона» и ряда литературных премий, лауреату премии имени Ивана Ефремова 1999 года за вклад в развитие фантастики. Вручение состоялось 16 апреля в Санкт-Петербургском Центре современной литературы и книги. Было также объявлено, что Литературная премия им. А.Р. Беляева со следующего года не будет вручаться за достижения в области фантастики, останутся номинации только за научно-художественные произведения.

Водесском издательстве «ДРУК» вышел сборник произведений молодых одесских фантастов (Игорь Тимошенко, Сергей Славута, Александр Шохов, Наталия Оленева, Дмитрий Скафиди) под общим названием: «40 градусов по Михалычу». Иллюстрации Тадеуша Цихоцкого и Ольги Лопушанской. Тираж 1000 экз.

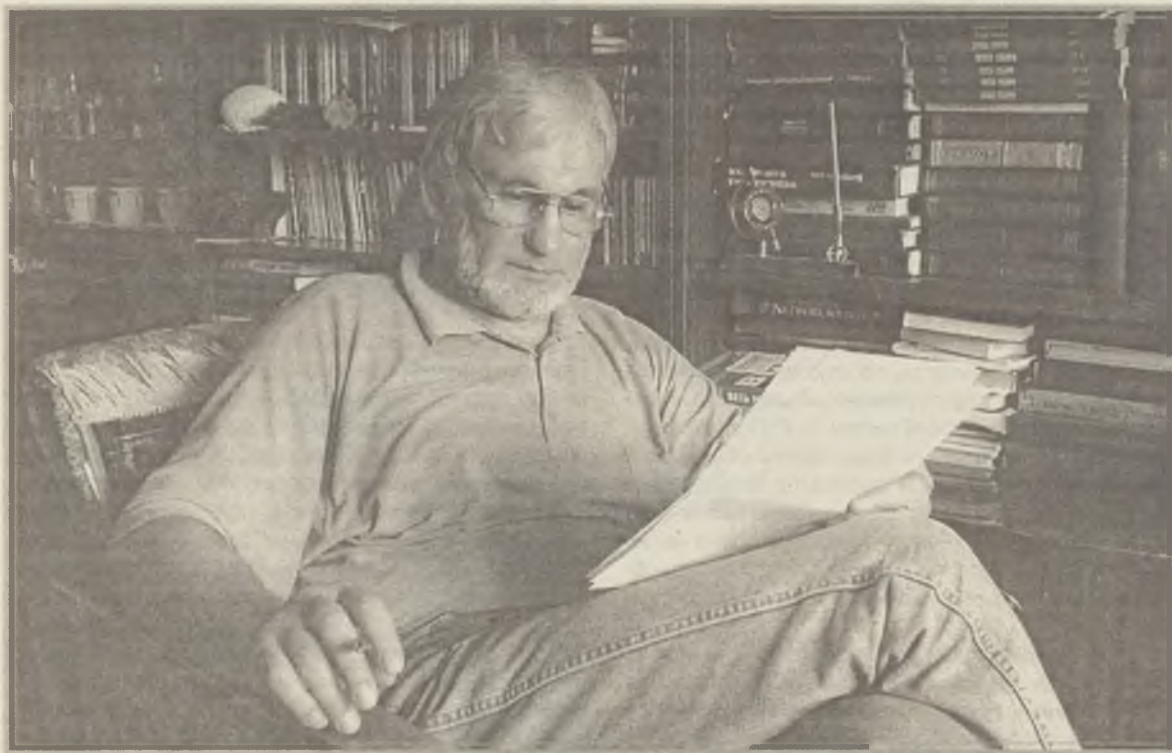
Игорь Тимошенко, Сергей Славута, г. Одесса.

Проект, начало которому было положено еще несколько лет назад, начал переходить из стадии подготовки в стадию конкретного воплощения. Донецкое издательство «Сталкер» и питерское издательство «Terra Fantastica» выпустили первый том нового 11-томного собрания сочинений Аркадия и Бориса Стругацких.

Сергей Бережной (СПб), «Курьер SF».

Новую литературную премию учредила редакция сервера «Русская фантастика». По итогам двухтурового голосования бронзовая статуэтка ежегодно будет вручаться на санкт-петербургском конвенте «Интерпресскон». На первом этапе участие в голосовании может принять любой, посетивший адрес: <http://www.rusf.ru/nagrada/>.

Ген-ий, сын Марта

Геннадий Мартович Прашкевич
и обложка книги, которая «не
существует в природе»

Эта книга, чью обложку вы видите на фотографии, не существует в природе. Весь ее тираж, все 30 тысяч готовых к вывозу из типографии экземпляров, был уничтожен по приказу Госкомиздата РСФСР. Весь, да не полностью. Работники типографии растаскивали приговоренную книгу поштучно и пачками. По слухам, удалось спасти несколько — 5 или 6 — сотен томиков. Автору заглавной повести грузчики продали целую пачку. Одну книгу он подарил мне; с этого экземпляра мы и перепечатаваем повесть в «Следопыте».

Где сегодня тот Госкомиздат, где та РСФСР? А повесть жива — «рукописи не горят»... Но что же так взъярило высших издательских чиновников, пустивших под нож не просто «антисоветское» произведение вкпе с трудами еще десятка авторов, но и уничтоживших десятки тысяч «народных» рублей — ущерб по тем временам немалый... Одно ли, как объяснялось в протоколе, имя героя повести — Серп Иванович — вызвало бешеное неприятие? Но тогда следовало бы запретить и все астрономические издания, ведь в них сплошняком фигурирует еще один символ советского государства — звезда, упоминаемая без должного пиетета, более того, с преступными намеками на то, что звезды бывают переменными, а гигантские — и вовсе голубыми...

Тогда была осень 1983-го: все оттепели давно закончились, у руля Страны Советов лежал смертельно больной, но такой же страшный Андропов; чиновники, которых он потихоньку отстреливал, в ужасе душили все подряд прекрасные порывы... так сборник сибирской фантастики «Великий Краббен» попал под нож и в историю. Если бы была создана Большая Антисоветская Энциклопедия, автор «виновной» по-

вести обязательно нашел бы в ней свое место, хотя бы такой строкой:

«Ген-ий М. Прашкевич, род. 1941, прогрессивный американский писатель...».

Это — еще одна байка о Геннадии Мартовиче, коих о нем сложено превеликое множество, сложено самой жизнью его, богатой на приключения, а им самим лишь литературно отредактировано; автобиографические выступления Геннадия М. на «Аэлитах» — это отдельный концертный номер, которому позавидуют Задорнов и Жванецкий.

Так вот, по легенде, то ли в Бурятии, то ли в Туве еще до перестройки издали сборник фантастики, тематически подобранной так, чтобы она «разоблачала» их, буржуазные, нравы; в книгу вошла одна из «Записок промышленного шпиона», что и подвигло автора предисловия, по слухам — директора того издательства, восторженно объявить: а «прогрессивный американский писатель Г. Прашкевич», мол, не боится вскрывать язвы своего общества... И такого героя ГКИ РСФСР записал в анτισоветчики?! Впрочем, автор предисловия все равно оказался прав: Геннадий Прашкевич действительно не боится и никогда не боялся вскрывать язвы своего общества (не в этом ли предназначение большой литературы!).

Только давайте правильно расставим акценты. С первых лет перестройки в литературе, в том числе, и может, прежде всего — в фантастике, появилась немеряно всякой «чернухи», где не скальпелем по язвам, а добрыми кулаками по морде, по морде родное общество, родную страну, так, чтобы кровь, гной и сопля бурным потоком... С одной стороны, понятно: истосковались по возможности открыто высказать свою боль, а с другой — получается, как в анекдоте: «Знаешь, как мне больно? Вот так!». «Прогрессивного Г. Прашкевича» нельзя отнести к когорте «хирургов с топором». Гена — добрый.

Я вспоминаю, как трогательно, по-отцовски заботился он обо мне в поезде Новосибирск-Свердловск, когда у меня первый раз серьезно прихватило сердце (через несколько месяцев пришлось делать операцию). Если бы не Гена, я бы, наверно, помер.

Но это только частный случай проявления его доброты (хотя из сплошного ряда таких случаев складывается стиль его отношений с родными и друзьями). Доброта писателя Прашкевича проявляется в его отношении к героям собственных произведений. Существует масса литераторов (а в последние нервные годы число их растет), которые не любят, просто ненавидят своих героев (не будем называть имен, хотя это... пусть читатель сам вставит здесь известные ему фамилии). Прашкевич же даже в божье Серпе Сказкине, в откровенном куркуле Агафоне Мальцеве («Великий Краббен») находит самоценные личности, которые он — автор, родитель — любит и уважает. И эта любовь — не

придуманная, а выстраданная в многочисленных сибирских и дальневосточных экспедициях, ведь Геннадий Мартович — геолог, немало лет тянул лямку земных изысканий.

Пешком проходя свои жизненные университеты, истоптав не одну пару подкованных стально сапог, писатель Прашкевич не успокаивается, не почит на лаврах. Хотя собрал их, лавров, столько, что ими можно мягко выстелить постель, просторную даже для такого гиганта (рост под 2 м), как Геннадий Мартович. (Кстати, пора подчеркнуть, что наш Ген-ий — сын именно Марта, не Февраля, не Апреля, и не Марка, что выдает западноевропейские, а не ближневосточные корни его предков. Хотя сам он родился на Енисее.)

Вернемся к лаврам. Писатель Г. Прашкевич — лауреат главной отечественной литературной премии по фантастике «Аэлита», то есть входит в первую как минимум двадцатку фантастов, работающих в пространстве бывшего СССР — на территории, занимающей одну шестую часть земного шара, от Балтики до Тихого океана, от Северного полюса до Великой Китайской стены. Думаю, что и во всемирном рейтинге писателей-фантастов среди всех обладателей премий Хьюго, Небьюла и других Г. Прашкевич состоит самое большее под двузначным номером. Тем более, что за «железным занавесом» (не до конца проржавевшим до сих пор) его знают и уважают: он — член Нью-Йоркского клуба русских писателей (еще раз прав оказался бурятско-тувинский издатель!).

Несмотря на регалии и заслуги, дающие право вознестись на Олимп и благосклонно взирать на копошенья внизу, Геннадий Мартович доступен и активен. Он не только появляется на многих фестивалях и конвентах любителей фантастики, но и сам проводит в Новосибирске подобные «слеты по обмену опытом». Он учит молодых авторов на семинарах в Малеевке и Дубултах. Он — член редколлегий (не титульный, а работающий, это редкость!) журналов «Уральский следопыт» (Екатеринбург) и «День за днем» (Красноярск). Он создал новый журнал «Проза Сибири» и стал его главным редактором — с полным правом, т.к. является членом Союза журналистов с 1974 года (а Союза писателей — с 1982-го). Ему это надо?

Ему это надо, ведь к своему «пенсионному» юбилею Геннадий Мартович сохранил умение радоваться жизни, молодое любопытство, переданное любимым внукам. Дай Бог ему и дальше, и дольше не стареть (густая седая шевелюра не в счет), и радовать нас новыми книгами (он только что закончил фантастический роман «Царь-Ужас»), а себя — новыми правнуками, которым ему есть что рассказать, начиная со слов: «Было это в прошлом веке...». У него еще многое будет!

Сергей КАЗАНЦЕВ

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

ВЕЛИКИЙ КРАББЕН

«Залив Доброе Начало вдается в северо-западный берег острова Итуруп между мысом Кабара и мысом Большой Нос, расположенным в 10.4 мили к NNO от мыса Кабара. Берега залива высокие, за исключением низкой и песчаной северной части восточного берега.

Речка Тихая впадает в восточную часть залива в 9.3 мили к ONO от мыса Кабара. Речка Тихая мелководная и извилистая; долина ее поросла луговыми травами и кустарниками. Вода в речке имеет болотный привкус. В полную воду устье речки доступно для малых судов».

Лоция Охотского моря

Тетрадь первая. Доброе Начало

Бывший интеллигент в третьем колене. От Бубенчикова до Симоносеки. Первая кепка острова. Философия богодула. Опасности, не учтенные лоцией. Серп Иванович едет лечиться. Осиротевший Агафон Мальцев. Вечерние беседы на острове. «Привет, организмы! Рыба!»

Серп Иванович Сказкин, бывший алкоголик, бывший бытовой пьяница, Серп Иванович Сказкин, бывший боцман балкера «Азов», бывший матрос портового буксира «Жук», бывший кладовщик магазина № 23, того, что в селе Бубенчиково, бывший плотник «Горремстроя» (Южно-Сахалинск), бывший конюх леспромхоза «Анива», бывший ночной вахтер крупного научно-исследовательского института, наконец, бывший интеллигент («в третьем колене!» — добавлял он сам не без гордости), а теперь единственный рабочий полевого отряда, проходящего в отчетах как Пятый Курильский, каждое утро встречал меня одними и теми же словами:

— Почты нет!

А почты и не могло быть. В принципе.

Случайное судно, разумеется, могло явиться из тумана в виду мыса Кабара, но для того, чтобы на борту этого судна оказалось письмо для Серпа Ивановича или для меня, Тимофея Лужина, младшего научного сотрудника СахКНИИ, должно было случиться слишком многое. Во-первых, кто-то должен был знать, что именно это судно и именно в это время выйдет к берегам Итурупа с тихоокеанской стороны, во-вторых, кто-то должен был знать, что именно в это время Серп Иванович Сказкин, крабом приложив ладонь ко лбу, выйдет на плоский берег залива Доброе Начало, а в-третьих, такое письмо кто-то должен был написать!

— Не умножай сущностей, — говорил великий Окам.

И в самом деле... Кто будет писать Сказкину? Его пятнадцатилетний наследник Никисор? Вряд ли... Никисор проводил лето в пионерлагере «Восток» под Тымовским... Елена Ивановна Сказкина, ныне Елена Ивановна Глушкова? Вряд ли... Скажи ей кто: «Черкни бывшему мужу», она ответила бы, не постеснялась: «Пусть ему гидра морская пишет!» На этих именах круг близких Серпа Ивановича замыкался, что же касается меня, то на все лето я всегда обрываю какую бы то ни было переписку.

Но Серп Иванович Сказкин с реалиями обращался свободно. Каждое утро он начинал одними и теми же словами:

— Почты нет!

Произносил он эти слова отрывисто, четко, как морскую команду, и я, ничего еще не сообразив, лез рукой под раскладушку: искал спрятанный заранее сапог. Но сегодня Сказкина это не испугало, он не хихикнул, не хлопнул шумно дверью, не высочил, торопясь, на потное от росы крылечко. Более того, после секундного значительного молчания упрямо повторил:

— Почты нет!

И добавил:

— Вставай... я что хошь сделаю!

С д е л а ю!.. Сказкин и — с д е л а ю!.. Сказкин с его любимой поговоркой: «Ты, работа, нас не бойся, мы тебя не тронем», и это — с д е л а ю!

«С таких вот вещей, — сказал я себе, — и начинается путь к поповщине...»

Не открывая глаз, слушая, как орет за окном ворона, укравшая у нас полкилограмма жиров, я упорно решал загаданную Серпом задачу. Ночь, правда, выдалась бессонная. Свирепая, мертвая духота упала на берега Доброго Начала. Речка Тихая совсем отошала, от узких ленивых струй несло болотом. Воздух над песками дрожал, как над перекаленной жаровней. Бамбуки пожелтели, курились едкой пылью, лопухи съезжились. Стены нашего дома взялись влажными тяжелыми пятнами, выцветшие обои поднялись пузырями, потом пузыри лопались, обвисали; так же тяжко обвисало небо на каменные мрачные плечи вулканов. Вторую неделю душное тяжелое пекло. Вторую неделю ни капли дождя. Вторую неделю я проводил ночные часы у окна, уставившегося на океан пустой рамой — стекла я давно выдавил. Душная тишина была брошена на остров, как горячий компресс, и волны шли к берегу душные, длинные — я угадывал это по тяжелым, ленивым вздохам. Мертвая тяжкая тишина, лишь постаныв-

вала где-то корова горбатого Агафона Мальцева. Звезды, духота, лето...

— Вставай, — повторил Серп Иванович. — Я что хошь сделаю.

Наконец я разлепил веки.

Серп Иванович Сказкин — первая кепка острова, обладатель самой крупной на островах головы — стоял передо мной навтыяжку, как солдат над раненым маршалом. Был он в длинных синих трусах на босу ногу и в не снимаемом никогда тельнике. Обнаженные кривые ноги Сказкина казались еще круглее от того, что их обвивали лиловые тела вытатуированных тушью гидр. «Мы устали!» — гласили лиловые краткие надписи на каждой гидре, но, несмотря на усталость, гидры эти так и рвались вверх, под скудные одежды Серпа Ивановича.

Голова у Сказкина действительно была крупная. Думаю, сам Дионисий не отказался бы на своих кровожадных пирах плеснуть вина в чашу, сработанную из черепа Серпа Ивановича. Прищуренными, хитрыми глазами, чуть подрагивая пучками белесых ресниц, Серп Иванович смотрел мимо меня, в сырой душный

угол домика. Я невольно перевел взгляд туда же, и этого мгновения Серпу Ивановичу вполне хватило: обе руки он спрятал за спину.

— Показывай, добытчик! — догадался я. — Что принес? Морская капуста?

Сказкин хмыкнул, глухо, как в раковину:

— Говядина!

«Бессонница... — окончательно решил я. — Бессонница, вот что нас доконает...»

В самом деле: на ближайшие тридцать миль, а в сторону Америки и еще дальше, не было тут ни одной коровы, не считая же говядиной белую скотину Агафона Мальцева — берег ее Агафон, не на мясо держал, молоко пил...

— А ну! — приказал я. — Что там?

И ужаснулся.

В огромной длани Серпа Ивановича, задуманной, несомненно, как совковая лопата, лежал кусок свежего, точащего кровь, мяса. Противоестественный алый кусок, даже обрывок шкуры сохранился, будто сорвали ее с несчастного животного одним махом.

Кто мог такое сделать?

Сказкин лишь пожал плечами, покатыми, как у гуся.

— Но ведь это корова Агафона! — догадался я.

— Других тут и не бывало!

— Но кто это сделал? Кто?

Серп Иванович хихикнул.

Застиранный тельник делал Сказкина похожим на большую мутную бутылку, по горло полную здравого смысла. Хихикал он, конечно, надо мной, ибо только младший научный сотрудник Тимофей Лужин (он, Серп, был в этом уверен) мог возлечь на влажном вкладыше в тот час, когда всякий порядочный человек вполне мог кое-что откусать от жизни, то есть от белой коровы Агафона Мальцева. Серпа переполняло чувство преросходства, Серп презрительно и высокомерно пожимал плечами, Серп даже снисходил: уж что там, уж с ним, со Сказкиным, не пропадешь!.. И, не выдержав духоты, невнятицы, неожиданности, испуга, я, наконец, встал, добрел до умывальника, побренчал его теплым медным соском, дотянулся до влажного полотенца.

— Я однажды в Пиреях двух греков встретил, — гудел за моей спиной Сказкин. — Один виски нес, другой на тебя походил.

Я прислонился к пустой раме. «Ох, Серп! Ох, роди-мый!»

Слоистая полоса теплого утреннего тумана зависала над темным заливом, резко деля мир на земной, с его тяжкими пемзовыми песками, оконтуренными бесконечной щеткой бамбуков, и на небесный — с пронзительно душным небом, выцветшим от жары, как любимый не снимаемый никогда тельник Сказкина.

— Ну? — наконец спросил я.

Сказкин, подмигнув, бросил:

— Нашел — спрячь, отнимут!

Эта мудрость венчала философию Сказкина, но мне было не до шуток.

— Агафон... знает?

По праву удачливого добытчика Сказкин вытянул сигарету из моей пачки и укоризненно покачал большой головой:

— Да ты что, начальник! Это если бы еще одна корова пришла, а то и единственную забили!

— Кто забил?

— Ой, спешишь, начальник! — нахмурился Сказкин. — Ой, спешишь, неправильно думаешь. Ничего не знаешь, а виноватого уже угадываешь... Люди, начальник, они везде одинаковые, что на островах, что в Бубенчикове, что в Симонсеки. Сойдешь на берег, поставишь бутылочку: «Хау ду ю ду?» Любой, конечно, ответит: «Хау!» Меня, начальник, вот за что боцманá любили? Да за то, что я, начальник, и палубу вовремя выскребу, и к подвигу всегда готов...

— Сказкин, — сказал я. — Вернемся к фактам... Вот лежит мясо. Это факт... Вид у мяса странный. Это тоже факт... А принес это странное мясо ты! Факт, от которо-

го никуда не деться... Я, Серп Иванович, за каждый твой жест в ответе, потому быстро и четко мне объясни: что случилось с коровой?

— Акт оф готт! — хладнокровно перешел Сказкин на иностранный язык. — Акт оф готт! Действие бога!

Расшифровывалась ссылка на бога так.

Поздно ночью, выпив у горбатого Агафона чаю (Агафон любил индийский, но неизменно добавлял в него китайского, низких сортов), Серп Иванович решил прогуляться. Душно, неважно — какой сон!.. Так и шел по пескам, меня в окне видел. Даже подумал: «Чего это начальник не по уставу живет? Отбой протрубили — гаси свечу, сливай воду!». Топает так по бережку, по пескам, и все обо всех понимает — и о начальнике, не умеющем свечи беречь, и о звездах, такие они дикие, будто о спутниках и не слышали, и вообще о каждом шорохе в ночи... А вот чего корова Агафона вдали взмывает — этого Серп не понял. Корове, как никому, спать следует: она, дура, молоко обязана копить; так нет — ночь, а она, падла, шастает под вулканами. «Чего ищет? — подумал Сказкин. — Пойду вмажу ей по рогам, чтоб не взмывала!» Подобрал бамбучину и ходу! Запилил аж за речку Тихую, на луга. До этого, правда, на деревянном мостике отдохнул, потыкал бамбучиной в битых, шатающихся у берега горбуш. Так хорошо ему на мостике стало — как в детстве, как в родном Бубенчикове. И комаров нет, и от Елены Ивановны далеко.

Так Сказкин шел по пляжу, а пляж перед ним изгибался, и на очередном его плавном изгибе, когда Сказкину уже захотелось вернуться домой (да и корова давно замолчала), он вдруг и сразу увидел такое, что ноги сами собой приросли к пескам.

Отгоняя нахлынувший на него ужас, Сказкин минут пять бубнил мне про какой-то огромный вертлюжный гак.

Гак этот, пуда на два весом, совсем не тронутый ржавчиной, блестящий, как рыба чешуя, валялся в песке. Помня, что хозяйственный Агафон за любую отбитую у океана вещь дает чашку немых сухофруктов, Серп Иванович сразу решил: гак — Агафону!

И опомнился.

При чем тут, в сущности, гак? При чем тут сухофрукты, пусть и немые... Вон ведь в воде, омываемая ленивым накатом, торчит, как белый валун, рогатая голова несчастной коровы.

«Ну не повезло медведю! — вслух подумал Серп, хотя если по справедливости, то не медведю тут не повезло, а Агафону. — Этого медведя Агафон где хочешь найдет!..»

Не сразу пришла в голову Серпа Ивановича простая мысль: медведь-муравьятник, обитающий на островах, он, этот медведь, хоть ты его зеленым овсом корми, на корову горбатого Агафона никогда не пойдет — рога у нее, что морские кортики, а нрав — в хозяина.

Страх сковал Сказкина.

Слева — океан, бездна, тьма, в бездне этой что-то огромное копошится; справа — глухие бамбуки, бездна, ужас, в бездне этой что-то свирепое пыхтит, ухает... Бросил Сказкин бамбучину и дал деру. Кусок мяса, правда, схватил.

Серп, он свое откусает!

— Что ж она, дура, — хмыкнул я, жалея корову, — на mine, что ли, подорвалась?

— Ну ты даешь! — хрипло вскричал Серп. — Ну ты даешь! Да тут тральщики каждую банку вычесали. В лоцию чаще заглядывай. Если и есть тут опасности, то лишь не учтенные лоцией!

— Акула?

— Да где это слыхано, — возмутился Серп, — чтобы акула коров по пляжу гоняла!

— Ну что ж, — подвел я итог. — Нет тут неучтенных опасностей! Если не медведь, не мина, не акула...

Сказкин замер.

— Значит, т ы!

— Начальник!

— Хватит! Проваливай! Прямо к Агафону! Ему это все объясни! — Я глянул в окно: — Впрочем, тебе и тут повезло: вон он, Агафон, сам идет к нам...

Агафон Мальцев, единственный постоянный житель поселка, используемого рыбаками под базу, действительно был горбат. Но горб не унижал Агафона. Он, конечно, пригнул Агафона к земле, но зато утончил кисти рук — они стали хрупкие, веснушчатые, совсем женские; сгладил характер. Лицо — обветренное, морское, оно почти не знало морщин, а белесые, навкате, глаза время от времени схватывались влажным блеском, будто он, Агафон, вспоминал что-то такое, о чем и друзьям вспоминать не след... И сейчас, выкатив влажные, нежные свои глаза, Агафон, переступив порог, сразу поставил у ног транзисторный приемник «Селга», с которым не расставался ни при каких обстоятельствах. «Мало ли что, — пояснял он. — Вот буду один, в расщелине там, в распадке, в бамбуках, и станет мне, к слову, нехорошо... Так со мной же приемник! Я его никогда не выключаю. По шуму меня и найдут, по песенке Пугачевой!» — «Ерунда! — не верил Серп Иванович. — Ну неделя, ну две, сядут твои батареи!» — «А я их часто меняю», — настаивал Агафон.

— Коровы нет, — пожаловался с порога Мальцев. — С ночи ушла, а я за ней рыскай, будто и не хозяин.

— Да чему мы в этой жизни хозяева? — лицемерно вздохнул Сказкин. — Тьфу, и нас нет!

— Ты, Серп, вроде как с океана шел. Не встретил корову?

— Да встретил, встретил, — еще фальшивее вздохнул Серп.

А я обернулся и ткнул кулаком в сторону столика:

— Твоя?

«...на этом, — громко сказал голос из «Селги», —

мы заканчиваем нашу передачу. До новой встречи в эфире!»

И смолк.

Однако не насовсем.

Где-то через минуту из темных, таинственных недр «Селги» донеслось четкое, явственно различимое икание. «Прямо как маяк-бипер», — определил позже Сказкин.

А Агафон приблизился к столу и растопыренными, как у краба, глазами уставился на мясо, добытое Серпом:

— М о я!

— Ну бери, раз твоя, — разрешил Сказкин. — И ходить, искать теперь не надо.

— Но кто ее так?

— Ну уж не знаю. Таковую встретил.

Агафон ошеломленно молчал.

— Да ты не переживай, — хихикнул Серп. — Другую купишь. Подкинут транспортом. Не такую, как эта, а получше — добрее, спокойней, молочнее. Будет у порожа травку щипать, тебя ожидать с прогулок. Сам говорил: эта тебя вконец загоняла.

— Осиротили! — взвыл Агафон. — Осиротили! Сперва собаки, теперь вот корова! Что же я, должен в одиночестве жить?

— Почему же в одиночестве? — не поверил Сказкин. — Знаешь, сколько в океане живности? Ты вот поди, сядь на бережку, обязательно кто-то вынырнет!

— Мне чужого не надо, — плакался Агафон. — Мне без молока хуже, чем тебе без бормотухи. — И потребовал: — Веди! Показывай — где! Я все разгадаю!

Пока мы брели по убитым пескам, Агафон, припадая на левую ногу, в гроб и в мать клял жизнь на островах, шалых собак и дурную корову. Вот были у него две дворняги, без клечек, как и корова, — и жизнь у Агафона совсем по-другому шла. Он даже в бамбук ходил без приемника — с собаками не страшно, найдут. Но однажды, перед самым нашим приходом в поселок, ушли собаки гулять и с той поры ни слуху о них, ни духу.

— И ничего от них не осталось? — не поверил Сказкин. — Ни хвостов, ни когтей?.. Это ты, Агафон, брось. Уж я о зверье все знаю. Я, Агафон, конюхом был... Просто запустил ты тут свой участок. Чертом у тебя тут пахнет.

Но пахло не чертом.

Пахло водорослями, йодом, душной сыростью.

Длинные, перфорированные ленты морской капусты путались под ногами, туманно, влажно отсвечивали плоские луны медуз; как разваренные полопавшиеся сардельки, валялись в песке серые голотурии.

— Вот, Агафон... Нравится?

Песчаная отмель выглядела так, будто кто-то зло, не по-человечески резвясь, устроил тут самое настоящее побоище. Куски раздробленных белых костей, обесцвеченные обрывки мяса. Печально торчал из

воды рог, прямой, как морской кортик. Вокруг белой коровьей головы суматошно возились крабы. Уже нажравшиеся сидели в стороне, огорченно разводили клешнями — вот, дескать, не лезет больше, вот, дескать, и хозяин уже объявился!

Плоскую полосу пляжа, такого плоского, что, поднимись вода буквально на сантиметр, и его затопило бы целиком, тяжело, мерно подпирал океан — белесый вблизи, тяжкий, голубоватый на горизонте, где воды его смыкались со столь же тяжким обезвоженным небом.

Ни души...

Лишь над далеким домиком Агафона курился тусклый дымок.

Небо, тишь, ленивый накат, душное равнодушие бамбуков.

И — океан, смирение, рогатая белая голова.

— Осиротили! — вскричал Агафон и, как кузнечик, отпрыгнул к самой кромке воды — кружевной, шипящей, мягко всасывающейся в белый песок пляжа.

Мы замерли.

Казалось, сейчас вскинется над берегом липкое щупальце, сейчас рванется оно к небу, зависнет в воздухе и одним движением вырвет из мира сироту Агафона Мальцева.

Но ничего не случилось.

Суетливо ругаясь, Агафон шугнул крабов и выловил из воды тяжелую коровью голову. Он уже простил Сказкина, он уже понял — не под силу такое Сказкину. Видимо, тут впрямь вмешалось то неясное, темное, что бывалые моряки всех стран определяют двумя словами: Акт оф готт — действие бога.

Сказкин кивнул. Сказкин обрадовался. Сказкин оценил жест Агафона.

Кто-кто, а он, Сказкин, знал: далеко не все в жизни соответствует нашим возможностям и желаниям. Он, Сказкин, и в мой Пятый Курильский попал волею обстоятельств. Не дал мне шеф лаборанта (все заняты), а полевые на полагающегося мне рабочего разрешил расходовать только на островах (экономия!). Смешно! В инвалидах я не нуждался, а здоровые мужики (лето — это путина!) давно ушли в океан. Вот почему две недели я провел на острове Кунашир. Осел в Менделееве, пил чай, вытирал потное лицо полотенцем и терпеливо, как паук, следил за очередью, опоясавшей крошечное здание аэропорта. Если я мог найти рабочего, то только здесь.

Погода не баловала.

Издредка с Сахалина прорывался случайный борт, но забрать он не мог и десятой доли желающих, вот почему в обычно пустых бараках кипела сейчас жизнь — пахло чаем, рыбными шашлыками, икрой морского ежа.

Центром бивачной жизни все же оставалась очередь.

Здесь, в очереди, завязывались недолгие романы, здесь, в очереди, рушились вечные дружбы, здесь, в очереди, меняли книги на икру, икру на батарейки, батарейки на рыбу, рыбу на книги. Здесь все жили одной надеждой — попасть на материк. Потому-то ни один из тех, к кому я обращался со слезными просьбами, не был со мной добр. «Подработать денжат! — удивлялся такой вот, рвущийся в Южно-Сахалинск или в Хабаровск. — Хочешь, я тебе оплачу эти полтора месяца, только исчезни с глаз моих!..»

Я не сердился. Я понимал каждого.

Серп Иванович возник в порту на восьмой день. Подошел к очереди коротенький человек в пыльном пиджачке, наброшенном на покатые плечи, в гигантской кепке, сбитой на стриженный затылок, и в штанах, украшенных алыми лампасами. Левый карман на пиджачке был спорот или оторван, на его месте светлел невыцветший квадрат, в который Серп Иванович время от времени привычно совал руку.

Не поздоровавшись, не сказав анекдота, никого не заметив, не спросив, кто тут крайний (не последний, а крайний — за «последнего» могли побить), Сказкин целеустремленно пробился к крошечному окошечку кассы, надежно утопленному в бревенчатой стене. Но именно там, у окошечка, Серпа Иваныча и взяли под локотки двое крепких ребят, отставших от своего МРС — малого рыболовного сейнера.

— Ты, организм, куда? — спросил старший.

— На материк, — отрывисто бросил Серп. Демонстративно отвернувшись от Сказкина свои багровые, пухлые лица (вдруг Сказкин пьян? — таких тут не жаловали), ребята с МРС деловито хмыкнули: им нравилось вот так, на глазах очереди, показывать свою принципиальность — ведь если Сказкина к заветному окошечку впрямь привела бормотуха, это обещало большое зрелище. С хамами и богодулами поступали просто: влажной губкой им стирали с ладошек порядковый номер и отправляли в самый конец очереди — пусть пасется.

— Да тут все на материк, — миролюбиво заметил второй, помоложе. И потребовал: — А ну, организм, покажь ладошку!

Сказкин спрятал руку в несуществующий карман.

— Болен. Лечиться еду.

Очередь зашумела. Народ на островах отходчивый, понимающий — в сложном климате люди не ожесточаются.

— Прижало мужика...

— Не говори, глаза-то ввалились...

— Вишь, трясется. Я тоже когда-то больным был...

— А слабый! А качает! — жалели Серпа. — До борта-то хоть доживет? Где у него родственники?

Уловив сочувствие, Серп Иванович одним движением освободился от растерявшихся рыбаков. Из правого, существующего кармана пиджачка он вынул пас-

порт и деньги — вложил в окошечко кассы, как в банк. Окошечко это, правда, больше походило на бойницу — было такое узкое и глубокое, что кассиршу никто никогда не видел. Голос слышали — это точно. Глухой, сильный голос. Говорили, будто кассирша из бывших охотниц, с ножом на медведя ходила, будто лицо у нее медведем поцарапано, вот и работает за такими вот глубокими нишами.

— Справку! — донеслось из окошечка.

Серп Иванович снова полез рукой в существующий на пиджачке карман. А самые сердобольные уже передавали по цепочке:

— Если он в Ригу, у меня там приятель есть...

— Из третьего барака дед улетел, койка освободилась...

Но весь этот шум был заглушен рыком кассирши:

— Ты что мне даешь? Ты что мне даешь, а?

— Да выписывай, не мучь! — возмутилась очередь. Особенно шумели те, кто не надеялся улететь первым бортом. — Выписывай! Развела контору! Он человек, не медведь. Ясно же: организм не из крепких!

Старший рыбак перегнулся через плечо Сказкина.

— Тут по-иностранному, — сообщил он.

— По-иностранному? Значит, серьезно! Значит, скрывают! Иначе чего скрывать? Так бы и написали — тиф там или ОРЗ. У нас попусту не пугают... Чего, чего он там говорит?... «Мозжечковый...» Это у него с головой что-то... «Тремор...» Или это с руками?..

Но старший из рыбаков уже рванул на груди тельняшку:

— Братишки! Да его болезнь на бормотухе растет!

— А-а-а, богодул... — мгновенно разочаровалась очередь. — Едет лечиться! Тоже нам — инвалид! С такой болезнью можно и по воде шагать, аки посуху. Тоже герой! Второй по величине, третий по значению!

И Сказкина, будто куклу, перекинули в хвост очереди.

...Два дня подряд южные острова были открыты для всех рейсов. Пассажиров как ветром сдуло, даже кассирша уехала в город, вот почему меня, одинокого и неприкаянного, как Вселенная, заинтересовал грай ворон, клубившихся над дренажной канавой, мечом направленной прямо к авиакассе.

Я подошел.

По дну канавы, выкидывая перед собой руки, попластунски полз Серп Иванович Сказкин. Пиджачка на нем не было, но лампы на штанах еще не стерлись.

— Летишь? — спросил я сверху.

Серп, из-под кепки, кивнул.

— Лечиться?

Серп снова кивнул, удаляясь от меня со скоростью черепахи. Полз он, конечно, к кассе: прятался от уже несуществующей очереди, хотел взять внезапностью.

Целеустремленность Серпа Ивановича мне понра-

вилась. Стараясь не осыпать его песком, я медленно шел рядом с ним вдоль канавы.

— Хочешь, вылечу?

«Как?» — без слов спросил Сказкин.

— Два месяца физических работ. Два месяца вне всяких знакомых. Два месяца ни грамма в желудок. Выплаты — только по возвращении. Идет?

— Идет!

Так Сказкин попал в Пятый Курильский.

Утешая осиротевшего Агафона, Серп Иванович три долгих дня варил в кастрюльке отменный компот. «Тоже из моря?!» — намекал я на злополучную говядину. Серп Иванович отставлял в сторону кружку, значительно замечал: «Не так, чтобы совсем, но через Агафосу...» И хитро смотрел на Мальцева.

Мальцев молчал.

«Смотри, Серп! — грозил я. — Если ты сапоги на компот сменял, с тебя высчитают!» — «Да нет! — довольно объяснял Сказкин. — Я ведь говорил, как вертлюжный в песках нашел. Мне он ни к чему, а Агафон все собирает...»

Душный, томительный цвел над островом август. С вечера всходила над вулканом Венера. Семь тонких ее лучиков, как мягкие плавники, нежно раскачивались в ленивых волнах залива. Глотая горячий чай, пропитанный дымной горчинкой, я откидывался спиной на столб навеса, под которым стоял кухонный стол; я отдыхал, я ощущал прекрасное чувство выполненного мной долга. Работа подходила к концу, погода к нам благоволила. «Собаки, говорю, ушли, — бухтел Агафон Мальцев. — Ушли, и как без вести!» — «Да оно так и есть: без вести, — сочувствовал Серп Иванович. — У нас с балкера «Азов», было, медведь ушел. Его танцевать научили, за столом в переднике сиживал; чего уж, кажется, — плавай, смотри на мир! Так нет. На траверзе острова Ионы хватились — нет организма! Свободы, видите ли, захотел!» — «Я и говорю, — наглядно, как на ВДНХ, закусывая, бухтел Мальцев, — как ушли собаки, так ни слуху от них, ни духу». — «Может, плохо кормил?» — «Да нет, совсем не кормил, собака должна сама кормиться». — «Медузами?» — удивлялся Сказкин. — «Зачем медузами? Пусть мышкуют. Тут, смотри, все поляны стриженные...»

Так они вели свои нескончаемые беседы, жалели собаку, гадали об их судьбе и судьбе белой коровы, а я смотрел на лучики звезды, купающейся в заливе. «Вот и еще день прошел. Смотришь, и подойдет шхуна. Смотришь, и поплывем — может, на Камчатку, может, в Корсаков».

Дорога на острове была, шагай по ней хоть прямо до Буревестника. Сперва через перешеек, сквозь сырые заросли — на охотскую сторону, потом по пемзовым пескам к черной горе Голубке, а там до Буревестника — рукой подать...

Но не могли мы воспользоваться дорогой. Лошадей не было, на плечах все не утащишь. Кроме спальников и снаряжения, скопили мы пять ящиков образцов — сваренные пемзовые туфы, вулканические пески с крохотными лапиллями, блестящие, зазубренные, как ножи, куски обсидиана, тяжкие, как мертвая простокваша, базальты.

Я гордился собранными образцами.

Я гордился — время прошло не зря.

Я гордился — есть что сказать шефу. Ведь это шеф утверждал, что пемзовые толщи Южного Итурупа не имеют отношения к кальдере Львиная Пасть, когтистый гребень которой вливался в выжженное небо за далеким, крошечным, курящимся, как вулкан, домиком Агафона Мальцева.

Я гордился: «Ошибся шеф! Я его ошибку исправил! Все эти пемзы выплюнула Львиная Пасть! Она, и ничто иное!»

Гордясь, я видел огнедышащий конус, прожигающий алым пламенем низкое небо, густо пропитанное электричеством. Гордясь, я видел летящие в субстратосфере глыбы, смертную пелену пепловых туч, грохот базальтов, рушащихся в освобожденные магмой полости. А потом — мертвый кратер, ободранные взрывом мощные стены. И высоко над всем этим — доисторические белые ночи, доисторические серебристые облака.

У ног горбатого Агафона привычно, как маяк-бипер, икал транзисторный приемник «Селга».

Горящий, прокаленный, тлеющий изнутри август.

Вдруг начинало дуть с гор, несло запахом сухой каменной крошки. За гребнем кальдеры грохотали невидимые камнепады. Хотелось домой, в город, туда, где есть настоящее кресло, шкафы с книгами, друзья,

где шапочка пены стоит не над крутящейся на ручье воронкой, а над чашечкой кофе.

Город.

Там за день проходят перед тобой тысячи людей, там за день ты не успеваешь толком поговорить ни с одним, но там есть дом, в котором, если ты даже и не вхож в этот дом, живет человек, придающий новый и важный смысл всему, что тебя окружает, что тебя интересует.

Полный тоски, подчеркнутой икающей «Селгой», жарой, пустыми берегами, я уходил к подошве вулкана Атсонупури, в заброшенный, черный, как иероглиф, поселок. В одичавших садах рос крыжовник, его ягоды походили на выродившиеся арбузы. За садами душно, томительно пах можжевельник, синели ели Глена, пузырились кусты аралий. Оттуда, с перешейка, я видел панораму залива и далекий, почти прозрачный горб горы Голубки. Но гора Голубка напоминала не птицу. Гора Голубка напоминала тушу дохлого динозавра. С ее мрачных массивных склонов, как пряди старческих седых волос, ниспадали многометровые водопады, а внизу, под ними, крутились мутные окисленные ручьи.

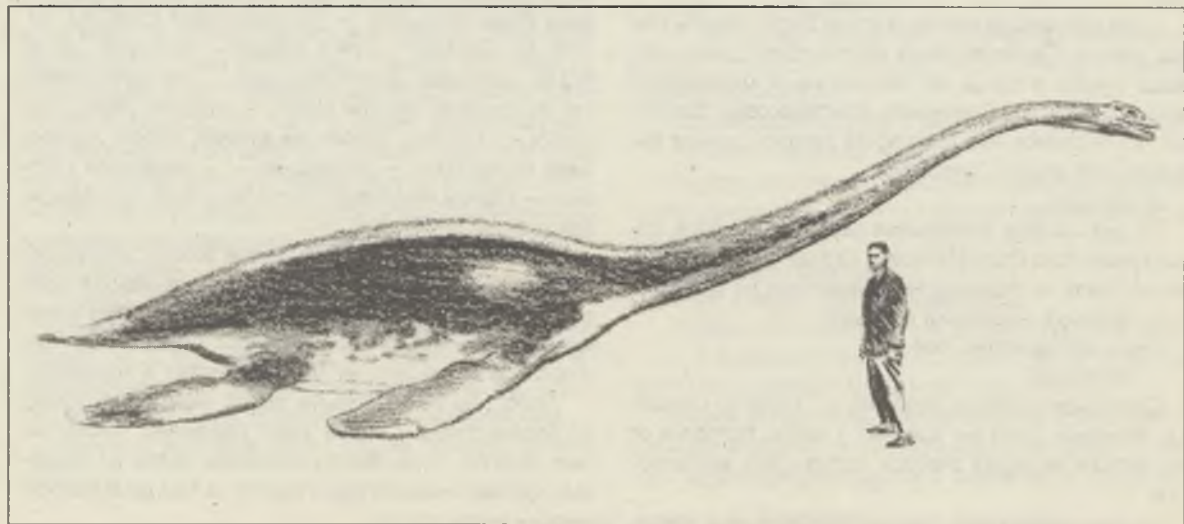
Я понимал: этот мир — м о й.

Он, этот мир, был прост, строг, расчислен. В нем, в этом мире, все было точно predetermined.

Но, как вскоре выяснилось, я ошибся.

Белая корова Агафона Мальцева оказалась лишь первым звонком, ибо в тот же вечер ввалился под наш душный навес не в меру суетный Сказкин; ввалился, ткнув рукой в столб, подпирающий крышу навеса, а другой — в деревянные ящики с образцами; ввалился, потеряв кепку, потеряв душевное равновесие; ввалился, упал на скамью и шумно выдохнул:

— Привет, организмы! Р ы б а!

«Залив Львиная Пасть вдается в северо-западный берег острова Итуруп между полуостровами Клык и Челюсть. Северная оконечность полуострова Клык — мыс Клык — находится в 11.5 мили к NNO от мыса Гневный, а западная оконечность полуострова Челюсть — мыс Кабара — расположен в 3 милях к NO от мыса Клык. Входные мысы залива и его берега высокие, скалистые и обрывистые. Входные мысы приметны и окаймлены надводными и подводными скалами. На 3 кбт от мыса Кабара простирается частично осыхающий риф.

В залив ведут два входа: северо-восточный и юго-западный, разделенные островком Камень-Лев. В юго-западном входе, пролегающем между мысом Клык и островком Камень Лев, опасностей не обнаружено; глубины в его средней части колеблются от 46.5 до 100 м. Северо-восточный вход, пролегающий между островком Камень-Лев и мысом Кабара, зароможден скалами, и пользоваться им не рекомендуется».

Лоция Охотского моря

Тетрадь вторая. Львиная Пасть

Игра игр — карты. Желание точности. Русалка — как перст судьбы. Болезни и осложнения. Дорога, по которой никто не ходит. Большая пруха. «К пяти вернемся». Плывущее одиноко бревно. Капроновый фал и каша из гречки. Левиафан.

Август пылал, как стог сена.

Звезды искрами сияли по всему небу, ночами головней тлела над вулканом Луна.

Когда надоедали чай, прогулки, беседы с Агафоном и Сказкиным, когда ни работа, ни отдых не шли на ум, и время останавливалось, и не хотелось даже двигаться, я садился за карты... Нет, нет! — увлекал меня вовсе не покер, и не «дурак», как бы его там ни называли — японский, подкидной, астраханский; я аккуратно расстилал на столике протершиеся на сгибах топографические карты, придавливал их куском базальта и подолгу сравнивал знакомые линии берегов со сведениями, почерпнутыми из Лоций, хранившихся в скудной библиотеке горбатого Агафона. Были там у него разрозненные тома Шекспира, Бальзака, Гуревича и шесть полк беллетристики, списанной с судов.

Условные знаки...

Мыс Рока.

Для одних это крошечный язычок, показанный островом Охотскому морю, а для меня — белые пемзовые пески и дождь, который шел ровно две недели. Дождь не прекращался ни на секунду, он шел днем и ночью. Плавник пропитался влагой, плавник тонул в воде, плавник не хотел гореть. Раз в сутки, большего мы не выдерживали, Серп Иванович приносил с берега куски выброшенного штормом толя — на его вонючих обрывках мы кипятили чай. Масло и сахар пришлось выбросить — они впитали в себя чудовищный тошнотворный запах... Кашляя, хрипя, не смирившийся с жизнью Серп время от времени наводил разговор на выпивку, но в его словах, к счастью, тоски не было. Серп утверждал новые для него принципы. Я — гордился!

Мыс Рикорда.

Для одних это штрихи, обозначающие крутой отрог разрушенного временем вулкана Берутарубе, а для меня — вулкан, двугорбым верблюдом бредущий сквозь теплый, как парное молоко, туман, и японский, выброшенный на берег кавасаки, на палубе которого мы провели смертельно душную ночь. Палуба была наклонена к морю, спальные мешки сползали к бортику, но палуба дышала — дерево никогда не бывает мертвым.

Я сидел над картами и передо мной в синеватой дымке тонул смазанный расстаянием безупречный пик Алаида.

Я сидел над картами, и передо мной в синеватой дымке проходили воздвигнутые над океаном заостренные вершины Онекотана, а дальше — Харимкотан, похожий на разрушенный город, Чиринкотан — перевернутая, отрезанная от океана слоем тумана, отчетливая воронка, а еще дальше — базальтовые столбы крошечных островков Ширинки...

Когтистые скалы, кудрявые ивицы наката, призрачные лавовые мысы, ведущие в никуда морские террасы — человек в море всегда один, но не одинок... Плавник касатки, мертвенный дрейф медуз, пыльца бамбуков, принесенная с суши, — все это часть твоей жизни, ты дышишь в унисон океану, ты знаешь — это твоё дыхание гонит волну от южных Курил до ледяных берегов Крысьего архипелага...

И еще — отметил я про себя. Нигде так не тянет к деталям, как в океане. Его бесконечность заставляет тебя найти, выделить из массы волн одну, пусть не самую мощную, зато конкретную, из великого множества всплывающих из-под кормы огней один, пусть не самый яркий, зато конкретный... В океане хочется быть точным. Тяга к точности там так же закономерна, как

закономерно на пустом душном острове испытывать чувство тоски.

Детали...

И — бесконечность...

Прибрежная зона: белые пемзовые и черные титаномагнетитовые пески, узкая линия, сталкивающая две стихии, порог между двумя мирами — они волнуют меня, как женщина, которая никогда не будет моей. Завалы ламинарий, дряблые линзы медуз, разбитые остовы судов — за всем этим стоит неясная, но угадываемая тайна.

«И в самом деле, — думал я, — как увязать великий океан и его обитателей с не менее великой философией Серпа Ивановича Сказкина, как увязать огненное кольцо вулканов и пустынное одиночество Агафона Мальцева, безмерность стихий и мои ничтожные планы?..»

Я терялся.

Я знаю: Сказкин бы меня не поддержал. Я знаю: Сказкин бы мои мысли не одобрил.

Но ведь на то он и Сказкин!

Вглядываясь в карты, идя вдоль длинных извилистых берегов, я не слышал Агафона и Сказкина... Так, отдельные слова... Он, Сказкин, видите ли, разглядел в океане рыбу!.. А кто из нас, спрашивается, не видел больших рыб?.. Тем более, глазами Сказкина!

Беседа о рыбах меня не привлекала. Лекций Льва Симоновича Берга мне хватало вот так. Я не слушал Агафона и Сказкина, я снова шел вдоль островов и уже видел перед собой кальдеру Львиная Пасть, скалистым ухватом вцепившуюся в застрявший в ее глотке Камень-Лев... Только в прибрежной зоне, которую я так люблю, чувствуется по-настоящему чудовищная масса материка, только в прибрежной зоне начинаешь по-настоящему понимать, что как ни призрачны, как ни прозрачны подернутые голубой дымкой, уходящие за горизонт мысы, кулисами выдвинутые друг из-за друга, их чудовищный вес лежит на тебе самом...

— Выключи! — крикнул Серп, пиная ногой икающую «Селгу».

— Правды боишься! — возразил Агафон. — Не можешь видеть такую большую рыбу!

Запретив себе отвлекаться, я всматривался во встающие перед глазами скалы, отсвечивающие глянцевым пустынным загаром; я видел розы разломов, длинные дождевые тени над черным песком, ледниковые мельницы, предгорные шельфы, плоские, как ведро, столовые горы; я видел вересковые пустоши и гигантские бесформенные ирисы на плече вулкана Чирип...

Кто упрекал язык науки в сухости?

— Пить надо меньше! — ревниво прозвучал над вересковыми пустошами голос Агафона Мальцева.

— Начальник! — крикнул мне Серп. — Ты слышишь его, начальник?

— Ему тебя слушать не надо, — ревниво бухтел Агафон Мальцев. Он всегда относился к начальству с уважением. Он не мог потерпеть такого амикошонского отношения к начальству. — Ему тебя слушать не надо, Серп. Ему это ни к чему. Он — начальник!

Усилием воли я выгонял из сознания мешающие мне голоса, но нервный фальцет Серпа Ивановича, его взвинченная активность звенели над миром, как механическая пила. Голос Серпа Ивановича срывал меня с плоскогорий, голос Серпа Ивановича бросал меня в будни. «Я не козел! — слышал я. — Я на привязи никогда не сидел. Я в неволе не размножился. Я на балкере «Азов» сто стран посетил. Я с австралийцами пьянствовал! И уж океан, мой Агафон, знаю с таких вот!» — Тут Серп Иванович вскакивал и жестом показывал — с каких...

Но немножко Серп привирал, хотя в пять лет ему уже давали за характер все десять. А с океаном, точнее с первым и весьма далеким о нем представлением, а еще точнее, с первыми и весьма далекими его представителями Серп впервые столкнулся сразу после школы, когда из родного Бубенчикова его, вместе с другими призывниками, доставили на грузовой машине прямо в районный центр.

Гигантский полотняный купол, парусом запрудивший площадь, поразил Серпа. И совсем уж доконал его алый транспарант с белыми буквами.

ЦИРК. РУСАЛКИ.

Это было как перст судьбы.

С младенческих лет, подогреваемый рассказами деда Евсина, служившего почти две недели на минном тральщике и списанного с флота за профнепригодность, юный Сказкин грезил о море.

Море, считал Серп, окружено дикими камышами, как Нюшкины болота, что начинаются сразу за Бубенчиковым. В море, считал Серп, впадают разные реки, и каждая из них раз в десять шире и глубже речки Панькиной, другими словами — Запрудухи, которую Серп в те годы уже осмеливался переходить вброд. А в камышах вокруг моря, считал Серп, живут не кряквы и кулики, а несказанные и жестокие существа, как то: русалки, морские змеи, драконы, киты и спруты. Вот почему, ни секунды не колеблясь, Серп последние свои деньги извел на билет.

На арене — увидел он — стоял гигантский стеклянный аквариум. В аквариуме, хорошо различимые, призывно изгибаясь, шли в приповерхностном танце самые настоящие русалки, совсем с виду как бубенчиковские девки, но с хвостами вместо ног и с яркими ленточками вместо лифчиков. Последнее Серпа смущало, он поднял взор горё...

Там, вверху, впрочем, тоже было небезынтересно.

Там, вверху, под самый купол уезжал в железной клетке, прутья которой были обмотаны паклей, обильно вымоченной в бензине, веселый клоун в дурацких, как у Серпа, штанах. И конечно, этот умный клоун решил закурить — вытащил из кармана кисет, кремь и стальное, большое, как кепка Серпа, огниво. Серп, не раз бывавший в МТС, той, что обслуживала родное Бубенчиково, хорошо знал свойства горючих веществ, а потому он робко оглянулся на соседа, на дородного седого мужчину в светлом коверкотовом костюме. Сосед добродушно улыбнулся, дал Серпу конфету и даже полубнял за плечи: дескать, не тушуйся, сморчок, тут дело знают!.. И в этот момент клетка вспыхнула! Клоун с криком бросился к дверце, а дородный сосед Серпа, задыхаясь от смеха, объяснил: «Ишь, он к русалкам хочет!..»

Серп тоже засмеялся, но ему было страшно.

Серп отчетливо видел: дверцу заело, клоун хочет теперь не просто к русалкам, а просто — из клетки! Но все в зале смеялись, и Серп тоже смеялся — он не хотел прослыть таким простачком из Бубенчикова.

Утверждая себя, Серп продолжал смеяться и тогда, когда все в зале умолкло. Заело не только дверцу, заело и трос, на котором висела клетка. Теперь смех Серпа звучал неуместно, и дородный его сосед, завернув рукав коверкотового костюма, не поворачиваясь, пухлой ладонью заткнул Серпу рот. Счастливо оказавшийся на сцене пожарник с маху ударил топором по тросу. Объятая огнем клетка рухнула в бассейн. Русалок выплеснуло прямо в зал. Одна упала рядом с дородным соседом Серпа, и Серп успел разглядеть, что хвост у нее пристежной...

Убедившись, что утонувшего, не поддавшегося огню клоуна откачали, зал взревел. Но Серп уже не смеял-

ся. Серп вдруг понял, на что намекала ему судьба. Кому написано на роду утонуть, тот не сгорит... Серп отчетливо увидел — он, Серп Сказкин, уйдет в море! Пусть горят корабли, пусть взрываются толстые танкеры, пусть настоящие сирены заманивают его в туман, он, внявший голосу судьбы, Серп Сказкин, будущий боцман балкера «Азов», будущий матрос портового буксира «Жук», будущий плотник «Горремстроя» (Южно-Сахалинск), будущий конюх леспромхоза «Анива», он — Серп Сказкин — должен отстаивать свои собачьи вахты и следить день изо дня медлительное течение низких, никому, кроме него, не ведомых берегов...

— Рыба! — орал Сказкин. — У меня, Агафон, глаза, как перископы! Я в любом бассейне кабак отыщу! Я эту рыбу как тебя видел! В гробу и в полукабельтове! Три горба, шея, как гармошка, понял?

— А фонтанчики? — хитро щурился Агафон.
— Никаких фонтанчиков, это тебе не цирк! А вот горбы, они были!
— Это, Серп, болезнь тебя гложет!
— Вышла моя болезнь! — беленился Сказкин. — Вся вышла! С потом моим трудовым вышла!

— Ну, тогда осложнения, — мягко настаивал Агафон.
— Болезнь, видишь, вышла, а осложнения налицо!
— Осложнения?! — окончательно взрывался Серп.
— А корову, м о й А г а ф о н, тоже осложнения слопали?

Не желая вмешиваться в бессмысленный спор, я ушел на берег залива.

Над темной громадой Атсонупури завис серебряный хвост совсем небольшой Медведицы. В молчании, в легкой дымке, в туманящихся, плавящихся берегах впрямь мнилось нечто надмирное... Вдали, там, где туман касался воды, тяжело что-то плеснуло, пошла рябь... Касатка?... Дельфин?... На секунду я увидел смутные очертания плавников... Один... Два... Три... Их действительно можно было принять за горбы большой рыбы. Усмехнувшись, я согнал с себя оцепенение: Р ы б а! Рыба Сказкина!..

Узкая дорога маняще звала в дюны.

Странно стоять на дороге, странно знать, что эта дорога, в сущности, никуда не ведет, что по этой дороге никогда не проходил самый завалающий грузовичок, даже газогенераторный, тот, что так коптил мое детство...

Я перевел взгляд на океан.

Что нам дорога!.. Обойдемся... Нас ждет океан... Только судном мы уйдем к Сахалину... Неделя, две — неважно сколько, судно придет!.. А что Серп разошелся, а что он бухтит на Агафона — это чепуха! Прогуляемся завтра на плечо кальдеры! Пусть подышит!

Серп, правда, бесился, бухтел, схватывался с Агафоном.

Готовя кашу, он вывалил в двухлитровую кастрюлю

чуть ли не килограмм рису. «По ошибке, начальник!» Пришлось звать на ошибку Агафона. Он два дня питал нас только нашей собственной кашей; сам доваривал, сам, правда, и с нами ел.

— Не за просто так! — мрачно возражал Сказкин. — Тащи сухофрукты, тебе одному с ними за год не справиться.

— Я справлюсь! — неприятно обижался Мальцев, весь день трудившийся над доставкой в поселок большого вертлюжного гака. — Это ты мне, сироте, говоришь? Постыдись! У тебя, Серп, жизнь, как слеза, прозрачная, а мне мои потери давно нажили горб!

— Тоже мне потери! — хмыкнул зарвавшийся Сказкин. — Дурная коровенка, дурные собаки!

— Эх, Серп, — вздохнул Агафон. — Меня жизнь по собакам бьет, а вот тебе везде п р у х а!

— Это ты мне — п р у х а? — теперь удивился уже Сказкин. — Да я с детства, можно сказать, света в жизни не вижу! Я, если хочешь знать, в президиуме ни разу не сидел! Не поверишь, — совсем сник Сказкин, — даже в райцентр мамка меня всего один раз брала. Сказала: «Сбережений немного, но все наши, Серп! Едем, Серп, купим машину швейную, я все село обошью. А тебе куплю конфет в фантиках!..» Я, знаешь, кудрявый был. Пока мамка по магазину ходила, взял с прилавка стеклянную вазу и приделал ее к голове. Совсем как корона. Так сказать, Альфонс III, — историю изучал?.. Продавщицы обрадовались — мальчик кудрявый, и в короне, развлечение! «Смотри, — говорят, — прямо не мальчик, а король!» А ваза тяжелая, вся в рубчиках, почти на глаза налезла. Когда мамка подошла, говорю: «Я — король!» — «А сколько такая стоит?» Когда сказали, мамка белая сделалась. «Положь, — говорит, — на место, король! Мне такую в месяц не заработать!» А я свое гну: «Король я, мамка. Чисто король!» Берусь за вазу, она не снимается. И мамка пробовала, и продавщицы. Не снимается. Продавщицы ругаться стали. «Вы мальчику уши порвете, — говорят. — Вы лучше эту вазу оплатите, тогда мы ее разобьем и мальчика вам вернем, сразу освободится!» — «Он не в трудлаге, — говорит мамка, — за эти деньги я вам головы побью!» А мне кричит: «Снимай!» — «Платите сначала, — говорят продавщицы, — тогда можете вазу прямо тут бить. Испугался ведь мальчик!» — «Ну уж нет, — ведет свое мамка. — Я, конечно, заплатить могу, но удовольствия вам не доставлю. Дома сниму, с ушами и с мылом!» Тут я обрадовался: это ведь в автобусе ехать, почти три часа. «Я король!» — говорю мамке. А она совсем обиделась: «Не король ты у меня, Серп. Не король ты у меня, а сволочь!»

— Завтра, — сказал я Серпу Ивановичу, — заглянем в Львиную Пасть.

— О господи! — задохнулся Серп. — Этого еще не хватало. Да где это, начальник, ты льва отыщешь?

Я ткнул в далекий душный гребень кальдеры:

— Видишь?

— А что ты там потерял, начальник? Это же в гору лезть!

— Дело! — сказал я коротко.

А горбатый Агафон вздохнул завистливо:

— Пруха! Я, Серп, считай полжизни под этой горой провел, а ведь умру и не узнаю, что там за ней такое?

— «Пруха!» — презрительно оборвал его Сказкин, и я вдруг посочувствовал Сказкину.

В самом деле, будь у него другой характер, и в президиуме собрания он бы посидел, и, возможно, плывал бы до сих пор по всем морям мира, не сидел на пустом острове. Да так уж случилось: когда после почти годичного плавания явился Сказкин в родное Бубенчиково, Елена Ивановна Глушкова, бывшая Сказкина, рассудила так: «Ты, Серп, дальше плыви, А я, Серп, причалила. К нашему милиционеру!»

Милиционера Серп Иванович трогать не стал, но пуховики, накопленные на его, Сказкина, валютные знаки, шелковые подушки, вывезенные им, Сказкиным, из далекого Сингапура, сам, самолично распылал мощным бельгийским пылесосом, а пылесос посек бразильским мачете.

Хорошего мало: по ходатайству милиционера визу Серпу закрыли. Вот тогда, прихватив с собой сынишку Никисора, Серп и прибыл на восток. Работы тут хватит, и океан рядом — вкатывается прямо в переулки...

Свободу узникам Гименея!

Душная ночь.

Душное утро.

Гигантские, в рост человека, душевные лопухи. Душное белое небо, как ссохшийся рыбий пузырь.

На шлаковых откосах мы еще могли утирать лбы, но в кедровнике и этого преимущества лишились — тугие стебли капканами схватывали то одну руку, то другую.

— Ничего, — подбадривал я Сказкина. — Пару часов туда, пару обратно, вот к пяти и вернемся.

— Как же! — не верил Серп. — Мы еще и к вулкану не подошли, по бережку шлепаем.

— Тушёнку взял? — отвлекал я Сказкина.

— Зачем? — удивился он. — Сам говоришь, к пяти вернемся.

— А фал капроновый?

— Фал?.. — Серп осекся на полуслове, оступился, чуть не упал. Придержав его за плечо, я присвистнул.

Вверх по растрескавшимся, грозившим покатиться в океан глыбам в диком испуге мчался серый медведь-муравьятник. Перед тем как исчезнуть в душевных бамбуках, он на мгновение приостановился и близоруко подмигнул нам крошечными глазами.

— Его испугался, что ли? — спросил я Серпа.

— Начальник!.. Да ты не туда!.. Не туда смотри!

Ругнувшись, я обернулся к воде.

Среди камней, злобно вспарывающих набегавшие на берег валы, на растревоженной, взрытой гальке здесь и там валялись останки порванного на куски сивуча. Судя по белесым шрамам, украшавшим когда-то зверя, это был не какой-то там сосунок; это был нормальный, выдавший виды секач, с которым, как и с коровой Агафона, медведь-муравьятник связываться никогда не будет.

— Начальник! — шепотом позвал Серп.

Я бросил рюкзак на камни и зачем-то поддернул брюки.

— Не ходи к воде! Слышь, начальник! — заклинал Серп.

— Почему, черт возьми!

Но, сделав два шага, я остановился. С мощной глыбы, нависающей над резко уходящим вниз дном, всмотрелся в медленную воду... Мутноватые пленки, солнечные блики, смутный лес водорослей, как инеем, покрытых бесчисленными белесыми пузырьками... И что-то огромное... бурое...

Я задохнулся.

Что-то медленно колеблющееся... пытающееся всплыть...

«Нет! Не живое!» — вздохнул я облегченно. Затонувшая давно шхуна. Обросла водорослями, палуба, как лужайка, вон из люка всплыла горбуша...

— Начальник! — молил Серп. — Вернись! Я же не смогу тебе помочь! Я — слабый!

От его шепота, от кружащих голову бездн, от смутных бликов, отсветов, отражений дикий холодок тронул мне спину, уколор корни волос...

Пусто. Душно. Тревожно.

Ободренные короткие пинии торчали над нами, как вымахавшие под небо кусты укропа.

— Начальник, слышь! Уйди от воды!

...Вверх не вниз, сердце не выскочит.

Отдышались мы на плече кальдеры. Ловили запальными ртами воздух, старались не глядеть друг на друга. Чего, правда, испугались?

Но ведь — с и в у ч!

Отдышались.

Сказкин даже заметил небрежно:

— Во вид, да? Картинка! Я за такой вид сорвал бы с Агафона не кастрюльку, а мешок сухофруктов!

Сейчас он был прав.

Глубоко дыша, я всматривался в открывшуюся перед нами панораму.

Правильной круглой формы, как выжженный автогенном, лежал перед нами колоссальный цирк, заполненный столь прозрачной водой, что мы угадали ее только по белой кайме наката да по темной, проецирующейся в глубину тени плывущего одиноко бревна.

Замерев, забыв о закушенной в зубах папиресе, Серп Иванович сунул зажженную спичку обратно в коробок. Через секунду коробок взорвался. Сказкин отчаянно дернулся, отскочил от провала; коробок, оставив дымный след, исчез под карнизом. Ни я, ни Серп, мы не дошли к краю проследить его путь в кальдере — пугали трещины, молниями побившие скальные глыбы.

— Во! — восхитился Сказкин. — Живешь и думаешь: все познал, все увидел. И вдруг — такое!

Гигантские клешни мысов почти смыкались на Камне-Льве, торчащем в узком проливе, соединяющем кальдере с океаном. Островок, правда, походил на гривастого льва. Это сходство так потрясло Серпа, что он ругнулся:

— Черт!.. Вот к пяти придем, скажу Агафоше: ко з е л! Жизнь прожил, красоты не видел!

Он успокоился, сел в траву, перемотал портянки. Покатые его плечи быстро двигались — слабые зачатки будущих крыльев. К Львиной Пасти он сидел спиной. К Львиной Пасти он уже привык. Львиная Пасть его больше не интересовала. Он высматривал вдали домик Мальцева.

— Сидит, гад, чай гоняет, а на его острове зверье давят, зверье рвут! Причем всех подряд! Непорядок! — Он взглянул на меня. — У нас, к примеру, в Бубенчикове кот жил: шерсть стопроцентная, драчлив, как три пьяных грека. Но и он не так — птичку возьмет, мышку возьмет, кошечку погоняет. Но вот корову не брал!

— Серп Иваныч, — прервал я его. — Зрение у тебя телескопическое, сам говорил. Отличись! Вон, смотри, на бережку, под скалами... Или кажется?

— Рыба! — завопил Сказкин.

Но не рыба это была. Нет на свете рыбы величиной с кита... Змея?.. Но кто встречал змею таких размеров?

— Хорош! — в голосе Сказкина сквозила настоящая радость. Двести метров вниз да три километра плаву — такая дистанция Серпа устраивала. — Хорош! Нажрался сивучинки и спит. Небось ему чебуреки снятся.

Почему именно чебуреки, Сказкин не пояснил. Но пропавшие собаки Мальцева, его несчастная белая корова, наконец, неудачливый сивуч — все это сразу обрело систему.

Сказкин бухтел:

— Слышь, начальник, в нем все метров двадцать! Вот бы галстук из него нарезать. На весь поселок хватило бы, и в Бубенчиково послал. А представляешь, какая печень?

— При чем тут печень?

— Витамины! Он же жрет разнообразную пищу! — Серп смело сплюнул под ноги и предложил: — Давай застрелим!

— С чего вдруг?

— Сам видишь: му ч а е т с я.

— Да? — не понимал я волнений Серпа.

— Взгляни: тяжелый, а на камнях лежит. Знаешь, как камни в тело врезаются?

— Почему ты говоришь — о н?

— А как надо? — удивился Серп. — Это же гад! Морской, но гад! У нас на балкере «Азов» такого вот в Атлантике наш старпом встретил. Чуть заикой не стал, при весе-то в сто десять!

— Гад столько весил?

— Старпом! — обиделся Сказкин. — Ты бы вот встретил такого, сразу бы вес сбросил!

— А я уже встретил. Вон он на бережку лежит.

— Ха! — сказал Сказкин. — Ты ему еще в пасть загляни!

— И в пасть заглянем, — пообещал я.

— Это как? Попросим его на обрыв влезть?

— Не полезет, — возразил я. — Сами спустимся.

— Упаси бог! — Сказкин отступил от обрыва. — Мы не сивучи. Мы жить хотим.

— Это да, Серп Иванович, но спускаться нам надо.

— Да ты что, начальник? Он что — твой?

— Н а ш он, Серп Иванович. Н а ш!

— Наш? — удивился Сказкин. — Это значит, и м о й тоже?.. Тогда пусть гуляет, мне-то он ни к чему. И вообще, как знать... Может, он из нейтралки? Может, он из чужих вод приперся!

Я не ответил.

Я всматривался.

Далекое змееподобное существо все так же неподвижно лежало на каменистой полоске, окаймляющей внутреннюю бухту. Я подполз к самому краю обрыва, но сиреневая дымка мешала — размывала очертания, слепила, не давала возможности видеть точно. Вроде бы шея длинная... Вроде бы ласты... Или не ласты?.. Нет, похоже — ласты... А вот горб, о которых нам Сказкин уши с Мальцевым прожужжал, я не видел, хотя средняя часть чудища была непомерно вздута... Обожрался сивучинки?.. И чего лежит... Шевельнулся бы, в движении все понятней.

— Сдох! — твердо объявил Серп. — Нельзя врать говядину и сивуча...

— Почему? — спросил я, оценивая высоту стен, круто падающих в кальдере.

— А потому, что земное — земным!

— Ты вот земной, а икру, чилимов, кальмаров лопаешь.

— Ну! — презрительно хмыкнул Серп. — Я — ч е л о в е к!

— Сейчас проверим.

— То, что я человек? — обиделся Серп.

— Да нет... Я об этом змее... Пройдем по гребню, не теряя высоты, до мыса Кабара. Там обрывы метров пятнадцать, не больше. Где там у тебя фал?

Серп Иванович отошел в сторону.

— Я не пожарник. Я подписки не давал в ад лазить.

— Ладно, — сдался я. — Один ползу.

— А обратно?.. Обратно как?

— На месте решим.

Я вскинул рюкзак на спину.

— Да дохлый он, — канючил Серп, шурша сухим шлаком. — Что ты с него иметь будешь? За такого даже Агафон сухофруктов не даст, а вот болезнь дурную схлопочешь!

Сказкин умолк только на мысе Кабара. Мыс падал в залив почти отвесно, но высота его, действительно, немногим превышала десяток метров. Прямо перед нами, за узким проливом торчал Камень-Лев. Длинная

скала, белая, выбеленная птичьим пометом, скрывала видимость.

— Подымись, — попросил я Сказкина. — Что там этот гад делает?

— Да ну его, — уперся Серп. — Спит!

Фал, захлестнутый за мощные корни кедровника, полетел вниз. Я удивился: конец фала завис примерно в метре от берега.

— Не может быть. Я выписывал двадцать метров!

— Всяко бывает... — туманно заметил Серп.

— Да?

Нотозавр (Nothosaurus) — ящер триасовых морей, длина которого в среднем имела 3 метра

Сказкин не ответил.
 Сказкин вдруг заинтересовался вопящими чайками, отошел в сторону — так слышнее...
 — Может, наш фал усох, а, Сказкин?
 — Нормально! — сплюнул Серп Иванович. — По такой жаре чего не бывает. Ты вон подумай, Агафон вроде как в глуши живет, а пятнадцать пар обуви держит: одна для туалета, вторая для прогулок, третья...
 — Ты не перечисляй! — сгрёб я Сказкина за грудки.
 — Фал Агафону отдал? За компот?
 — Какой компот? — отбивался Сказкин. — Гречку-то, гречку кто ел? Кто уминал гречку?
 — Гречку, черт подери! — шипел я. — Я тебе покажу гречку! Ты у меня этот фал до старости будешь помнить!
 — Не для себя, начальник! Не для себя!
 — Ладно, — отпустил я его. — Живи, организм, живи, порождение эволюции. Вернись, поговорим...
 Проверил прочность фала, погрозил кулаком:
 — Не вздумай смяться, как тот медведь. На краю света достану.

Не будь узлов, навязанных на каждом метре фала, я напрочь бы сгел ладони. Но фал пружинил, держал; перед лицом маячила темная базальтовая стена, вспыхивали и гасли вкрапленные в породу чернильные кристаллики плагиоклазов; далеко вверх, над срезом ка-

менного козырька, маячило лицо Сказкина в кепке, закрывающей полнеба.

— А говорил, к пяти вернемся, — заметил он, когда я завис метрах в семи от круглых береговых валунов.

— И есть хочется, — укорил он, когда я уже определил для себя валун-опору.

— Полундра! — завопил он, когда я коснулся ногами земли.

— Что, теперь и пить захотелось?

Сапог скользнул по влажной глыбе. Оступившись, я выпустил из руки фал. Меня потащило вниз, к воде, к сырому галечнику, развернуло лицом к бухте...

И я увидел.

Из пронзительных, низко стоящих, как в неполном стакане, вод, сквозь их призрачные пласты, искривленные преломлением, прямо на меня восходило из океанских глубин нечто чудовищное, жирно, антрацитно поблескивающее.

Ухватиться за фал я просто не успевал. А если бы и успел, дела это не меняло — чудовищная пасть на гибкой змеиной шее запросто сняла бы меня и с трехметровой высоты...

Вскрикнув, отбрасывая сапогами сырую гальку, я бросился бежать в глубь кальдеры, туда, где вода и камни были одинаково золотисты от невысокого уже солнца.

«Островок Камень-Лев высотой 162.4 м находится в 1 миле к W от мыса Кабара. Издали он напоминает фигуру лежащего льва. Берега островка очень крутые. На южной оконечности островка имеется остроконечная скала. В проходе между островком Камень-Лев и мысом Кабара лежит группа скал, простирающаяся от островка к мысу на 6 кбт. Самая высокая из скал высотой 6 м приметна белой вершиной. В проходе между этой скалой и мысом Кабара глубина 27 м».

Лоция Охотского моря

Тетрадь третья. Я назвал его Краббен

Успех не доказывают. Счастливчик Гарвей. Мужчины, русалки, краббены. Ночная клятва. К вопросу о большом риске. Гимн Великому Змею. «Где ты нахватался седых волос?»

Успех не доказывают.
 Успех, он всегда успех.
 Скрывают, как правило, неудачи. А удачи... Удачи, они всегда налицо!
 Походил ли я на человека, которому здорово повезло, на п р у ш н и к а, как сказал бы Сказкин, — не знаю. Но мысль, что мы со Сказкиным воочию увидели легендарного Морского Змея, обдавала мое сердце торжественным, томительным холодком.
 Великий Морской Змей, воспетый авантюристами, поэтами, моряками!.. Его называли Краббеном. Его называли Горвеном. Он был известен как Кракен и Анкетроль. Его наделяли пилообразным спинным гребнем, такой гребень легко дробил шпангоуты самого надеж-

ного корабля; мощным хвостом, такой хвост одним ударом перешибал самую мощную мачту; огромной пастью, в такую пасть запросто входил самый тучный кок любого флота; наконец, злым гипнотическим взглядом, такой взгляд низводил в ничтожество волю самого крепкого экипажа...

С океана на океан, обгоняя морзянку возбужденных маркони, несется слухи о Краббене.

Сегодня он в пене и в брызгах восстает, как черный левиафан, из пучин Тихого, завтра его горбы мелькают в Атлантике...

Однако не каждому дается увидеть Краббена, не каждому он является на глаза. Основные его фавориты — священники, рыбаки, морские офицеры, случай-

ные пассажирки; реже всего он всплывает под взглядами атеистов и океанографов.

Он страшен, он мстителен — Морской Змей.

Вспомним Лаокоона.

Этот жрец Аполлона оказался единственным троянцем, не поверившим в уход греков. «В деревянном коне, — утверждал он, — находятся чужие воины!..»

«И чудо свершилось, — писал Вергилий. — В море показались два чудовищных Змея. Быстро двигались они к берегу, и тела их вздымали перед собой крупные волны. Высоко были подняты их головы, украшенные кровавыми гребнями, а в огромных глазах светилось алое пламя...» Эти-то гиганты, выбравшись на сушу, и задушили Лаокоона, а вместе с ним ни в чем не повинных его сыновей.

Легенда?

Быть может...

Но сотни людей утверждают: он существует, Морской Змей! Мы его видели!

К сожалению, в то, что увидено многими, верят совсем немногие. Когда в июле 1887 года моряки со шхуны «Авеланж» столкнулись в заливе Алонг с двумя морскими красавцами, каждый из которых оказался в длину почти двадцать метров, морякам попросту не поверили. Массовая галлюцинация!.. Однако в следующем году в том же самом заливе моряки «Авеланжа» лишь выстрелами из своего единственного орудия смогли отогнать от шхуны столь агрессивные порождения «массовой галлюцинации». Наученный горьким опытом, капитан «Авеланжа» разумно решил, что лучшим доказательством существования Морского Змея может послужить лишь сам Змей. К сожалению, теперь благодарными оказались именно Змеи — они не дали экипажу «Авеланжа» и выиграла навязанный им бой.

В 1905 году у берегов Бразилии горбатую спину Краббена видели известные зоологи Э. Мийд-Уолдо и Майкл Никколс. Некоторое время Змей плыл рядом с судном, позволив зарисовать себя. Но рисунок, к сожалению, не является документом. И что бы там ни пытались утверждать такие большие ученые, как датский гидробиолог Антон Бруун или доктор Дж. Смит, первооткрыватель считавшейся давно вымершей кистеперой рыбы латимерии, жизнь Морского Змея активнее протекает пока в области морского фольклора, чем науки.

Не меняют дело и вполне достоверные случаи.

В 1965 году некто Робер ле Серек, француз, высадился с друзьями на крошечном необитаемом острове Уицсанди (северо-восточное побережье Австралии). После трехдневной бури, которая, собственно, и загнала друзей на остров, Робер ле Серек обнаружил невдалеке от берега на небольшой глубине весьма удивившее его животное. Голова его была огромна — в длину метра два, не меньше; тело покрыто черной кожей, изборозжденной многочисленными складками; на

широкой мощной спине зияла открытая рана... Выглядел Краббен мертвым, но когда французы приблизились, внушительных размеров пасть резко раскрылась. Оставив попытки прикоснуться к чудовищу, Робер ле Серек сделал несколько весьма удачных фотографий; эти фотографии вызвали в научном мире настоящую сенсацию.

Легенды, рисунки, фотографии...

Но кто он — великий Морской Змей, великий Горвен, великий Анкетроль, великий Краббен?

Далеко не каждый свидетель, даже весьма удачливый, умеет и может рассказать о Краббене. Например, счастливчик Гарвей со шхуны «Зенит»... Эта шхуна буквально столкнулась с Морским Змеем. Друзья Гарвея видели, как моряка выбросило за борт, прямо на чудовищную спину дремлющего в воде Краббена. Длину его моряки определяли потом не менее чем в двадцать пять метров, и некоторое время счастливчик Гарвей сидел на спине чудовища, торжествуя восклицая: «Я поймал его! Я поймал его!»

К сожалению, Краббен проснулся...

Первое описание Краббена (дал его в прошлом столетии шведский архиепископ Олаф Магнус) звучало так: «Змей этот долог, толст, как четыре быка, и весь снизу доверху покрыт блистающей чешуей». Скромное описание, после которого, как спохватившись, свидетели и знатоки начали активно наделять Краббена клыками, шипами, когтями, гребнями... Когда, как-то за чаем, я взялся пересказывать все это Агафону и Сказкину, они поддержали: «Точно, как в букваре!» Не желая наносить вред научным представлениям, я призвал Агафону и Сказкина к порядку. «Природа, — сказал я, — в общем-то, справедлива. Изобретенное ею оружие она старается раскидывать по разным видам. Одному достаются когти, другому клыки, третьему — рога...»

Третьим за столом сидел Сказкин.

Он страшно обиделся.

Но это было позже.

А в тот день, точнее ночью, ибо пришел я в себя понастоящему только ночью, я сидел в узкой глубокой пещере и дрожал от возбуждения и свежего ветерка, налетающего с бухты.

Умножая знания, умножаешь печали.

К сожалению, мы всегда слишком поздно осознаем правоту великих и простых истин.

Я замерз. Меня трясло от возбуждения.

Мне хотелось наверх, на гребень кальдеры, в поселок, к людям.

И еще мне хотелось...

Точнее: еще мне не хотелось...

Мне чертовски не хотелось повторить триумф счастливчика Гарвея!

В тот момент, когда Краббен, туго оплетенный пенными струями и водорослями, восстал из глубин, я

уже мчался по узкой полоске берега в глубь кальдеры. Рушились под ногами камни, летел из-под ног серый песок; я не останавливался, я слышал за собой Краббена.

А Краббен не торопился.

Краббен оказался расчетлив.

Краббен (позже мне об этом рассказал Серп) очень точно определил ту точку, в которой я должен был оказаться минут через пять, и двигался, собственно, не за мной, а именно к этой, вычисленной им точке. Вот почему пещера, счастливо замеченная мною, столь бурно Краббена разочаровала.

А я выглянул из пещеры только через час. Начиная темнеть. Краббен исчез. Пусто... Смутно вспыхивали в потревоженной глубине фосфоресцирующие медузы. Вода была так прозрачна, что медузы казались звездами, медленно дрейфующими в пространстве. Там же, в этом неопределимом пространстве, раскачивалось отражение Луны. Как костер!

Но костер, притом настоящий, должен был, конечно, пылать сейчас на гребне кальдеры; но там костра не было — Сказкин не захотел поддержать попавшего в беду человека.

О д и н!

Львиная Пасть простиралась так широко, что лунного света на нее не хватало. Я видел часть заваленного камнями берега, теряющиеся в полумгле черные стены; Краббен (я чувствовал это) таился здесь, в кальдере...

«Сказкин! Сказкин!» — с горечью повторял я. Окажись фал длинней, не позарься Сказкин на гречневую крупу Агафона, я сидел бы сейчас за столом, писал отчет обо всем виденном. М о р с к о й З м е й! — это ли не открытие?

Но фал оказался коротким, пещеру заблокировал Краббен, а Сказкин... Сказкин исчез...

«Сказкин! Сказкин!» — с горечью повторял я. Сказкину я мог простить все — мелкие хищения, неверие в прогресс и науку, великодержавность и гегемонизм по отношению к Агафону; я мог простить Сказкину даже испуг... Но прыгать по гребню, глядя, как его начальника гонит по галечнику неизвестное чудовище, прыгать по гребню и с наслаждением вопить, как на стадионе: «Поддай, начальник! Поддай! Шайбу!..» — этого я Сказкину простить не мог.

А ведь Сказкин и вопил, и свистел! А ведь Сказкин после всего этого смылся, даже не подумав разгечь наверху костер. Не для тепла, конечно, не для света... Для утешения.

Ушел, сбежал, спрятался Серп Иванович.

Остались — ночь, Луна, жуткое ощущение Краббена.

...Из призрачных глубин, мерцающих, как экран дисплея, поднялась, зависла в ничём непристойно белая,

как кислое молоко, медуза... Хлопнула хвостом крупная рыба... Пошла по воде рябь...

Краббен, видимо, умел ждать.

«Не трогай в темноте того, что незнакомо...» — вспомнил я старинные стихи... Не трогай!.. Я забыл эту заповедь, я коснулся мне незнакомого, и вот результат — мой мир сужен до пределов пещерки, зияющей на пятиметровой высоте над крутым конусом обвалившихся вниз камней... Ни трав, ни кустиков, ни дерьев... Только камень...

О д и н!

Печальный амфитеатр кальдеры поражал соразмерностью выступов и трещин. Вон гидра, сжавшаяся перед броском, вон черный монах в низко опущенном на лицо капюшоне, вон фривольная русалка, раздвигающая руками водоросли...

«Сюда бы Ефима Щукина», — невольно подумал я.

Ефима Щукина — единственного скульптора, когда-либо работавшего на островах.

Все островитяне знают его гипсовых волейболистов, выставленных на каждом стадионе, все островитяне изучили дерзкий, лаконичный стиль своего скульптора — плоские груди, руки-лопаты, мужские поджарые бедра... Но это не удивительно: ведь лепил Ефим своих волейболистов с мужчин. Позволят ли боцман Ершов, чтобы его жена позировала бородавтому здоровяку? Позволят ли бурмастер Прокопов, чтобы его дочка раздевалась перед тем же здоровяком? И разве мастер Шибанов не побил свою Виолетту только за то, что она заметила: «А я бы у него получилась!»?

Так Щукин остался без натурщиц, лепил с мужиков, и мужики страдания Щукина понимали — кто пузырек нес, кто икру-пятиминутку. Не от того ли у волейболист Щукина всегда пряталось в лице нечто похмельное?

«Интересно, — подумал я. — А кто позировал п р и р о д е? С кого лепила она своих динозавров, питекантропов, наконец, человека?..»

Ответа я не знал, но понимал: не с Краббена.

Ночь длилась медленно — в лунной тишине, в лунной тревоге.

Иногда задремывал, но сны и шорохи тотчас меня будили. Я низко свешивался с карниза пещеры, всматривался: не явился ли из тьмы Краббен? Не блеснула ли в лунном свете его антрацитовая спина?

Нет...

Пусто...

Так пусто и тихо было вокруг, что я начинал сомневаться: да полно! был ли Краббен! не родился ли я в этой пещере!

Причудливые мысли теснились в голове.

Вспоминал: в лаборатории, за тысячу миль от кальдеры Львиная Пасть, лежат под деловыми бумагами в ящиках моего стола старые письма, никому, кроме меня,

не предназначенные. А ведь если счастливым окажется Краббен, письма эти непременно извлекут на свет...

Неожиданно вторгнулся в сны Сказкин.

«Представляешь, начальник! — шумел он. — Я, больной в стельку, лежу болею, а ты Краббена ждешь! Сколько можно?»

Просыпаясь, избавляясь от непрошенных видений и снов, от одной паршивой мыслишки избавиться я никак не мог.

Вот какая это была мыслишка.

Серп Иванович держался уже два месяца. Организм у него очистился от бормотухи капитально. Но ведь хорошо известно, как долго может прятаться в потемках подсознания такая мыслишечка, притворяющаяся убогой и хилой, но разрастающаяся до ядерного облака при первом же благоприятном обстоятельстве...

Увидев — начальник влез в пещеру, а значит, Краббен его не съест, увидев — начальника Краббен вряд ли в ближайшее время выпустит из пещеры — и оценив все это, не мог, что ли, Серп Иванович толкнуть все своё экспедиционное снаряжение за дрожжи и сахар?..

Я ведь знал: куражиться Серп умеет.

«Как ни бесчисленны существа, заселяющие Вселенную, — вспомнил я, — следует учиться их понимать. Как ни бесчисленны наши желания, следует учиться ими управлять. Как ни необъятна работа, связанная с самоусовершенствованием, надо учиться ни в чем не отступать. И какой бы странной ни казалась нам абсолютная истина, следует учиться не пугаться ее...»

Я лежал в пещере, выточенной временем и водой в шлаковой прослойке между двумя лавовыми языками, и мне снилось: Серп Иванович варит рисовую кашу. Рис он выменял на казенные сапоги, развариваясь, рис течет в океан, вверх по течению рисового ручья прямо на Сказкина ползет Краббен. Метрах в десяти от Серпа Ивановича Краббен останавливается, и тогда я кричу:

«Поддай, Сказкин! Шайбу!..»

Кто сказал, что Серп не молод?

«Молот, молот...» — сказал я себе, очнувшись.

И глянул вниз.

Может, стоит рискнуть? Может, Краббен спит? Может, он давно ушел в нейтральные воды?.. Тогда ничто не помешает мне вернуться в поселок.

«А если Краббен не спит?.. Если вон та глыба, выступающая из тени, совсем не глыба, а часть его чудовищной головы?.. Если Краббен затаился внизу, под пещерой, в подводных камнях? — лежит себе, полный доисторического терпения и злобы... Я ведь не сивуч, со мной справиться еще легче...»

Малоприятные мысли путались в голове. Но вот странно! — одновременно я видел и кое-что другое.

Музей.

Огромный музей современной природы.

Зал.

Огромный зал, посвященный лишь одному, но совершенно уникальному экспонату.

Табличка над экспонатом.

Надпись на табличке.

«Краббен тихоокеанский. Единственный известный в настоящее время вид. Открыт в водах кальдеры Львиная Пасть младшим научным сотрудником Т. Н. Лужиным и полевым рабочим Пятого Курильского отряда С. И. Сказкиным».

«С. И. Сказкиным! — возмутился я. — Трус проклятый!»

И, подумав, перед именем Лужина я поставил достаточно высокую научную степень, а имя Сказкина вообще стер.

Казенный фал и казенная гречка, — я объясню тебе разницу!

Очень хотелось есть.

«Дикость, — говорил я себе. — Это просто дикость! Я — человек, можно сказать, венец творения, заблокирован в темной пещере тварью, явившейся неизвестно откуда!»

И говорил себе: «Ночь... Почему не рискнуть?.. Не может быть, чтобы я не обогнал этого громилу!.. Мне бы только схватиться за фал, а дальше я себя вытащу!..»

«Рискни!»

Но даже понятие риск было теперь связано в моем сознании с именем Сказкина.

«Ух, риск! — явственно услышал я смешок Сказкина. — Я рисковый! Я что хошь сделаю!»

Причудливо смешались в его очередном рассказе израсходованные на бормотуху деньги, оборванные линии электропередачи, заснеженный, завьюженный городок Чехов, где в темной баньке сейсмолог Гена Веселов и его помощник Сказкин поставили осциллографы.

«Вьюга смешала землю с небом...»

Вьюга крутила уже неделю. Два раза в день на осциллографах, поставленных в баньке, надо было менять ленту, все остальное время уходило на раздумья — где поесть? Столовые в городе давно не работали, конечно, из-за вьюги, но Сказкин и Веселов и не могли пойти в столовую: они давно и везде крупно задолжали, потому что командировочных, все из-за той же вьюги, не получали уже пятнадцать дней. Метель...

Кочегар дядя Гоша, хозяин квартиры и баньки, снятой Веселовым, возвращался, как правило, поздно и навеселе. Будучи холостяком, дядя Гоша все свое свободное время проводил среди таких же, как он сам,

ребят, по его точному выражению — з а л о м б е р н ы м с т о л и к о м...

Возвращаясь, дядя Гоша приносил банку консервированной сайры. Он долго возился над банкой, но все же ее вскрывал и ставил перед псом, жившим у него под кличкой Индус. Сказкину и Веселову дядя Гоша говорил так: «Псам, как шпионам, фосфор необходим. И заметьте, я хоть и беру консервы на комбинате, но именно беру, а не похищаю. Другой бы попер с комбината красную рыбу, а я сайру беру, одну баночку, для Индуса, бланшированную, но нестандартную, ту, что все равно в брак идет».

И Сказкин, и Веселов, оба они хотели нестандартной сайры, даже той, что идет в брак, но дядя Гоша их терзаний не замечал — в наше время, да чтоб голодали?.. Он терпеливо ждал, когда пес облизнет банку, и сразу гасил свечу: «Что там, братишки, потолок коптить, потолок не горбуша».

Все ложились.

Сказкин пару раз проверял: не осталось ли чего в баночке Индуса? Нет, Индус справлялся. А на робкие намеки, что псу фосфора не хватает, что надо бы для него прихватывать две баночки, дядя Гоша говорил прямо: «Одна баночка — это одна, а две баночки — это уже много! Разницу надо знать, братишки! И совесть моя чиста!»

Он думал и добавлял: «Как мой дом!»

Дом у него, правда. Был чист и гол.

Как его совесть...

Сказкин и Веселов, гордые, но земные, слабели буквально на глазах. Индус стал относиться к ним без уважения. У Веселова он отнял и унес в метель рукавицы; пришлось пару Сказкина прийти к рукавам — как в холода ходить голорукими?

В горисполком Сказкин и Веселов не заглядывали: они уже выбрали под расписку все, что им могли дать; знакомых в городе у них не было, метель никак не стихала — назревала истинная, страшная катастрофа.

Но в день, когда Сказкин решил перебороть гордость и попросить у дяди Гоши взаймы, в сенках дома раздался крик.

Держась руками за стену, Сказкин бросился на помощь другу.

В сенках, на дощатой, плохо проконопаченной стене, под старой, обдутой снегом рубашкой висел самый настоящий окорок пуда на полтора. С одной стороны он был срезной, плоский, с другой розовый, выпуклый и походил на большую мандолину.

Окорок вкусно пах.

Позвав Индуса, Сказкин и Веселов долго смотрели на окорок.

Потом был принесен нож, то ли Сказкиным, то ли Индусом, и каждый получил по большому жирному куску окорока. Индус тоже. «Хватит тебе фосфор жрать, — сказал Сказкин. — Ты не шпион, ты собака!» — а

оробевшему интеллигенту Веселову бросил: «Получим деньги, Гошка за все получит!»

А метель набирала силу. Город занесло под третий этаж. Очень скоро Сказкин, Индус и Веселов привыкли к окороку. А поскольку дядя Гоша, тоже набирая силу, появлялся дома все позже и позже, Сказкин рискнул перейти на бульоны. «Горячее — значит полезное!» — настаивал он.

Кастрюльку с бульоном они ставили под кровать дяди Гоши, и когда ночью хотелось пить, брали кастрюльку прямо из-под храпящего, как медведь, дяди Гоши.

Оба повеселели, вернули вес. Индус с ними подружился.

Однако всему приходит конец.

Как ни привыкли Сказкин и Веселов к окороку, толщина его (даже в их глазах) катастрофически уменьшалась. Теперь окорок и впрямь напоминал пустую мандолину: тронь шкуру — звенит!

И настал день — метель кончилась.

Выкатилось из-за сопки ледяное ржавое солнце, осветило оцепеневший мир; дядя Гоша пришел домой не ночью, как всегда, а днем, и в усталой его руке дрожала бутылочка. «За воскресенье! — сказал он. — Дожили и мы до праздничка! Я вас окороком угощу!»

Слова дяди Гоши повергли праздничный мир в смятение. Даже Индус привстал и виновато отвел взгляд в сторону.

Первым в сенки вышел хозяин, но в дверях, чуть не сбив с ног, его обошли Индус и Сказкин.

Зная inferнальный характер пса, Серп Иванович, как бы не выдержав тяжести, обронил на пол пустой окорок, а Индус, припомнив украденные у Веселова рукавицы, подхватил окорок и бросился в бесконечные заснеженные огороды, залитые кровавым с пересыпа солнцем.

Взбешенный дядя Гоша выскочил на крылечко с ружьем в руках. «Застрелю! — орал он вслед Индусу. — Корейцам отдам!..»

Дядя Гоша и впрямь передернул затвор, но ружье вырвал Серп Иванович.

«Молодец Сказкин, — подумал про себя Веселов. — Пугнет пса за варежки, а окорок мы потом откопалем...»

Но, к крайнему изумлению Веселова, Сказкин прицелился прямо в несущегося по снегам Индуса.

— Ты что?! — завопил Веселов, толкая Сказкина под локоть.

И тогда голосом, полным раскаянья и испуга, Сказкин шепнул:

— А вдруг пес расколется?

К утру Луна исчезла.

Она не ушла за борт кальдеры, ее не закрыли облачка или туман; просто — была и исчезла. Растворилась, как золото в кислоте.

Зато по вершинам скал, над таинственными пропастями бухты, угрюмо и тускло зажглись курильские огни. Как елочные шары, мотались они в наэлектризованном воздухе, гасли, вновь вспыхивали.

«Прощелыга! — тосковал я по Сказкину. — Фал Агафону сбыл, а я торчи в каменном веке!»

Как нечто недоступное вспомнил я домик Мальцева, гостеприимный, всегда курящийся легким дымком, пахнущий свежим чаем. На печке, сооруженной из надвое разрезанной бочки из-под соляра, можно было печь лепешки; рядом всегда икала «Селга»...

А тут?

Шорох текущих вниз шлаков. Шорох текущих песков. Шорох грунтовых вод, сочащихся по ожелезненным обнажениям...

Слова старой морской песни прекрасно вписались в таинственные нескончаемые шорохи.

«Эту курву мы поймаем, — отчетливо звучало в ушах, — ей желудок прокачаем, пасть зубастую на нас раскрывать не смей!..»

Слов песни я никогда не знал, но сейчас отчетливо слышал каждое:

«Ничего мы знать не знаем, но прекрасно понимаем: ты над морем — будто знамя...»

Дальше я вспомнил сам:

«...Змей!»

Но это была не галлюцинация.

С тозовкой в руке, с рюкзакишкой за плечами, в вечном своем выцветшем тельнике, не разбирая дороги и голоса во всю глотку, пылил по камням сам Серп Иванович Сказкин — бывший боцман, бывший матрос, бывший кладовщик, бывший интеллигент и так далее... Он был трезв, но явно возбужден. Тельник пузырился от ветра, белесые глаза хищно обшаривали обрывы.

— Начальник! — время от времени кричал он. — Почты нет! Тебя тут не съели?

— Тише, организм! — негромко окликнул я Сказкина.

Серп Иванович ухмыльнулся:

— У меня тозовка!

Он презирал страхи.

Он шел по своей земле, по своей суше, по своему берегу; он видел медузу, парашютом уходящую в бездну; он видел облачко над светлым краем кальдеры; он слышал тишину, пораженную его гимном.

Он шел, ничему не придавая значения, как ходим мы по примелькавшимся квартирам, где нам известен каждый стул, каждая вещь, — Серп Иванович был прекрасен!

Но в смутной глубине бухты, в ее утопленных друг в друге плоскостях уже зарождалось другое, тревожное, едва угадываемое глазом движение, и зная — что это может быть, я рявкнул из пещеры:

— Полундра!

В следующий момент пуля с треском раскошила базальт над моей головой. Без какого-либо интервала рядом, на выступе, с разряженной тозовкой в руках и с рюкзаком за плечами возник Сказкин.

— Чего орешь, — сказал он. — Сам вижу.

Но вниз не посмотрел, ноги подобрал под себя:

— Он нас не достанет?

— Это не он, — снисходительно пояснил я. — Теперь у него есть имя. Я назвал его Краббен.

— Какой большой! — не поверил Сказкин. — Он хотел меня укусить?

— Он есть хочет... Как я... — Я рылся в рюкзаке, принесенном Сказкиным. — Картошки не мог взять?

— Он и картошку ест?

— Глупости. Краббен питается исключительно белками с жиром. Ты один или с Агафоном?

— Во насмешил, начальник! Чтобы Агафон и в гору полез!

— А когда людей ждать?

— Каких людей? — удивился Сказкин.

— Как это «каких»? Ты зачем к Агафону бегал?

— За ружьишкой.

Я поперхнулся, откашлялся, схватил Серпа за плечо:

— И ничего не сказал Агафону про Краббена и про меня?

— Да я его и будить не стал. Слышал он об этих Краббенах. Слава богу, у моря живет. Взял ружьишко и обратно. Мы и сами со зверем справимся, я в них толк знаю — конюхом был!

Он глянул на меня и ахнул:

— Начальник! Где это ты нахватался седых волос?

— Покрасился... — буркнул я.

И отвернулся.

О чем тут, собственно, говорить?

Вон на берегу валяется почти метровая сельдяная акула. Только что ее не было, а сейчас лежит. Шкуру этой акулы с трудом пробивает армейский штык, но валяющийся на берегу экземпляр вскрыт от хвоста до жабер, как консервная банка. Это даже Серп оценил. Ойкнул. Дошло до него — влипли!

Но и тут Сказкин остался самим собой:

— Я же о тебе думал!

«Ветры, дующие с прибрежных гор, бывают настолько сильными, что на всей водяной поверхности залива образуется толчея, воздух насыщается влагой, и видимость ухудшается. Поэтому входить в залив Львиная Пасть при свежих ветрах с берега не рекомендуется. Летом такие ветры наблюдаются здесь после того, как густой туман, покрывавший ранее вершины гор, опустится к их подножию. Если вершины гор, окаймляющих залив, не покрыты туманом, можно предполагать, что будет тихая погода».

Лоция Охотского моря

Тетрадь четвертая. Терять необещанное

Второе пришествие. Все для науки. Человек-альбом. Серп Иванович не сдается. Плач в ночи. Сируш, трехпалый и мокеле-мбембе. Как стать миллионером. «Воздух!» Удар судьбы.

Загнав Сказкина в пещеру, Краббен не ушел — за мрачным горбатым кекуром слышалась возня, шумные всплески.

Нервно зевнув, Серп Иванович перевернулся на живот. Выцветший тельник задрался на спину, и на задубевшей коже Сказкина приоткрылось таинственное лиловое имя — Л и л я. Вязь сложного рисунка терялась под тельником; какие-то хвосты, лапы — Сказкина душили неизвестные гады.

— Туман будет, — лениво заметил Сказкин.

Гребень кальдеры заметно курился. Дымка, белесоватая, нежная, на глазах уплотнялась, темнела, собиралась в плоские длинные диски.

— Скорей бы...

— Почему?

— А ты взгляни вниз!

Серп Иванович взглянул и ужаснулся:

— Какой большой!

— Уж такой! — кивнул я не без гордости.

То уходя в глубину, то вырываясь к дневной поверхности, Краббен, гоня перед собой бурун, шел к Камню-Льву. Солнце било в глаза, и я видел Краббена лишь вообще — огромное черное тело со вскинутой над волнами головой. На ходу голова Краббена раскачивалась, как тюльпан, он кивал: я вернусь, я не забуду! И на всякий случай я предупредил Сказкина:

— Сейчас он вернется.

— Еще чего, — капризно заметил Сказкин. — Пусть там гуляет.

— Молчи! — приказал я. — И глаз с него не спускай. Замечай каждую мелочь: как он голову держит, как он работает лапами, какая у него фигура...

— Да они все там одинаковые... — туманно заметил Сказкин.

Я не ответил. Краббен входил в крутой разворот.

— А нам за него заплатят? — спросил Серп.

— А ты его в руках держишь?

— Упаси господь! — возмутился Сказкин и возликовал: — Уходит!

— Как уходит? — испугался я.

— А так! Вплавь уходит! Не козел ведь, не на веревке. Теперь и я видел: Краббен уходит.

Подняв над водой гибкую, без единой морщины шею, он был уже на траверзе Камня-Льва. Ищи его потом в океане.

Я был в отчаянии.

Обрушивая камни, осыпая песок, я с рюкзаком, Серп с тозовкой — мы скатились по крутой насыпи на низкий берег. Никогда этот замкнутый, залитый светом залив не казался мне таким пустынным.

Камни, вода, изуродованная сельдяная акула...

— Да брось, начальник! — удивился моему отчаянию Сказкин. — Ты же видел его. Чего еще надо?

— В и д е л — не документ. Чем я докажу свое в и д е л?

— Акт составь! — еще больше удивился Серп. — Я сам твой акт подпишу, и Агафоша подпишет. Агафоша, если ему старые сапоги дать, все подпишет!

Я отвернулся.

На борту корвета «Дедалус», когда он встретился с Краббеном в Атлантике, было почти сто человек. Но кто поверил тем ста? И кто поверит акту, подписанному бывшим интеллигентом Сказкиным и никому не ведомым А. Мальцевым?

— Да что он, последний, что ли? — утешал меня Серп. — Один ушел, другой придет. Плодятся же они где-то! — Серп весело покрутил головой: — Я вот в Бомбее как-то...

— Оставь!

— Ну ладно, Я ведь к тому, что на Краббене твоём мир углом не сошелся, так ведь? В мире и без него тайн хватает. Видишь, вот раковина лежит. Может, она тоже никому не известная, а?

Раковина, которую он поднял, ничем не отличалась от других — обычная гастропода, но Серп Иванович уверял, Серп Иванович настаивал:

— А может, она еще из неоткрытых, а? И главное — не укусит!

Сказкин широко, счастливо зевнул. И. волны к ногам Сказкина шли сонные, ленивые, протяжные, как зевки — океан еще не проснулся.

— А ведь нам еще на обрыв лезть, — вздохнул Сказкин.

Он нагнулся, подбирая очередную раковину, не открытую наукой, и тельник вновь задрался, обнажив обширную полосу полузагорелой спины. И там, на спине, я увидел не только то, лиловое, имя!

— Снимай! — приказал я.

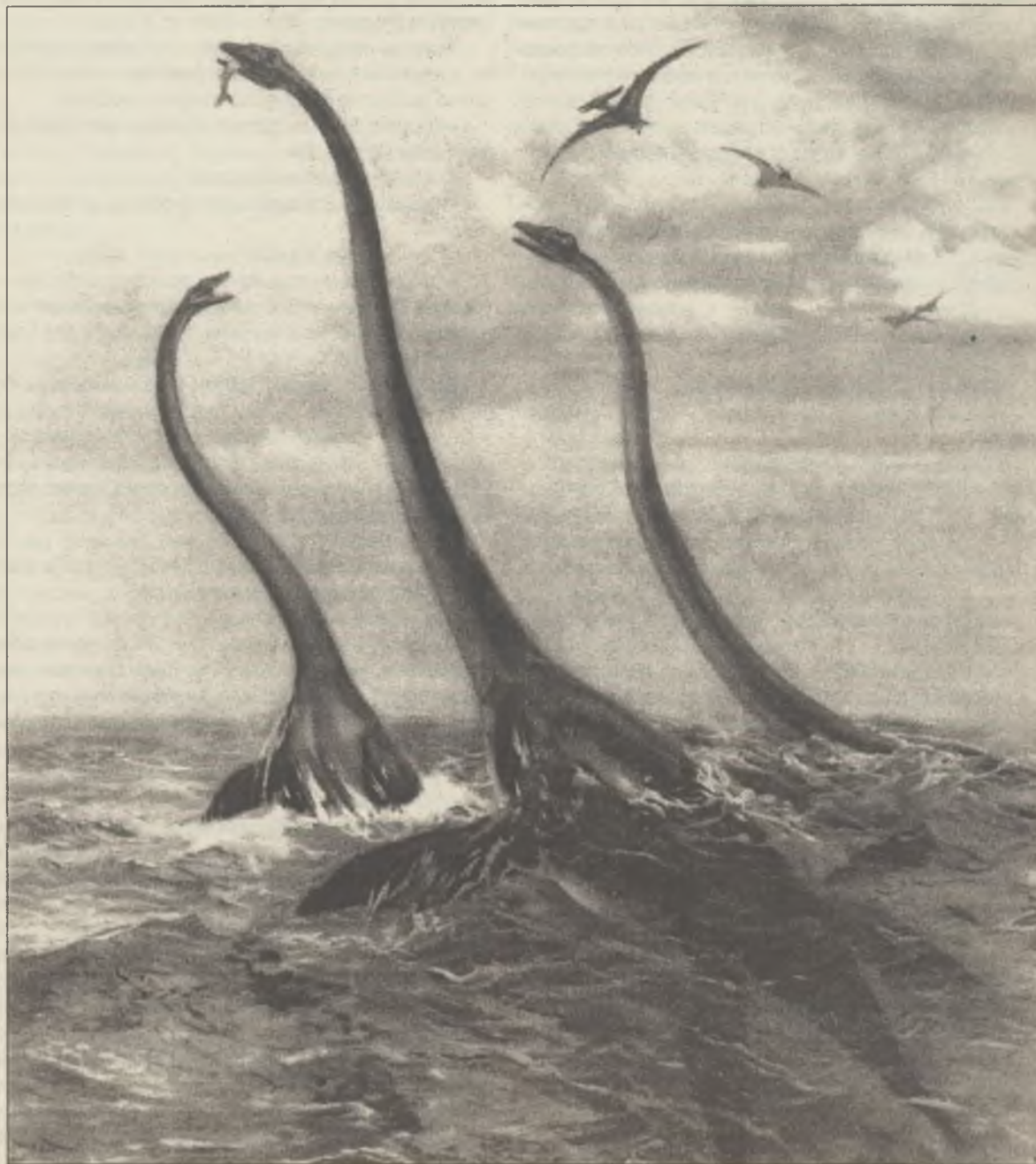
— Ты что, начальник! — смутился Серп Иванович.

— Комиссию я прохожу, что ли?

— Снимай!

Было в моем голосе нечто такое, что Сказкин послушался.

Не спина у него была, а самый настоящий альбом! Хорошо, если Никисор, Сказкин-младший, ходил с от-

Подлинным великаном среди плезиозавров был североамериканский позднемеловой Elasmosaurus, достигавший в длину 13 метров

ВЕЛИКИЙ КРАББЕН

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

цом в баню лишь в малолетстве, — незачем маленькому мальчику видеть таких распутных гидр, дерущихся из-за утопающего красавца, незачем маленькому мальчику видеть таких непристойных русалок, сцепившихся из-за бородатого моряка!

Но не это было главным в накожном альбоме Серпа. Среди сердец, пораженных кортиками, среди сирен, крутящихся, как лебеди на полотнах Эшера, среди пальм, раскинувших веера острых листьев, под сакраментальным и святым «Не забуду...» (в этой фразе неизвестный художник допустил орфографическую ошибку: «...в мать родную!»), по узкой спине бывшего интеллигента, выгнув интегралом лебединую шею, широко разбросав лапы, шел сквозь буруны... Краббен!

— Краббен! — завопил я.

Эхо еще не отразилось от скал, а Сказкин мчался к пещере. Его кривых ног я не видел — растворились в движении; тельник летел за спиной, как крылья.

— Стой, организм! — крикнул я, испугавшись, что и это чудовище покинет кальдеру.

Сказкин остановился.

Левая щека Сказкина дергалась.

Сказкин крепко сжимал тозовку — сразу двумя руками.

— Я про того, — пояснил я, — который плывет по твоей спине... Кто его тебе наколол? Когда? Где? Быстро!

— Да один кореец в Находке, — нехотя признался Серп Иванович. — Он не мне одному колол.

— Краббена?

— Да он хоть черта выколлет, только поставь ему пузырек. Мастер!

— Но ведь чтобы выколоть Краббена, надо его сперва увидеть!

— Начальник! — укоризненно протянул Сказкин. — Да я тебе уши пропилил, одно и то же твержу: старпом такого видел с «Азова», других ребята с «Вагая» видели. А однажды, начальник, я в Суэцком канале с одним аргентинцем снюхался...

Договаривать Сказкин не стал. Быстро подергал левой щекой и одним прыжком, будто у него и правда, наконец, оформились крылья, махнул в пещеру.

— Да стой ты!

Но Серп Иванович, свесив ноги с козырька, уже бил прицельно из тозовки в мою сторону. Пули с визгом неслись над головой, звучно шлепались в воду. Пропслеживая прицел, я обернулся.

Без всплеска, без шума, как кекур из расступившихся вод, на меня шел Краббен.

Краббен был велик.

Он был огромен.

Он был, как змей, подернутый сквозь пухлое тело непомерно большой черепахи. Мощные лапы были

разброшены, как крылья, с трехметровой высоты смотрел на меня круглый, неморгающий глаз, подернутый тусклой пленкой.

Черный, мертво отсвечивающий, Краббен был чужд всему окружающему. Он был из другого мира, он был другой, не такой, как мы; он был порождением чего-то чуждого; даже от воды, взбитой его ластами, несло другим миром, несло мертвой тоской, несло мертвым холодом.

Лежа на полу пещеры, зная, что сюда-то Краббен не дотянется, я пытался его зарисовать — пальцы немело давили на карандаш, грифель крошился.

— Однако шею он держит криво, — удовлетворенно пропыхтел Сказкин.

— Так ему хочется, наверное.

— Не скажи! Это я пульнул. Теперь он у нас контуженый!

— Из твоей-то пукалки?

— И правым ластом, заметь, не в силу работает, — убеждал Сказкин. — Ты так и запиши: это Сказкин поранил змея, не баловства ради, а для науки, для большой пользы ее.

Опираясь на лапы, Краббен тяжело выполз на берег. Он был огромен, он был тяжел — камни впивались в его дряблое массивное тело, и короткая мертвая судорога вдруг молнией передернула его от головы до хвоста. Фонтан брызг окатил пещеру, и Сказкин вновь ухватился за тозовку.

— Отставить!

Примерно метра не хватило Краббену, чтобы дотянуться мордой до нашей пещеры.

Это взбесило Краббена.

Рушились камни, шипели струи песка, несло взбаламученным илом, падалью, смрадом. Несколько раз, осмелившись, я заглядывал Краббену чуть ли не в пасть, но тут же отступал перед мощью и мерзостью стертых желтых клыков.

— Надолго это он? — спросил Сказкин.

— Его спрашивай!

Но поведение Краббена и мне не нравилось.

Расслабившись, устав, он, наконец, расплозся на камнях, как гигантская черная медуза. Судороги короткими волнами вновь и вновь потрясали его горбатую спину. Плоская голова дергалась, как у паралитика, из пасти обильно сочилась слюна. Низкий, протяжный стон огласил плоские берега.

— Тоже мне гнусли! — сплюнул Серп Иванович, отползая в глубь пещеры.

Стоны, пронзительные, жуткие, рвущие нервы, длинные и тоскливо неслись над мертвой, как в Аиде, водой.

— Чего это он? — беспокоился Серп. — Чего ему нужно?

— Нас оплакивает...

— А сам долгожитель, что ли?

— Все мы смертны, Серп Иванович, — заметил я.
— Только... одни более, другие — менее...

С высоких бортов кальдеры белесыми струями потек, наконец, туман. На уровне входа в пещеру он концентрировался в толстые овальные лепешки, и низкий, полный доисторической тоски стон Краббена ломался в тысяче отражений. Мы будто попали в центр неумолкающего камертона, и когда туман затопил кальдеру от борта до борта, этот скрипучий, рвущий сердце стон перешел в столь же безнадежный и мертвый плач...

Забившись в дальний угол, Серп Иванович негромко поносил Краббена. Тельник он плотно заправил в штаны с лампасами, и теперь я не видел ни наколотого, ни настоящего Краббена. Тем не менее, оба они были рядом.

Да и куда им, собственно, было деться?

Не слушая Серпа Ивановича, проклинаящего туман и Краббена, не слушая Краббена, клянущего нас и туман, я думал о смутных придонных тектонических трещинах, обогреваемых струями ювенильных источников. Лес водорослей, неясные тени — темный, не известный нам мир...

Почему ему не быть миром Краббена?

И действительно.

Кто воочию видел гигантских кальмаров? А ведь на кашалотах, поднимающихся из океанских бездн, не раз и не два отмечали следы гигантских присосок.

Кто видел трёхпалого — таинственного обитателя тропических болот Флориды и прибрежной половины острова Нантакет? А ведь с его следов давно сняты гипсовые слепки.

Кто видел огромного червя с лапами, так называемого татцельвурма? А ведь он хорошо известен многим жителям Альп. За последние годы собраны сотни свидетельств, в которых слово в слово повторяется одно и то же: да, татцельвурм похож на червя! да, у него большая голова с выпуклыми глазами! да, лапы его малы, но их легко можно заметить!

А мокеле-мбембе — тварь, внешне напоминающая давно вымерших динозавров? Разве не утверждают охотники-африканцы, что они и сейчас встречают этих гигантов в бесконечных, крайне плохо обследованных болотах Внутренней Африки? Стоит, наверное, напомнить, что на воротах храма, посвященного древневавилонской богине Иштар, среди множества поразительных по своей реалистичности изображений было найдено одно, ничего общего не имеющее с известными к тому времени животными. Но зато этот зверь, названный учеными сируш, как две капли воды схож с африканским мокеле-мбембе.

А кто видел третретьретьре — животное ростом с теленка, с круглой головой и почти человеческим лицом?

Тем не менее, аборигены одного из самых больших островов мира Мадагаскара утверждают, что такое животное водится в их краях, что передние и нижние конечности у них устроены, как у обезьян, а уши, действительно, человеческие.

Кто видал, наконец, ископаемых дипротодонтов, заселявших когда-то Австралию? А ведь местные золотоискатели и в наши дни говорят о каких-то гигантских кроликах, обитающих в огромных центральных равнинах самого южного материка.

А разве не выловил из океанских глубин доктор Дж. Смит диовинную рыбу латимерию, считавшуюся вымершей многие миллионы лет назад?

А многочисленные слухи о том, что в озере Ворота (Верхняя Индигирка) время от времени появляется нечто вроде огромной рыбы или амфибии?

Мы привыкли к асфальту городов, мы привыкли к тесным зоопаркам, а мир... мир обширен. И в этом обширном мире, кроме гор, пустынь, тропических болот, есть еще и океаны.

Что прячется в их пучине?

— А сколько он может стоять? — не унимался Серп Иванович.

Я молчал.

Жутко неслись над водой долгие стоны Краббена.

— Много! — сам себе ответил Сказкин. — У меня столько нет. У меня столько никогда не будет!

Я молчал.

Я слушал плач Краббена.

Я видел путь Краббена в ночном океане.

Безмолвие звезд, мертвые вспышки люминофоров... Кто он?.. Откуда?.. Куда плывет?

— Никогда, — плакался Серп. — Никогда мне, начальник, не быть богатым! У меня ведь, сам знаешь, все удобства во дворе. И я как приду в тот домик с сердечком на дверях, так сразу и вижу: гривенник в углу лежит, пылью покрылся, не первый месяц лежит, а я, начальник, так и не подобрал этот гривенник!

Туман...

А говорил, к пяти вернемся...

Туман...

— Дождь будет, однако, — длинно зевнул Сказкин. — Мы тут или с голоду сдохнем, или Краббен нас победит. Я давно ждал этих слов.

Я, можно сказать, на эти слова рассчитывал.

От Шикотана до Шумшу всем известно: «Серп сказал — погода изменится».

И правда.

Как в гигантскую трубу, вынесло в небо согретый солнцем туман. Призрачно высветились чудовищные

обрывы, прозрачно отразились солнечные лучи от плоских вод. И откуда-то издали, как стрекот швейной машинки, пришел, растянулся, поплыл в воздухе томительный, ни на что не похожий звук.

— Господи! — забеспокоился Сказкин. — А если это еще один Краббен, только летающий? Сколько живу, таких страхов не видел!

Я прислушался:

— Вертолет...

Не мы одни это поняли.

Потревоженный новым звуком (может, доисторические враги вот так вот его — с воздуха — когтили, кусали, лапали?), Краббен неуклюже сполз в воду, оттолкнулся от берега и медленно, без единого всплеска, ушел в глубину — черная небула, пронизывающая светлую бездну.

— Уходит! — заорал Серп Иванович. Но я и сам это видел. Как видел и вертолет, разматывающий винты.

— Гад! — выругался я. — Нет чтобы зайти со стороны пролива!

— Он не может со стороны пролива, — удовлетворенно пояснил Сказкин. — Это же МИ-1. Он, как велосипед, его любимым ветром сдувает.

Свесив с каменного козырька босые ноги, Сказкин с наслаждением шевелил пальцами. Он уже не боялся Краббена. Он уже ничего не боялся. Техника шла на помощь, техника подтверждала: он — Сказкин — не просто Сказкин, он — ч е л о в е к, он — венец творения.

И такого в беде никто не оставит!

— За нами... Так-то...

Он, наверное, хотел добавить свое сакраментальное цыпа, но, взглянув на меня, воздержался.

Я был в отчаянии.

Выгнув волнами спину, отчего казалось — над водой торчат три горба, Краббен мощно шел к Камню-Льву.

Вот он прошел мимо белой скалы, вот он поднял вал, расшибшийся о камни, вот он вскинул над волной плоскую свою странную голову и уже теперь навсегда, навсегда, навсегда растворился в голубоватой дымке, стелющейся над океаном.

Рева, раскачиваясь в воздухе, подняв столб перегретой пыли, над берегом завис вертолет. Серебряный круг винта, рыжий пилот — я ничего не слышал.

— Да брось, начальник! — ухмыльнулся Серп. — Что тебе в этом Краббене? Мне он, например, н а д о е л!

«Мыс Большой Нос является северным входным мысом залива Доброе Начало и западной оконечностью вулкана Атсонупури. Мыс представляет собой скалистый обрывистый утес черного цвета и является хорошим радиолокационным ориентиром. На мысе гнездится множество птиц. Мыс приглубый. К S и NO от мыса в 1 кбт от берега лежат надводные и подводные скалы».

Лоция Охотского моря

Тетрадь пятая. Поздние сожаления

«Почему это так, начальник?» Ученый совет СахКНИИ. Гусев смеется. Яблоко Евы, яблоко Ньютона. «Как там с базисфеноидом?» «Куплю глубинную бомбу!» Романтики с «Цуйо-мару». Гинзбург против Шикамы. О почте — в последний раз.

Глупо стоять перед мчащимся на тебя табуном.

Надо или уходить в сторону, или встать во главе табуна.

К сожалению, встать перед Краббеном я не мог, к сожалению, даже обнаружить Краббена я не мог, хотя и заставил матерящегося рыжего пилота («Скоро световой день кончится!») дать крутой круг от Камня-Льва в сторону Атсонупури.

Пилот злился: его оторвали от дела, его загнали в дыру ради двух идиотов. «А на Стокапе меня геофизики ждут!..»

Даже Сказкин возмутился:

— Вывел бы я тебя на пару слов!

К счастью, под нами был океан — не выйдешь. Да и знал я, чем кончатся угрозы Сказкина. На моих глазах он вывел как-то из Южно-Курильского кафе худенького старпома с «Дианы». Сказал: на пару слов, а в кафе не появлялся неделю.

«Потеряли! — с отчаянием думал я. — Не успели встретить, и уже потеряли! Чем доказать, что видели мы, впрямь видели Морского Змея? Рассказами о пропавших собаках, о белой корове Мальцева?..»

Ухмыльнувшись, Сказкин ткнул меня локтем:

— Слышь, начальник! Почему это так? Вот придешь, например, к Агафону, а он рыбу чистит. И лежит среди пучеглазых окуней такая тварюшка — хвост, как щипцы, голова плоская, и вся в тройной колючке. Ну не бывает таких рыб, а вот лежит! «Где поймал?» — «Сама, — говорит, — в сетку залезла, тут, у бережка». Скажешь: «Ты мне тюлька не гони, тоже — у бережка!..» А он: «Точно! Про рыб никогда не врал!» И вот чувствую я — правду Агафон говорит, и вижу — лежит передо мной тварюшка, а ведь ни в жизнь не поверю! Такое — и у бережка!

— Рыбка-то, правда, была?

— Да неважно, начальник. Важно другое, начальник. Ведь придешь в то же кафе к Казбеку Васильевичу, закинешь грамм пятьсот, и не думаешь, а все равно брякнешь:

«Эй, организмы! Кто знает? Рыбу вчера поймал: на хвосте уши, на глазах козырьки, под животом парус!» Все повернутся и кто-нибудь обязательно скажет: «Да мы такую под островом Мальтуса брали, она там каждый вечер к свету выходит...» Почему это так, а, начальник?

Я вздохнул.

Я вдруг увидел: Сказкин устал.

Он ведь, как я, недосыпал, нервничал; лицо поросло щетиной, воспаленные глаза слезились.

«И ведь сам спустился в кальдеру! — с неожиданной нежностью подумал я. — И не за чем-то там бегал, а за ружьишкой: мне помочь!.. Но за фалом... За фалом я его пошлю!»

Горизонт, белесый, выцветший, тусклый, отсвечивал, как дюралевая плоскость. Прозрачная под вертолетом, вода вдали мутнела, сгущалась; тут не то что Краббена, тут Атлантиду не заметишь со всеми ее храмами. Не зря рыжий пилот на нас дулся, только сейчас сверток сунул:

— От Агафона... Думаете, обрадуется вам Агафон?.. Дудки!.. Он, прежде чем меня вызвать по радиации, вещички ваши стаскал в свой склад. По лицу видно: не вернет!

— Ну Агафоша! — восхитился Сказкин и ткнул пилота под бок: — Ты, рыжий, машину плавно веди. Видишь, герои кушают.

«Ладно, — сказал я себе, разжевывая тугого, присланного Агафоном кальмара. — Теперь ничего не сделаешь, Краббена не воротить. В конце концов прецедент создан. Рано или поздно Краббен объявится. Не может не объявиться, если его даже какой-то кореец в Находке за бутылку на спинах колет. Вот тогда факты можно будет уже не просто собирать, но и истолковывать».

«И истолкуют! — сказал я себе. — Еще как истолкуют!» И живо представил себе Ученый совет СахКНИИ.

Я, младший научный сотрудник Тимофей Н. Лужин, делаю сообщение.

Пропавшие собаки, корова осиротевшего Агафона, разорванный свуч, наконец, Краббен...

В общем, много чего.

В том числе, конечно, и неизвестный кореец из Находки, о котором никак нельзя забыть!

Итак, сообщение сделано. Слова произнесены. Впечатление, конечно, ошеломляющее.

Кто первый прервет молчание?

Несомненно, Олег Бичевский.

«Понятно, — скажет он и подозрительно поведет носом. — Кое-что я об этом слышал. И в журналах популярных читал. В «Химии и жизни», например, в «Во-

круг света». — И не глядя на меня, не желая на меня смотреть, переведет взгляд на доктора Хлудова: — Павел Владимирович! Может, все же поговорим о снаряжении? Я новые сапоги просил, а мне пихают б/у, будто я только на что и тяну, так на обноски.» — «Правда, Тимка, — вмешается хам Гусев. — На мне палатка висит, и сапоги надо списывать — семь пар, а ты лезешь со своими Краббенами!»

Но хуже всего — это, конечно, Рита Пяткина.

Рита — палеонтолог. Все древнее — это по ее части. И человек Рита воспитанный, не усмехнется, как Гусев, не засмуется, как Ильев. Это Олегу Бичевскому все равно, о чем ему говорят — о яблоке Евы или о яблоке Ньютона.

«Тимофей Николаевич, — вежливо скажет Рита. — Вот вы говорите — записи... А кроме записей у вас еще что-нибудь есть? Скажем, рисунки, фотографии?» — «Рисунок есть, но плохонький, а камеру я с собой не брал. Мы ведь думали; к пяти вернемся...» — «А свидетели? Кто еще был с вами в кальдере?» Тут все, конечно, насторожатся, и я опять-таки вынужден буду сказать: «Да, был. Полевой рабочий. Сказкин. Серп Иванович.» — «А-а-а! — хохотнет Гусев. — Богодул с техническим именем! Слышали! Он, Тимка, все еще пьет?»

«Тимофей Николаевич, — вежливо продолжит Рита, игнорируя кривые усмешки членов Ученого совета, — а вот скажите... Вы ведь этого Краббена в упор видели, чуть ли не в двух метрах, даже говорите — в пасть ему заглянули... Вот мне, как палеонтологу, и интересно... — Тут уж, конечно, все, от Гусева до Хлудова, затаят дыхание. И ни на кого не глядя, Рита Пяткина вгонит последний гвоздь: — Вот эта самая пасть Краббена, в которую вам удалось заглянуть... Как вы можете ее характеризовать?.. Сильно у Краббена видоизменено небо? Заметили вы птеригоиды над базифеноидом? Достаточно ли хорошо развиты склеротические пластинки?»

Первым, разумеется, не выдержит хам Гусев. «Какие, к черту, птеригоиды! Хватит болтать! Если Бичевскому дают новые штормовки, то почему я должен ридить рабочих в старье?..»

Над домиком Агафона, как всегда, курился дымок. Еще с воздуха мы увидели и самого Мальцева; сирота недовольно хромал к посадочной площадке.

— Слышь, начальник! — неожиданно хихикнул Серп. — Слышь, начальник! А ведь Краббену повезло! — Что значит — повезло?

— Ну как! Не убеги он сейчас из бухты, Агафоша бы его не простил. Он бы бомбу купил глубинную и глушанул Краббена за корову!

Сказкин помолчал и, сомлев, добавил:

— И правильно!

P. S. У каждого в шкафу свои скелеты, — в этом англичане правы.

Я не сделал сообщения на Ученом совете.

Я никому не рассказал о Краббене.

Да и сейчас я не взялся бы так подробно восстанавливать случившееся в кальдере Львиная Пасть, если бы не поразительное сообщение, обошедшее чуть ли не все газеты мира.

Вот оно, слово в слово.

«Промышляя скумбрию в районе Новой Зеландии, экипаж японского траулера «Цуйо-мару» поднял с глубины трехсот метров полуразложившийся труп неизвестного животного. Плоская голова на длинной шее, четыре огромных плавника, мощный хвост — никто из опытных рыбаков «Цуйо-мару» никогда не встречал в океане ничего подобного.

Догадываясь, что необычная находка может иметь значение для науки, представитель рыболовной компании господин М. Яно набросал карандашом схематический очерк животного, а также сделал ряд цветных фотографий.

К сожалению, разогретая жаркими солнечными лучами туша начала истекать зловонным жиром. Запах был настолько неприятен и силен, что грозил испортить весь улов «Цуйо-мару», к тому же судовой врач заявил: в подобных условиях он снимает с себя ответственность за здоровье вверенного ему экипажа. В результате находку выбросили за борт, отметив в судовом журнале лишь основные параметры; длина — около 15 метров, вес — около 3 тонн.

Находка рыбаков «Цуйо-мару» вызвала горячие споры.

Иосинори Имаидзуми, генеральный директор программы зоологических исследований при японском Национальном музее, со всей ответственностью заявил: в сети «Цуйо-мару» попал недавно погибший экземпляр плезиозавра; эти гигантские морские ящеры обитали в земных морях примерно около ста миллионов лет назад и считались до сей поры вымершими.

К мнению профессора И. Имаидзуми присоединился и известный палеонтолог Т. Шикама (Иокогамский университет).

Японским ученым усиленно возражает парижский палеонтолог Леонар Гинзбург. «Рыбаки с «Цуйо-мару», — говорит он, — нашли, скорее всего, останки ископаемого гигантского тюленя, существовавшего на Земле, по сравнению с плезиозаврами, совсем недавно — каких-то двадцать миллионов лет назад».

В спор, естественно, вступили и скептики: и рептилии, и тюлени, говорят они, размножаются только на суше. К тому же, у тех и у других отсутствуют жабры, что означает — все они вынуждены периодически появляться на дневной поверхности океана. Почему же представитель подобных существ впервые попадает на глаза людей?

«Древние плезиозавры, — отвечает профессор Иосинори Имаидзуми, — действительно откладывали яйца на берегу и не могли долго обходиться без атмосферного воздуха. Но если эволюция их дожив-

ших до наших дней потомков продолжалась, они вполне могли приобрести некие новые черты, особо благоприятствующие их нынешнему образу жизни. Известно, например, что ихтиозавры — современники плезиозавров — еще в меловом периоде перешли к живорождению, а современная американская красноухая черепаха может оставаться под водой чуть ли не неделями...»

Надо отметить и тот факт, что часть ученых отнеслась к находке японских рыбаков весьма настороженно. «Они пошли на поводу у фольклора! — сказал в интервью Карл Хаббс, сотрудник Океанографического института имени Скриппса. — Кто из рыбаков не слышал легенд о Великом Морском Змее? Кто из рыбаков не внес свою лепту в серию этих легенд?»

Как бы то ни было, рыболовная компания, которой принадлежит траулер «Цуйо-мару», приказала всем своим экипажам в случае повторной находки выбросить лучше весь свой улов, но доставить на берег загадочное животное.

Несколько траулеров уже курсируют в водах, омывающих берега «Новой Зеландии».

P. P. S. Итак, сейчас апрель.

Месяц назад я отправил на Восток несколько писем. Одно адресовано профессору Иосинори Имаидзуми, второе — Агафону Родионовичу Мальцеву, третье — Сказкину. Я-то знаю, с кем столкнулись японские рыбаки, я-то знаю, что мой рассказ, пусть и с запозданием, следует вложить в растущее дело о явившемся в наш мир плезиозавре.

От Агафона пока вестей нет. Но это неудивительно: когда еще доберется до берегов Доброго Начала шхуна рыбнадзора «Диана», на борту которой, вместе с моим письмом, плывут на остров две великолепные дворняжки!

Сказкин ответил сразу: здоров, не пьет, радуется успехам своего Никисора, а за рассказы о Краббене его, Сказкина, били всего три раза. Правда, один раз — л е г к о с т ь ю. Это такой полотняный мешочек, для тяжести наполненный песком.

«В последнее время, — пишет Серп Иванович, — отечественным производством освоен выпуск легкостей из литой резины, но до Кунашира они, к счастью, пока не дошли...»

Что касается профессора Иосинори Имаидзуми, профессор пока молчит.

Но и тут я настроен оптимистично: почта будет!

Кому-кому, а уж профессору Имаидзуми вовсе не безразлична судьба Великого Краббена. Лучше испытать стыд ошибки, чем остаться ко всему равнодушным. Вот почему я не теряю надежд, вот почему я с таким нетерпением жду конверт, на марках которого машут крыльями легкие, как цветы, длинноногие японские журавлики.

Лишь бы в эти дела не замешалась политика.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

Из «Записных книжек»

Теперь о славе.

Эти валентности еще не были у меня заняты, когда однажды, к изумлению моей жены, я получил письмо из сибирского городка Т. Группа «Поиск» из школы № 2, которую я закончил лет тридцать назад, сообщила, что члены этой замечательной группы упорно разыскивают всех знаменитых людей, которых судьба когда-либо забрасывала в эту школу. И неважно, как они учились. Эйнштейн ведь, известно, был в школе тугодумом, а великий французский писатель Эмиль Золя буквально вынужден был бороться за хотя бы удовлетворительную оценку по литературе. Так что дело не в том, как человек занимался в школе, а в том, кем он стал.

Это меня утешило.

Неплохая компания, сказал я жене, намекая на Золя и Эйнштейна. Вот меня в школу приглашают на традиционный вечер. Пишут, что в школе есть литературный музей, а в нем собраны мои книги. А еще они пишут, что в музее собрано все, что так или иначе связано с моим именем.

— А что там связано с твоим именем? — удивилась жена.

Я замялся.

Почему-то мне вспомнилось чучело сына, всегда стоявшее на шкафу в физкабинете, а еще скелет из папье-маше, на голый череп которого мы набрасывали кепку или шапку, в зависимости от сезона.

— Они прочли все мои книги, — нерешительно объяснил я. — Надо бы съездить, встретиться.

— Ну, поезжай! — загадочно сказала моя мудрая жена и, потрясенный ее благородством, я взял билет и в назначенный день выехал поездом в Т., определенно зная — меня там ждут.

Звездный час.

Поезд трясло, хлопали двери. Я ничего этого не замечал. Грустная штука жизнь. Когда-то мы зачитывались романами Николая Шпанова и Хаджи-Мурата Мугуева, а теперь вот — «зачитываемся вашими книгами». Новое поколение. Значит, не все так плохо. Знают, работали не зря.

От волнения, наверное, перед моим мысленным взором предстал вдруг первый красный командир маршал Ворошилов, единственный по-настоящему знаменитый человек, которого мне посчастливилось увидеть в детстве. Сперва в актовом зале на портрете, под которым красовалось изречение маршала: «Прежде всего надо быть честным, умелым, добросовестным работником, на какой бы работе ты ни находился». Неплохая, кстати, мысль. А потом в середине 50-х. Маршал возвращался из Монголии, и нас, школьников, гоняли на перрон с цветами, чтобы первый красный командир воочию видел — вот какое боевое рас-

тет поколение! Мы, признаюсь, действительно волновались. Не меньше, чем когда бегали однажды смотреть слонят Рави и Шаши, которых везли в вагоне поезде.

Старый корпус школы в Т. давно отдали милиции. Судя по решеткам, в моем бывшем классе находилась КПЗ, таким этот класс всегда и считался. Новый корпус выглядел привлекательней — в просторном холле столы, на них картонки — «Регистрация». Под картонками уточнялось — выпускники таких-то и таких-то годов. Я автоматически попал в группу — «Выпускники 1922 — 1959 годов». Похоже, выжил из этих боевых поколений я один, ни одного знакомого я не встретил. Дивные девушки в хитрых прическах глянули на меня как на заплывавшего динозавра:

— Фамилия?

Я негромко назвал.

Негромко потому, что не хотел привлекать всеобщего внимания — вот, дескать, писатель приехал!.. Но фамилия мою, переспросив несколько раз, записали все же с ошибкой, я вынужден был ее исправить.

— Да не все ли равно? — удивились девушки, и это меня насторожило.

В просторном кабинете, куда я поднялся, молодой директор школы громко кричал в телефонную трубку:

— Милиция? Какого черта? Почему один наряд? Пришлите хотя бы усиленный!

— Зачем? — спросил я, когда директор повесил трубку.

— Ну, как же! — радостно объяснил он. — Ну, как же, товарищ писатель! После двенадцати у нас драка! Половина ребят придет прошлогоднего выпуска, а они умеют пить, — он дружески подмигнул мне: — Мы потом и сами отдохнем. У нас выпивка по талонам, но мы выкручиваемся, все свои! Поднимитесь пока в музей, товарищ писатель, у нас ведь еще Чивилихин учился, а я поработаю.

Полный тревожных предчувствий я поднялся на третий этаж.

А вдруг правда в музее чучело сына, скелет в старой кепке?

Я облегченно вздохнул, увидев, что литературным музеем в школе № 2 называли коридорный тупик, украшенный по стенам двумя стендами. Один был посвящен В. Чивилихину, другой мне. Писатели мы разные, но здесь судьба нас объединила. Фотографии, вырезки из газет и журналов, а еще обложки, аккуратно сорванные с книг и навечно приклеенные к фанере.

И краткие машинописные жития.

Чивилихинское житие я читать не стал, но со своим ознакомился.

«Геннадий Мартович Прашкевич, — говорилось в житие, — рос тихим сосредоточенным ребенком, учил-

ся только на твердое хорошо и незаметно для окружающих стал известным советским писателем.»

Не слабо.

Учился я дерьмово, честно скажу. Если меня считали посредственностью, то уж, наверное, глубокой. Это только на первый взгляд я казался глупым, на самом деле я был гораздо глупее. Твердых «хорошо» для меня просто не существовало, разве что по географии. А насчет тихого сосредоточенного ребенка... Это было не просто ложью, это было наглой, это было беспринципной ложью. Тихим и сосредоточенным в нашей школе был только скелет из папье-маше.

Я спустился в холл, где всюду ревели спаренные магнитофоны.

Протолкавшись сквозь толпу ребят, от которых многообещающе пахивало водкой, я нашел пустую неосвященную столовую, закурил и встал у окна, в которое таинственно и волшебным, как в детстве, падал лунный свет.

И услышал:

— Эй, козел! Выпей с нами!

Я обернулся.

Под лестницей — удобно они устроились — три дюжих паренка в кожаных куртках, наверное, прошлогодние выпускники, распивали водку. Стаканов не было, они пили из горла. Очередь дошла до самого дюжего паренка, похожего на боксера-неудачника, он и предложил мне: хлебни, дескать, козел.

— Не хочу, — отказался я, гася сигарету.

— Ну, смотри, — предупредили меня. — Выпивка у нас по талонам.

Я снова пересек шумный холл и тут на лестнице меня изловил учитель литературы. Было ему под пятьдесят, рыжий пиджачишко, очки, встопорченные волосы, и глаза, как угольки в кузнечном горне.

— Вот — сказал он, — я тоже поэт. Пишу о малой родине и о большой. Еще о дружбе народов пишу и всякие полезные географические стихи, это актуально. А эти паскудники, — динамично пояснил он, — в своих паскудных глупых журнальчиках паскудно издеваются над его стихами. Слабо их паскудным мозгам понять истинную поэзию. Мы, товарищ писатель, это дело с тобой исправим, — динамично пообещал учитель литературы, — я тебе целый пук стихов дам, ты там вправь мозги этим паскудникам.

И так же динамично предложил:

— Стоняем в шахматки?

Пораженный, я согласился.

В пустом классе из шкафа учитель литературы действительно извлек шахматную доску. Мы вместе должны держаться, — наставительно сказал он, расставляя фигуры. — Нас, поэтов, на свете мало. Вот он лично пишет сильные стихи, а не то паскудство, что печатается в этих паскудных глупых журналишках. Ты ведь знаешь, какая у нас великая малая родина! — радостно сказал он. Вся гордость большой родины — от нее. Об этом Леонид Ильич пишет! А дети тупые растут, — пожаловался учитель литературы, — ну, совсем растут тупые. Он специально для них пишет. Ну, такое, скажем.

*А где-то есть город Куала-Лумпур
и в нем проживают куала-лумпурцы,
а где-то лежит голубой Нишапур
и в нем проживают одни нишапурцы.*

— Точно подмечено, — одобрил я. — В Нишапуре не был, но в Куала-Лумпуре это точно — куала-лумпурцы живут.

— Видишь! — обрадовался педагог. — Мы еще прижмем этих паскудников!

В этот момент двери класса с грохотом распахнулись.

Дюжий паренек, похожий на боксера-неудачника, открыл ее ногой. Кожаная куртка на его груди резко оттопыривалась. «У нас после двенадцати драка», — вспомнил я и посмотрел на часы.

Нет, вроде, время еще не подошло.

— Почему без стука? — встревожился учитель литературы.

— А ты директор, чё ли?

— Да нет.

— Ну и сваливай отсюда, козел. С человеком надо поговорить.

И учитель литературы свалил.

Дверь закрылась, дюжие паренки в одинаковых куртках обступили меня.

— Ну? Выпьешь?

Я мрачно кивнул.

Я хлебнул прямо из горла.

«Незаметно для окружающих...»

— Ну вот, — расцвели паренки. — Так-то по-человечески. У нас выпивка по талонам. Хорошо, Санькина баба в ларьке работает.

Они подобрели, они обхлопывали меня, как муравьи тлю.

«Как отблеск от заката костер меж сосен пляшет, ты что грустишь, бродяга, а ну-ка улыбнись... — слышалось откуда-то снизу... — Тара-та-та-тата... Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

Из сибирского городка Т. я уезжал ночью.

Все смешалось — милицейские свистки, шумные пляски, физкабинет с накрытым столом. Кто-то из учителей принял меня за Пикуля, я не возражал. Знай это Валентин Саввич, ему бы это понравилось. Потом директор повел меня в свой кабинет.

«И закусь есть...» — таинственно сказал он, открывая металлический сейф.

В сейфе стояло семь бутылок водки и лежал крошечный пакет с леденцами.

Трясаясь в вагоне, я вспоминал улыбку своей мудрой жены — съезди, мол. И спрашивал себя: а Лев Николаевич на моем месте напился бы? А Антон Павлович на моем месте напился бы? А Михаил Евграфович? А милейший Иван Александрович Гончаров?

Даже Николай Васильевич напился бы, утешал я себя. «Незаметно для окружающих...»

И совсем странное вертелось в голове: где находится этот чертов Нишапур? Почему он голубой? Съездить в Нишапур, что ли?

И улыбка мудрой жены — съезди.

«АЭЛИТА — 2001»: почет ветеранам!

Вопреки ожиданиям организаторов фестиваля (основная нагрузка легла на редакцию журнала «Уральский следопыт» и Региональный общественный фонд «Фестиваль «Аэлиита»), привыкших

встречать и устраивать гостей за два-три дня до официальных мероприятий, на этот раз любители фантастики начали съезжаться в Екатеринбург в основном утром или даже после полудня четверга 22 марта — первого дня конвента. И зря. Ведь из-за столь позднего приезда многие из них пропустили значительное и, наверно, священное для истинных поклонников фантастики событие: отдавание светлой памяти двум друзьям, самым главным, самым великим уральским подвижникам фантастики — Виталию Ивановичу Бугрову и Игорю Георгиевичу Халымбадзе, и после смерти оставшимся такими же близкими (их могилы расположены метрах в двадцати друг от друга!).

Однако этой лишь акцией почитание основателей и старожилов «Аэлиты» не закончилось. Во время торжественной церемонии, когда уже отгремели фанфары в честь обладателей премий нынешнего фестиваля, активисты фэновского движения Екатеринбурга отметили открытками и нагрудными знаками преданных и давних друзей фантастики, посещавших конвент более 10 раз. Среди них были писатели Сергей Александрович Другаль (Екатеринбург) и Владимир Николаевич Васильев (Москва), художник Евгения Ивановна Стерлигова, редакторы и издатели Станислав Фёдорович Мешавкин, Сергей Иванович Казанцев, Игорь Анатольевич Кузовлев (все — Екатеринбург) и Дмитрий Николаевич Байкалов (Москва), а также простые фэны.

А до этого на сцене Камерного театра была разыграна сценка, литературную основу которой составили названия произведений первых лауреатов премии «Аэлиита» — братьев Аркадия и Бориса Стругацких и Александра Казанцева, своё умение продемонстрировали юные танцоры и, наконец, свершилось основное действие — вручение призов фестиваля.

Обладатели премий фестиваля: Марина Дяченко («Аэлиита»), Виктор Косенков («Старт») и Александр Ройфе (мемориальный приз им. В. Бугрова)

С.Ф. Мешавкин вручает приз «Аэлита» самой обаятельной половине писательского дуэта Дяченко

И вот они, нынешние герои самого почтенного в России конвента фантастики:

Обладателями премии «Аэлита-2001» стали супруги Марина и Сергей Дяченко (г. Киев), авторы многих интересных книг («Ритуал», «Привратник», «Скрут», «Шрам», «Авантюрист», «Казнь», «Корни камня», «Армагед-дом»).

Не смог присутствовать на церемонии награждения

Приз «Старт» 2001 года вручает лауреат-1999 Андрей Плеханов

лауреат премии им. И. Ефремова редактор и библиограф Владимир Борисов (г. Абакан), но приз, несомненно, найдёт своего героя.

Зато ответственный секретарь московской газеты «Книжное обозрение» Александр Ройфе получал мемориальный приз им. В. Бугрова во весь свой немалый рост.

И, наконец, владельцами ещё одной литературной премии — «Старт» (за лучшую дебютную книгу) стали интернетовские соавторы Виктор Косенков (г. Таллин) и Юрий Бурносов (г. Брянск), пишущие под псевдонимом Виктор Бурцев (книги: «Алмазные НЕРвы», «Алмазная реальность», «Охота на НЛО»).

Поздравляем всех лауреатов «Аэлиты-2001»!

Но напоследок хотелось бы отметить кое-что из неудавшегося. Так, не состоялся семинар молодых авторов — из-за отсутствия самих молодых авторов. Не верится, что таковых просто не осталось. Возможно, организаторам фестиваля надо что-то менять: либо в структуре семинара, либо заявлять о проведении семинара более весомо.

И ещё одно упущение оргкомитета — слишком позднее объявление о сроках конвента, что не позволило приехать в Екатеринбург многим желающим (было всего около сорока гостей из других городов России и СНГ).

Однако надеемся, что, собравшись с силами, те, от кого зависит проведение фестивалей постараются следующие праздники фантастики на Урале сделать более организованными, яркими, запоминающимися.

Доброй всем фантастики!

Родион ИКАРОВ

Первый обладатель приза им. В. Бугрова Сергей Казанцев (1997 г.) приветствует нового лауреата

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 64
Владимир РЫКШИН «Ты сделал это — гордись!». Интервью	стр. 65
Александр ПОЛЕЖАЕВ «Кэрри». Рассказ	стр. 67
Алексей КРУГЛИКОВ «Прощай, Тюнюша», «Мара». Рассказы	стр. 76

НАШ ЗОЛОТОЙ ПАРЕНЬ

Тем, кто подзабыл или не читал об этом парне вовсе, я напомню. В прошлогоднем февральском номере «УС» был опубликован очерк Владимира Степанова «Рубикон Леонида Никитина» о мальчишке из города Сысерти Свердловской области. Будучи инвалидом с детства с неизлечимым диагнозом «церебральный паралич», он сделал то, что медики считали невозможным — стал спортсменом, велогонщиком и лыжником. Призер чемпионата Европы и 2-кратный чемпион России по лыжным гонкам среди инвалидов с нарушением опорно-двигательного аппарата, победитель и 4-кратный призер чемпионата России среди инвалидов в беге на средние дистанции, 5-кратный победитель в велогонке «Тур-Пайпер»... И этот перечень, надеюсь, еще не закончен.

Какими усилиями, потом, а порой и слезами даются подобные успехи, знают, наверное, лишь те, кто сам столкнулся с бессилием перед недугами своего тела и попытался его преодолеть. Леонид, впервые встав на лыжи в 13 лет, падая по началу на каждом первом шаге, а затем — на каждом втором, прошел этот путь до конца. Спорт, помноженный на силу воли и желание жить наравне с другими вопреки судьбе, не только помог ему победить болезнь, но изменил его внутренний мир и отношение к внешнему.

Приезжая по своим делам в Екатеринбург, Ляня всегда заходит к нам в редакцию — громкий, энергичный и улыбчивый. Мы пьем чай или кофе, обмениваемся новостями, много смеемся и шутим. О своей болезни он не вспоминает — совсем другие заботы. Закончив Свердловское училище олимпийского резерва (единственный инвалид за всю историю школы!), в этом году он получает диплом Челябинской государственной академии физической культуры и сам становится тренером. Цель, поставленная перед собой на этот раз, опять кажется невозможной. Сегодня, когда сворачиваются и умирают многие виды спорта, а детские спортивные школы и спортбазы (особенно — в малых, провинциальных городках) впадают в нищенское существование, он решил восстановить лыжный спорт в родном городе, бывшем когда-то кузницей чемпионских кадров сборной России. И уже делает это!

18 февраля этого года в г. Сысерти состоялись лыжные соревнования в честь открытия новой лыжной базы, построенной по сути одним-единственным человеком — бывшим инвалидом, а ныне тренером Леонидом Никитиным. 10 месяцев строительства на голом энтузиазме, с обиванием десятков порогов в поисках то досок, то лампочек, то гвоздей, уже позади. В открытии и состязаниях приняли участие и новые друзья, и новые спонсоры. А глава города Сысерти Патрушев В.Г. назвал Леонида «Наш золотой парень».

Может быть... Хотя, на мой взгляд, никакой он не «золотой», а самый что ни на есть нормальный. Наш парень. А «золотыми» станут те пацаны и девчонки, которых он начинает тренировать уже с мая месяца.

Олег ВОДОПЬЯНОВ

Очень скоро перечень олимпийских видов спорта пополнится еще одним — Италия, как страна, принимающая зимнюю Олимпиаду 2006 года, готовит в МОК заявку на включение в программу своей Олимпиады спортивного скалолазания. Пока — в качестве демонстрационного вида.

Родина спортивного скалолазания на скорость — Россия. А «мозговой центр» его находится сегодня на Урале, в Екатеринбурге, где вот уже шестой год действует детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва по горным видам спорта. Таким образом, у России есть все предпосылки, чтобы сделать новый олимпийский вид спорта «своим».

«Скалолазы из России обладают фантастической виртуозностью. Скорость их лазания по отвесным и нависающим скалам производит потрясающее впечатление». (Экс-президент Федерации альпинизма и скалолазания Франции Робер Параго.)

Для тех, кто предпочитает жить в движении, а не плыть по жизни лежа на диване, несомненно интересной станет книга, вышедшая в прошлом месяце в екатеринбургском издательстве «Баско». «Самая прекрасная дорога» Николая Рундквиста — члена Союза журналистов России, мастера спорта и одного из известнейших на Урале действующих туристов — не просто сборник путевых очерков, газетных и журнальных публикаций. Это полный отчет о двух десятилетиях путешествий и экспедиций по лесам, горам и рекам России, изложенный живым и увлекательным

языком. Описание более 30 экспедиций и походов сопровождается подробными картами и схемами маршрутов. Бери и иди!

«ТЫ СДЕЛАЛ ЭТО — ГОРДИСЬ!»

С июня месяца прошлого года действует в Екатеринбурге межрегиональная Ассоциация любителей технических и экстремальных видов спорта «ЭКСТРИМ». С ее появлением жить в нашем промышленном и деловом городе стало интересней и веселее. А порой и экстремальной.

На вопросы редактора журнала «Уральский следопыт» Олега Водопьянова отвечает президент Ассоциации «ЭКСТРИМ» Владимир Рыкшин.

Олег: Кстати, как прошла презентация?

Владимир: Ну, а как по-русски проходят презентации? Уже давно сложился стереотип проведения подобных мероприятий. В наш только что отстроенный офис на ул. Амундсена (был такой «экстремальщик» — прим. ред.) съехались наши

старые друзья и товарищи — участники прошлых экспедиций и проектов, наши новые друзья, которые помогли нам на старте кто деньгами, кто стройматериалами, и те, кто собирается ими стать. Мы сказали всем большое мужское «Спасибо!», представили отчет об уже проделанной работе — в виде устного рассказа с фотографиями и видеofilmами — а потом устроили небольшой фуршет. Фуршет, естественно, затянулся и перешел в нормальное «экстремальное» застолье. К вечеру следующего дня все уже были довольны.

О: Раз уж начали говорить о стереотипах, то вот тебе классический русский вопрос — а зачем тебе понадобилось создавать эту ассоциацию?

В: Компания больно хорошая получается. Да и причины были. Некоторые из них — меркантильные, некоторые — не очень. Серьезный, профессиональный экстремал практикуется у нас уже давно. Но, в основном, мы были «шизанутыми одиночками» (с точки зрения обывателя) или небольшими их популяциями — по несколько штук особей. Каждый раз, когда запускался в работу очередной экстремальный проект, нам

приходилось сталкиваться с проблемой финансирования и либо зарабатывать денежку на стороне, либо просить ее у кого-нибудь «за просто так», если денежка оказывалась неподъемной. Ну, а после того, как слазаешь, съездишь, вынырнешь, скатишься, то страсть как хочется поделиться с хорошими людьми тем, что там увидел и почувствовал, и по-хорошему расплатиться за то, что они для тебя сделали. Вот так у нас появилась идея организовать первую пару экстрим-мероприятий не для профессионалов, а для любителей. Дальше — пошло лавиной.

О: В смысле?

В: Общая экономическая ситуация, вроде бы, стабилизировалась. Люди в своих делах вошли в рабочий ритм, у них появилось свободное время и возможности для того, чтобы восполнить дефицит в отдыхе и общении. Любой же нормальный мужик в сущности — пацан, которому хочется и поиграть в «войнушку», и испытать себя на «крутизну», и глотнуть свежего воздуха с адреналином. Да, ты же мне сам рассказывал, как на байдарках сплавливался... Ведь хочется снова и снова?

О: Еще как!

В: Вот так же и все мы...

Таким образом, определились первые два направления — профессиональные экстремальные проекты, с серьезными вложениями и подготовкой, и любительский экстремал для нас и для наших друзей, где главное — получить максимум удовольствия и при этом не сильно угробиться. А потом они, естественно, дополнились направлением более коммерческим — организацией и проведением платных туристических экспедиций, в основном — в области научного туризма: исторического, археологического, минералогического (См. интервью с директором института геофизики УрО РАН Уткиным В.В. «Научно-туристический маршрут «Азиатское путешествие Гумбольдта», «УС» № 9-12, 2000 г.). Ведь стыдно снова и снова просить денег, даже если их дают без проблем.

О: О проблемах... С какими проблемами столкнулись и как с ними справились?

В: С чем мы, действительно, столкнулись на старте, так это с полным взаимопониманием. И со стороны бизнесменов, и со стороны государственных и административных органов, и со стороны средств массовой информации. Все мы — люди взрослые. У каждого есть свои дети, и все мы видим пьянство, наркоту и прочее, что их окружает и обязательно до них доберется, если мы не сумеем предложить им что-то взамен. Так что каждый из нас понимает, как необходимо пропагандировать трезвый, активный и здоровый образ жизни. Что мы и делаем. Кстати, в марте этого года на первом чемпионате свердловской области по снегоходам третье место, к нашему удивлению, взяли пацаны 15-17 лет (команда «Шлейф+»).

О: Что удалось уже сделать и каковы планы на будущее?

В: Первой акцией Ассоциации стало проведение «Урал-Трофи 2000» (См. «УС» № 4, 2001), идея которого появилась после участия нашего джипера Олега Майорова (См. «УС» № 12, 1999) в путешествии сибиряков вокруг оз. Байкал (См. «УС» № 11, 1999. «Сибирь-Трофи'99»). Собственно, именно с «Урал-Трофи» и началось организованное джиперское движение в Екатеринбурге, в основу которого положены «кэмеловский» принцип «team spirit» (дух команды)* и девиз «Ты сделал это — гордись!». Эти же принципы спровоцировали нас на другую, казавшуюся тогда

* «Team spirit» (дух команды) подразумевает старт командами (по две-три машины) и зачет финиша команды по последней машине.

безумной, идею — подняться на автомобилях на перевал Дятлова на Северном Урале (Отчет об этой экспедиции готовится к публикации. — Прим. ред.).

Зимой уже этого года, в феврале месяце, мы провели первое в Екатеринбурге «Ледовое шоу» — гонки на льду на нешипованных полноприводных автомобилях (старт парами, по три круга, на выбывание). Первые два места взяли УАЗы, третье — «Тойота-Лендкрузер».

Весной в марте провели первый чемпионат свердловской области по «зимнему экстриму» — 300 км на снегоходах по дебрям

зимней уральской тайги с ориентированием по карте и нахождением 7 зачетных контрольных пунктов, основательно запрятанных нами в лесах (компостер для пробивки путевого талона на стволе с номером). Победителем стала команда кировградского горнолыжного комплекса, второе место — команда ООО «Уралтел», а третье — те самые пацаны из команды «Шлейф+».

Информацию о проектах 2001 года ты обещаю опубликовать в этом номере...

О: Она уже здесь на стр. 2 — сразу после титула.

В: Ну, а в перспективе — новые проекты и развитие других видов экстремального спорта и туризма: водного, подводного, пешего и лыжного. И обязательно сделаем то, что не удалось в этом году — горно-лыжный экстрим в виде катания с вершин высочайших гор Приполярного Урала (г. Манарага, г. Народная, пик Урал и др.).

О: С кем будете сотрудничать?

В: Со всеми, кто предпочитает двигаться и смотреть на мир своими глазами а не по телевизору.

О: Надеюсь, и с нами?

В: Конечно. Ваши идеи возродить старую традицию экспедиционных проектов под флагом «Уральского следопыта», создать при журнале доступную для всех библиотеку туристических маршрутов, карт и отчетов, видеотеку фильмов по краеведению, туризму и спорту, организовать центр общения клубного типа — абсолютно рабочие. И девиз вашего журнала «Хочешь двигаться — ищи попутчика!» — абсолютно наш. Так что, мы — только «за».

О: Взаимно.

Александр ПОЛЕЖАЕВ

КЭРРИ

Из сборника «Собачьи страсти», журнальный вариант

Прошел год, как я потерял свою собаку. Надежд найти ее оставалось все меньше и меньше. Я любил спаниелей, но взять снова спаниеля не мог, так как боялся не полюбить щенка, если он окажется хуже Чарли. А потом идти тем же путем, повторять пройденное просто не было уже ни сил, ни желания. Поэтому, когда председатель секции легавых предложил мне взять сеттера, я не отказался.

— Саша, ты же опытный собачатник! — уговаривал Мордвинов Николай. — Что тебе эти «лягушки» (как он называл спаниелей), возьми серьезную собаку. Это же классика! Не каждый легавую собаку поставить сможет. А ты сможешь, я верю в это! Тут я английских сеттеров привез из Костромы, с отличной родословной. Тебе уступлю дешевле. Иди, выбирай!

Я знал, что если среди спаниелей есть собаки с отличными рабочими качествами, то легавые ушли на убыль, и даже у Николая собака, тоже, кстати, английский сеттер, только-только вытягивала на диплом третьей степени. Он был одинок в своих начинаниях по реанимированию секции легавых. Был еще Калашников, но тот отдавал предпочтение дратхарам и занимался только ими. Как бывший вояка он тянулся к вышколенности и муштре, особенно к немецкой. Передо мной вставала новая и, можно сказать, заветная задача поставить собаку, так как с детства я мечтал иметь сеттера или пойнтера в подражание Тургеневу или Некрасову. Но здесь было желание и помочь, и попробовать свои силы, и желание просто иметь собаку для охоты. Я согласился.

С Антоном, уже подростком, мы пришли к Николаю выбирать щенка. Их было пять — четыре кобелька и одна сучка — уже довольно крупных щенков. Мягкие, гладенькие и пятнистые, они вызывали умиление своей сонливостью и доверчивостью. Пока Антон играл с ними, я решал, кого же взять. Представил себе кобеля, его размеры, когда он вырастет, норы и характер крупной собаки и решил остановиться на сучке, маленькой и нежной, даже сейчас, среди своих братьев.

— Бери сучку, — сказал Николай. — Я хотя и обещал ее уже одному охотнику, но тебе отдам без разговоров.

Раньше он был младшим офицером милиции, и его в нем было хоть отбавляй; сейчас, когда его

выгнали за превышение власти, спеси поубавилось, и все больше появлялось человеческого. Помню, он гордо и осанисто заходил в секцию легавых, которые собирались вместе со спаниелистами, снимал фуражку с лысеющей головы и снисходительно выслушивал просьбы собачатников: кто по пьянке прогулял, и ему надо было прикрыться, кто побывал в вытрезвителе, и нужно было загасить это дело, кто еще чего. Он старался помочь своим и был, как бы, в авторитете. Сейчас была уже другая пора, и ему уже надо было ломать себя, просить кого-то, добиваться, то есть опираться на кого-то.

— Да, — согласился я. — Кроме сучки сердце не лежит ни к кому, хотя и нравятся все они мне очень. Но надо соизмерять свои желания со своими возможностями!

Была зима, и я просто засунул щенка за пазуху.

— Как назовем ее? — спросил Антон по дороге домой.

— Кэрри, — уверенно ответил я. Собака была английской, а недавно я прочитал роман «Сестра Кэрри», растрогавший меня верой в преданность и сентиментальностью. И я рассказал об этом сыну.

— Кэрри, так Кэрри. Красивое имя, — согласился он.

Первым делом я проглизтовал щенка декарисом, и не напрасно, даже пришлось сделать это еще раз. Жена сразу завозмушалась:

— У нас дети, а все собак домой таскаешь. Не хватало еще, чтобы они глистов понахватались. Вон, родители есть, у них и держи.

— Успокойся, так и будет, — с женщинами ругаться, только себе дороже. — Но, пока она щенок, будет жить со мной. Как ее смогут воспитать старики? А все основное закладывается в детстве. Так что, давай не будем спорить.

Вопрос был решен к радости Антона и Павлика, который уже ходил в детсад и, как любой ребенок, был рад живности в доме.

Кэрри росла ласковой, послушной и деликатной. Это не забитость, так как никто не кричал на нее, не трогал, а только окружали лаской и вниманием, а именно женская интуитивность, предвидение нехорошего, что могло бы случиться, если послушаться или натворить что-нибудь неугодное. Она быстро сориентировалась, кто в доме хозяин, и беспрекословно слушалась только меня. Сидеть, лежать она выучилась быстро. Как легавой, я добавил еще команду «Стоять», чтобы останавливать ее по сигналу. Сначала перед дверью, когда шли гулять, потом на улице. С поносской дело обстояло хуже. Она никак не хотела отдавать игрушку в руки, как бы говоря, что это не ее дело. Я не настаивал, боясь испортить будущую стойку. Как легко в этом отношении было со спанием, и как трудно с легавой. Но даже по правилам от них этого не требовалось.

Пришла весна, которую я с нетерпением ждал, но я не спешил на болото, пока лежал снег, боясь переохладить молодую собаку, к тому же, будущую мать, а ждал, когда потеплеет совсем.

На улице Кэрри интересовалась живностью, особенно голубями и воробьями, по-кошачьи подкрадывалась к ним, вспугивала и гонялась за ними.

— Стоять, — командовал я тогда, и она стояла, оглядываясь на меня боязливо.

Конечно, то была не «стойка», но мне импонировало послушание.

В конце апреля совсем потеплело. Спаниелисты давно уже ползали по Широкой речке, зоне натаски, и докладывали обстановку.

— Бекас уже прилетел. Я коростелей поднял. А я дупеля поднял.

Пришла пора, и я в выходные стал тоже выезжать

на болото. Оно уже подсохло. На большой воде еще дотаивал пористый лед, да в лесу, в тени еще лежал кусками спрессованный снег, но было тепло и солнечно, поэтому собаку всегда можно было погреть на взгорочке, на солнышке.

Кэрри носилась по болоту, шалая от весенних запахов, осваивая «челнок», красиво и грациозно. Когда она вспугивала птицу, я шел к ней и показывал ей рукой это место.

— Вот, вот здесь птичка сидела. Ищи здесь, — привлекал я ее внимание. Она тыкалась носом и виляла хвостом, но никакого намека на стойку не проявляла. Ей и было-то четыре месяца, поэтому я не расстраивался.

Видя, что она потягивает носом, я пробовал останавливать ее, но она в увлечении не слушала меня и вспугивала бекаса без стойки, даже пыталась погнать его. Пришлось завести рогатку. В Америке, я читал, легавых натаскивают чуть ли не с пневматическим ружьем, пользуются этим и немцы, я же решил обойтись менее опасным оружием. Не скажу, чтобы это продвинуло меня значительно вперед, но останавливать собаку на более далеком расстоянии помогло.

В мае, на радость и удивление, открыли льготную охоту на Широкой речке. Конечно, только на болотную дичь, но охотнику только дай выйти на болото с ружьем. В пятницу все стали стягиваться к условному месту.

Я издали увидел шалаш, обтянутый полиэтиленовой пленкой, и пошел вдоль канавы к нему с еще зачехленным ружьем. Кэрри легко бежала впереди, лова ветерок, легкий и неустойчивый, и вдруг встала. Я замер, не веря своим глазам. Сердце у меня забилось от радости за собаку. Вот где охотничья кровь проявилась! Она стояла, чуть поджав переднюю лапу, и настороженно смотрела в траву.

— Ай да молодец, девочка моя, молодец! — нахваливал я ее, подходя осторожно поближе. Метрах в десяти я остановился и стал ждать, глядя на собаку. Наконец ее стало раскачивать, больше от усталости и напряжения, и я командовал: «Вперед!» Пришлось подать команду несколько раз и даже взмахнуть рукой, чуть шагнув вперед. Только тогда Кэрри бросилась в траву.

Крупный дупель мягко поднялся на крыло. Я хотел было крикнуть: «Стоять!», но этого не потребовалось. Кэрри и так стояла и провожала взглядом птицу.

— Молодец, хорошая моя. Молодец! — гладил я собаку, наконец-то порадовавшую меня. «В четыре с половиной месяца сделала стойку!» — отметил я удовлетворенно про себя.

Вечерело. Народу возле шалаша набралось целое семейство. Столько же спаниелей. Горел костер, и в котелке что-то варилось. Здесь были и Носков, и Жигульский, и Залесский. Все хорошие знакомые. Поскребывшись успел подстрелить утку и теперь, как

всегда, бахвалился своей собакой, ее работой. Кэрри обнюхала дичь, но видно было, как она брезгливо отвернулась, чуть ли не поморщилась — радости ей это не доставило. «Жалко», — подумал я тогда, но радость первой стойки заглушила мои сомнения на этот счет. А надо было, ох, как надо было взять у Поскребышева крылья утки, чтобы приучить собаку к утиным запахам! Ведь знал же, что если сеттера приучить к утке, то он таскает ее лучше спаниеля за счет более высокого роста и тонкого чутья! Но я обрадовано достал из рюкзака бутылку и присоединился к охотникам.

— Ну что, Санёк, как собака? Подает надежды? — спросил Носков с иронией, памятуя, что я сменил породу. Вроде, как ушел в другой лагерь.

— Только сейчас вот сделала первую стойку, — похвастался я. — Четко встала, даже не ожидал. И не впускаю. Дупеля согнала.

— Ну что ж, поздравляю, — чокнулся со мной кружкой Володя. — А мы тут такую пальбу устроили — всю дичь разогнали. Но ничего, сейчас стемнеет, утка летать начнет. Постоим на вечерней зорьке.

Мы выпили, закусили, слушая оживленные разговоры собачатников.

— А у меня Айна утку из-под воды достаёт, — хвалил свою собаку Жигульский, уже изрядно под хмельком. — Вот Сашка не даст соврать. Помнишь, как ты подранка не мог найти? А я подошел, послал свою, она поискала, покрутилась и нырк под воду. Достала крикша.

— И чего ты с Мордвиновым связался? — опять повернулся ко мне Володя. — У них же ни одной стоящей собаки нет. Колькину я сам видел, даже диплома третьей степени не дал бы. Калашников все загубил. Раньше были собаки, а сейчас одни дратхары. Вон, Сергей Александрович со своим придурком дратхаром только на вальдшнепа и охотится, всю другую птицу гоняет. Здоровый, как дог, а толку! Только корми его...

— Ну, значит у меня первая из настоящих будет, — отшутился я вполне уверенно после стойки моей собаки.

— А ты что к нашему шалашу прибился? — подошел Петрович и начал беззлобно гундосить на меня.

— Да пошел ты... — отмахнулся я от него.

— Ладно, ладно... Потерял такого классного спаниеля, а теперь еще и сеттера взял. Опять потерять? — Петрович оглядывал Кэрри со всех сторон. — А ничего собака, головка хорошая... Ну, как? Работает?

— Сегодня первую стойку сделала, — опять похвастался я.

— Молодец. Смотри, не загуби, — опять заворчал он. — Хоть осенью посмотреть охоту с легавой. Красивая, надо сказать, ребята, охота!

— О! Уже утка пошла! — крикнул кто-то, заметив пролетевшую невдалеке утку.

Все повскакивали с мест и, схватив ружья, разбежались кто куда. Я тоже расчехлил ружье и отошел подальше вдоль канавы. Кэрри крутилась возле меня, не понимая, что происходит. Загремели выстрелы. Она сначала слегка вздрогнула, но вскоре перестала обращать на них внимание. Мне приходилось следить как за темнеющим небом, так и за собакой, чтобы не напугать ее. Но вот просвистела мимо утка, и я выстрелил. Конечно, в горячке промахнулся, но собака тоже смотрела в небо, и особого страха я в ней не заметил. Я подозвал ее поближе, погладил, ободряя, и снова занял стойку возле кустов. Совсем стемнело, только ярко горел костер возле шалаша, поэтому я даже не успел выстрелить по пролетавшим мимо чиркам — они вынырнули из темноты и тут же исчезли во тьме. Пришлось возвращаться к костру. Выстрелов было много, но утку так никто и не взял.

Кэрри жалась к ногам от такого скопления собак, шума выстрелов и громкого разговора чужих людей, но особого страха в ней не было, а скорее любопытство. Видимо, где-то в генетической памяти просыпалось у нее что-то родное и знакомое: ночь, костер, люди и собаки. Вскоре она осмелела и затеяла игры со спаниелями, теми, что помоложе и поигривей. Гибкая и подвижная, как все сеттеры, она грациозно носилась среди казавшихся неуклюжими спаниелей, перепрыгивая через них, мелькая в сполохах костра.

Мы допили спиртное, закусили и теперь пили чай, крепкий до горечи во рту, и оживленно беседовали. Верховодил, как всегда, Петрович, который, выпив, всегда говорил громче всех, влезая во все разговоры. Кого-то критиковал, кого-то хвалил, не забывая проехать и по мне:

— Вон, Сашка, такого кобеля загубил! В два года иметь дипломы второй и третьей степени! Я ему кричу, длинноному: «Не беги впереди собаки! У тебя же отменный пес, он сам знает, что делать, лучше тебя». А, что ему говорить... Лопух! — так он то пытался гордиться щенком от своего Пирата, то сожалел, что того уже нет, то беззлобно хаял хозяина, то хвалил его, стараясь расположить к себе. И все это поверхностно, разорвано и однообразно, как заезженный патефон, мешая разговаривать другим. Но к нему все привыкли, и мало кто принимал его всерьез.

С рассветом, наскоро напившись чаю, все разбрелись по болоту. Я отправился подальше от водоемов, где посуше, искать бекасов. Конечно, когда в руках ружье, хочется взять что-нибудь покрупнее, типа утки, но у меня была другая задача. Нужно было закрепить стойку у собаки и, если удастся, сбить бекаса. Я дошел до кромки леса и, выбрав направление против ветра, послал Кэрри вперед. Некоторые пользуются длинным кордом, чтобы отрабатывать челнок, но я считал, что это ни к чему. Собака сама ловит струю воздуха и идет зигзагом, остается только расширить его и ввести это в привычку. Я иду поперек ветра, Кэрри несется вперед, я останавливаюсь и,

когда она оглядывается, иду в противоположную сторону. Так она, все время забегая вперед, охватывает большое пространство, иногда уходя от меня метров за пятьдесят.

Вот она тянет носом, приостанавливается и встает в стойку, но я вижу, что бекас уже улетел, и она стоит впустую, но подхожу и люблюсь своей воспитанницей.

— Глупышка! Он уже улетел. Но ничего, все равно молодец, — хвалю я ее.

Вижу, что она уже устает и покачивается от напряжения, косясь на меня темным глазом, и командую ей: «Вперед!»

Она подается вперед и утыкается в место, где сидела птица, носом. Я хвалю ее, и мы идем дальше.

Кто видел, кто держал сеттеров, тот знает, как красивы они, особенно в молодости, за счет своей подвижности: когда тело, словно без костей, гибкое от мочки носа до кончика хвоста и напряженно-пружинистое, каждая мышца играет и дрожит под шелковистой, длинной шерстью. Поиск у Кэрри мягкий и стелющийся, она словно плывет над болотом, вытянув морду вперед. Вот она приостанавливается, ловит воздух носом и замирает. Я подхожу, люблюсь ею, неуверенный, что она действительно кого-то нашла, но держу ружье наготове. Маленький гаршнеп стремительно улетает, но я не стреляю, потому как работа не выполнена до конца. Кэрри кидается было за ним, но я окриком останавливаю ее.

Вот когда она сама вспугнет птицу, решаю я, тогда и буду стрелять. Но птица на болоте оказалась изрядно пуганной, и мне так и не удалось ни увидеть работу своей собаки до конца, ни взять из-под нее птицу. Но я был рад, что уже появилось что-то, над чем можно работать. В собаке проснулся инстинкт, она познакомилась с дичью и уже стоит на нее. Остается закрепить и отработать стойку, чтобы сдать на диплом.

У себя в деревне я нашел заросшие разрезы — топкие, но выдерживавшие меня — и на выходные стал ходить туда. Это было проще, чем добираться на автобусе через весь город на Широкую речку, зону насадки легавых.

К августу Кэрри уже четко выдерживала расстояние до птицы так, чтобы не вспугнуть ее. Стояла «мертво», приходилось чуть подпирать ее ногами, чтобы послать вперед. Я был готов выставить ее на полевые испытания.

Мы собрались на болоте, и мне сделали скидку, как единственному легашатнику — дали первому испытать собаку. Все были свои: и Петрович, и Чистяков, и Мордвинов, но это не значило, что я смогу получить диплом на халяву.

Единственным заинтересованным в моем дипломе был Николай, как председатель секции легавых; Чистякову, как эксперту, было все равно, так как он привык иметь дело только со спаниелями; а Петро-

вича влекло не столько любопытство, сколько ностальгия по красивой, ушедшей в прошлое, работе легавых, которых он еще застал.

Мы зашли с подветренной стороны, и я спустил собаку, показав рукой направление поиска. Конечно, классического челнока она не показала, но искала широко. Я немного волновался, что не успеем найти птицу в отпущенное время, но Кэрри потянула и встала, в азарте подойдя близко к дичи. Бекас ушел, а Петрович сразу забухтел: «Ложная стойка, ложная стойка...»

Старый хрен! Кэрри, правда, сразу пошла искать дальше, но бестолковое ворчание Петровича раздражало. Приятель, называется!

Наконец Кэрри встала опять, слегка пригнувшись к земле. Я осторожно приблизился к ней сзади и, выдержав паузу, послал ее вперед. Она вспугнула бекаса и замерла, провожая его взглядом. Чистая работа, хоть стреляй. У Петровича было ружье на плече, но он даже не снял его.

— Ну, что не стрелял? — поддел я его.

— А, забыл, — отмахнулся растерянно он. — Вот, Саня, это уже что-то похожее на работу. Челнок, правда, слабоват, но для молодой собаки простительное.

Метров через тридцать Кэрри опять замерла в стойке, Петрович тоже приблизился вместе со мной к собаке, но промазал, когда та подняла птицу.

— Сам стреляй! — в сердцах крикнул он мне.

— А все, больше не надо, — Валера отметил у себя в блокноте карандашом. — Две работы сделала, достаточно. Потом подсчитаем баллы, но на диплом она уже натянула.

— Вот видишь, Сашка, опять тебе с собакой повезло, — снова забухтел Петрович. — Сыровата маленько, но на охоту уже можно идти. Поздравляю.

Мордвинов тоже поздравил меня. Теперь он уже может записать себе баллы, что секция работает не зря, и дипломированные собаки уже появились при его руководстве.

Что ж, я был рад и открыл на привале портвейн. Юдин и Носков со своими собаками, уже дипломированными, пришли больше пообщаться, да собак прогулять; вот с ними я и отпраздновал свою маленькую победу.

— Ты что ж, Саня, про меня забыл? — вынырнул из кустов Петрович, нюхом чувствуя выпивку. — Я, можно сказать, испытывал твою собаку, замолвил слово за нее, а ты старику глоток вина не оставил?

— Не суетись, Петрович, — Александр полез в рюкзаки и достал еще бутылку водки. — И тебе найдется.

— А, вот это другое дело, ребята, — Петрович быстро достал кружку и присоединился к компании.

— Куда поедем на открытие? — спросил Юдин.

— Вы — куда хотите, а я к себе в «огород», на Оабик, — сказал Володя, называя огородом покосы

возле Становой речки. — На открытие там всегда птица есть. Потом разгонят, и делать нечего больше.

— А на Дарье, там же замечательные места! — возбудился от выпитого Петрович.

— Там всегда тетерев, глухарь держится. Давайте туда махнем всей компанией.

— А, может, сплавимся по Чусовой? — предложил мне Александр. — Хоть уток по реке постреляем. На берегу боровая дичь, на реке утка, порыбачить тоже можно.

— Заманчиво, — стал прикидывать я такое путешествие.

— А можно по Туре сплавиться. Она и поглубже, да и места поглуше, — продолжал Александр, разливая по-маленькой. — Я в прошлом году на спиннинг, не поверишь, два мешка рыбы наловил. Места знаю.

— Давай, — согласился я. — У меня как раз отпуск будет. Времени хоть отбавляй. Везде успею.

На взгорке, возле небольшого водоемчика, мы развели костер, чтобы приготовить горячее. Стали собираться спаниелисты, испытывать подачу. Мы, немного размоленные выпитым и солнечной погодой, наблюдали за молодыми собаками.

Да, мельчают собаки. Из пятнадцати спаниелей только три сдали на диплом третьей степени. Как обычно, подводила подача. Здесь был и сын Чарли, такой же пестрый, черно-белый спаниель, который срезался из-за плохой поноски.

— В чем дело, Александр Михайлович? Не пойму, — жаловался мне его хозяин, смуглый, эмоциональный мужичок, чуть старше меня по возрасту. Ему сказали, что я присутствую здесь, и он подсутился ко мне в надежде, что я, как заинтересованное лицо в потомстве своего пса, дам ему мудрый совет. — Родители — дипломированные спаниели, а мой — ни в какую! Не хочет подавать — и basta!

— Надо работать. Носков, Петрович, Залесский — вот учителя в этом деле для тебя, — сказал я, отбояриваясь от занудливого жалобщика. Он мне показался — а первое впечатление наиболее верное — из тех, кто готов обвинить кого угодно, но только не себя.

Мысли мои были заняты сегодняшней удачей и планами на отпуск. После маленького стресса хотелось расслабиться и отдохнуть, а не заниматься педагогикой. В конце концов я спихнул его Петровичу, любителю поучать и балагурить, плеснув тому предварительно в кружку, и Петрович, размахивая руками, стал учить более молодого спаниелиста умразуму.

На сплав отправились вчетвером на двух байдарках: я взял Аркадия, коллегу, а Юдин — племянника Игоря, мотивируя, что вдвоем с двумя собаками в одной байдарке будет тесновато, а вчетвером веселее.

Ночью мы высадились на полустанке, прямо пе-

ред мостом через Туру. В темноте выбрали место поровнее, чуть отойдя от железки, и достав спальные, заночевали, даже не разводя костер. Поели и напились чаю мы еще в поезде. Утром, чуть свет, принялись собирать байдарки и готовить завтрак. Вчетвером это, действительно, было намного сподручнее.

Я поглядывал на широкую и мутную воду реки, пенящуюся на перекатах, и сильно засомневался насчет рыбалки, о чем и сказал Александру.

— Да, воду опять на плотине спустили, — отозвался он. — Но, может, на ямах есть. Поймаем что-нибудь на уху, а если нет, то ведь не на рыбалку едем, а поохотиться.

Наконец, спустили лодки, загрузили скарб, усадили собак и поплыли. Приятное ощущение, когда через мягкое днище чувствуешь упругость воды, которая несет тебя мимо заросших берегов, а ты чуть-чуть поправляешь лодку веслом и катишься, плывешь в этом вечном движении.

На удивление, Кэрри вела себя спокойно и тоже с интересом осматривалась вокруг. Аркадий, маленький, чернявый и бородатый, сел впереди, чтобы не мешать обзору, а я, потяжелее, сзади, для устойчивости. Мы хотели было разложить ружья, но поняли, что это пока бесполезно: то там, то сям сидели рыбаки, попадались моторные лодки.

— Рановато еще, — сказал Александр, поравнявшись с нами. — Километров тридцать надо пройти, а там и селений меньше, и рыбаки реже доплывают. Но утки на реке мало, она вся в протоках и старицах.

Торопиться нам было некуда, и мы плыли себе, с ленцой подгребая веслами.

Первые впечатления прошли, тем более берег пошел низкий, и мы решили встать на обед на первой попавшейся возвышенности. Натаскали дров и, оставив Игоря кашеварить — Александр и это предсмотрел, взяв с собой не охотника — пошли прогуляться. Но, спустившись с островка, обнаружили, что вокруг топкое болото. Если и были где-то утки, то, возможно, дальше, где открытая вода, и куда не добраться ни пешком, ни на лодке. Собаки подняли пару бекасов, на которых было жалко патронов, и мы вернулись ни с чем. Кэрри, правда, постояла минуту в стойке, пока подбежавшая Лада не помогла ей столкнуть птицу.

— Скоро болота кончатся, — успокаивал Александр за обедом, как сторожил и проводник. — Поохотимся еще.

— А, может, клюквы наберем? — оторвался от котелка Аркадий. — Места-то клюквенные, и ягода есть. Я видел.

— Так она зеленая еще, — снисходительно заметил Александр. — Куда ее такую?

— Ну и что? Постепенно дойдет, — Аркадий был цепок в таких мелочах. Но такая затея — в самом начале пути загрузиться зеленой ягодой — никого не прельстила.

Мы передохнули, напившись чаю, и тронулись дальше. Течение было хорошее, и воды на перекатах хватало: байдарка только чуть скребла иной раз брюхом по косе, но выходить не пришлось. Распогодилось, и плыть было приятно, хотя и несколько однообразно от приедающегося пейзажа.

Аркадий запел, ритмично помахая веслами:

— Маменька родная, дай воды холодной...

На удивление, голос его звучал сочно и баритоново в надводной тишине, и даже без фальши. Это слияние с природой было естественным и непринужденным, хотя несколько необычным для столь диких мест. Но, с другой стороны, подчеркивало наше здесь пребывание, как выших существ и носителей культуры. Так, наверное, чукча делится своими чувствами с бескрайними просторами севера — поет, что видит — или ямщик вдруг затягивает песню под завывание ветра в дальней дороге. Так и мы. Дорога, одним словом.

Болота скоро, действительно, кончились, и начались лесистые берега. Решили встать пораньше на привал, чтобы походить по лесу. Нашли ручей и поляну возле него. Вытащили лодки сушиться, поставили палатку, натаскали дров, как обычно, и разошлись с собаками. Юдин с Ладой в одну сторону, мы с Аркадием и Кэрри в другую, оставив Игоря кашеварить. Он не особенно возмущался, зная, что Александр и ему даст потом ружье — постоять на вечерней зорьке или сходить в лес.

Кэрри нашла пару вальдшнепов и сделала хорошую стойку по ним, но в густом лесу очень трудно было выцелить мелкую птицу, и мы промазали. Зато Аркадий взял одного рябчика, севшего под выстрел.

— Что ж ты, как не охотник, сидячую дичь стреляешь? — решил подначить я его, больше шутя, так как был рад, что хоть что-то будет на ужин.

— А мне какая разница! — резонно отозвался он. — Не охотник, так добытчик. Что патроны зря жечь, да мазать. Зато мяска на ужин добыл, — довольно ухмыльнулся он, даже изображая некоторое превосходство.

Юдин тоже взял пару рябчиков на манок, который я, кстати, забыл взять с собой, так что на ужин были с дичью. Крупняк, в смысле тетерев или глухарь, почему-то не попалась, хотя мы дали крюк по лесу часа на полтора.

Пока готовили, ставили сеть на ночь, быстро стемнело, так что и зорьку прозевали. Но это не расстроило, потому как от костра было видно, что утка проходила редко и высоко, и, даже сняв ее удачным выстрелом, проблематично было достать ее из быстрой реки или, не дай Бог, с другого берега: пришлось бы спускать лодку. Мы все-таки немного подустали после дня пути и решили просто отдохнуть в первый вечер.

Игорь, как молодой, не пил, поэтому мы выпили бутылку на троих и славно закусили нежным мясом

рябчиков, сэкономив тушенку. Быстро захмелели с устатку, так что потянуло в сон и на расслабуху. Мы забрались в палатку, залезли в спальники и провалялись в сон, оставив Игоря у костра вкушать романтики под вызвездившимся небом.

Утром в сети оказались пара чебаков — это на тридцати метровую-то сеть! — грамм по двести. Мы их быстро почистили и сварили уху. Пусть немного, но как разнообразие к столу.

Струзив скарб в лодки, мы тронулись в путь. Как ни осторожно проходили повороты, утки на большой воде не подпускали нас на выстрел, снимались и уходили дальше. Мы заезжали в ручьи и протоки, но и там не везло, так как упирались либо в болото, либо в заросли. Наконец, по одной протоке выплыли на лесное озеро, довольно длинное, чуть не с полкилометра, чистое и спокойное, с зеркальной поверхностью, отражавшей голубое небо, отчего и озеро казалось голубым и бездонным. Прелестный уголок. Пристали к берегу, выбрались из лодок и решили попарно обойти его по берегам.

— Утка должна быть, — уверенно распорядился Александр. — Берега не топкие, не заросшие густяком. В траве наверняка птица есть. Вы с Аркадием пойдите справа, мы слева. Вы вспугнете — утка на нас полетит, мы — на вас. Нормально.

Разошлись. Аркадий чуть сзади, я с Кэрри впереди. На утку собака не натаскана, поэтому я одним глазом следил за ней, другим — за травой возле берега. Кэрри приостановилась, потянула, но потом побежала дальше, а когда мы приблизились к этому месту, из травы поднялся крикаш. Тяжело, с криканьем. Я тут же снял его первым выстрелом. Он шлепнулся в воду, а от выстрела поднялась еще пара. Вторым выстрелом я снял еще одну утку и стал быстро перезаряжаться. Аркадий пальнул за спиной тоже, но мимо — не привык влет бить. А утка, сделав круг над озером, нарвалась на Александра, который тоже мазанул, и опять пошла к нам. Все это в считанные секунды, а перезарядиться вовремя мы так и не успели. Я смог выстрелить по утке только тогда, когда она уже прошла надо мной в сторону леса, — и промазал!

Кэрри вначале даже обрадовала меня, так что от сердца отлегло, бросилась в воду и поплыла к ближней, еще трепыхавшейся, утке. «Наконец-то! — подумал я. — Заработала!» Но она только обнюхала ее. Поплыла к другой, что была подалее, и — то же самое! Развернулась, вылезла на берег, стала отряхиваться.

— Вот сука! — сказал я в сердцах.

— А что ты хотел? Ну, не нравится ей утка и все тут, — улыбался Аркадий. — Ну, ты хорошо их снял. Молодец, — похвалил он.

— А ты что же? Третья-то развернулась и прямо на нас пошла, чуть не по головам.

— А что я? Патрон, будь он неладен, заело. Шляп-

ка оборвалась, — возбужденно оправдывался Аркадий. — Ну, ты свою дичь доставай, а я дальше пойду, может, и мне повезет.

— Вот сука! Принесла бы, и не было бы проблем, а сейчас как их доставать? За лодкой-то идти далеко.

Аркадия можно было понять: ему тоже хотелось пострелять, коли дичь есть, поэтому он лишь улыбнулся с сожалением и пошел дальше вдоль берега. Подул легкий ветерок, вздыбив водную гладь, но, как назло, от берега. И мои утки стали все дальше отплывать к середине озера. Погода стояла солнечная, прямо бабье лето, поэтому решение пришло быстро. Я скинул сапоги, брюки вместе с трусами, чтобы не мочить зря, скинул рубашку с курткой и нагишом спустился в обжигающую воду. Если первая утка находилась метрах в пяти от берега, и я, зайдя лишь по ягодицы, выбросил ее на берег, то вторую отнесло уже метров на десять. Была — не была! Я бросился вплавь, стараясь закончить все как можно скорее, чтобы не переохладиться. Я быстро долетел brassом до утки. Но что теперь делать с ней, не знал: то ли в зубы хватать, то ли в руку брать, и плыть, как Василий Иванович. Наконец, я сообразил и стал бросать ее к берегу перед собой. Раз, два, три — и утка на берегу. Я нащупал ногами илистое дно, подал корпус вперед и стал выбирать, помогая себе руками. И вдруг стал чувствовать странное оцепенение во всех членах. Это был именно спазм мышц, сковывающий движения. Только тут я осознал свою глупость и испытал страх смерти: глухое озеро, рядом ни души — да и кто рискнул бы прыгнуть за мной в ледяную воду? — лодки далеко, а конец так близок... Представив себе все это, я сделал последнее усилие и выбрался на берег, в теплый и солнечный воздух, на мягкую и прогретую землю. Не теряя времени, схватил одежду и стал растираться ей. Сначала грудь, потом руки, затем ноги, чувствуя, как тело начинает отзываться теплом. Кэрри, отряхнувшись после купания и увидев, что я благополучно выбрался на берег, стала радостно носиться вокруг.

— Ах, сволочь! — закипел я злостью. — Я чуть не погиб за какую-то шивую утку, а ты, падла, веселишься!

Я поймал ее за шиворот и шлепнул о землю, поддав ей несколько раз ногой.

— Это же твоя работа, скотина! — орал я на нее. — Застрелю, падла!

Но это была просто вспышка гнева. Я это понимал. И виноват, конечно, только я сам, что не приучил собаку к болотной дичи, к подаче ее с воды. «Но где же инстинкт, черт побери? Ведь не дура же, соображать должна! — зло думал я, уже согреваясь под одеждой. — Ведь, по рассказам, лучше чем сеттер, утятниц нет». Что делать, я не знал. Пока ясно лишь одно — проку от нее на утиной охоте нет.

Вскоре подошли ребята. Александр тоже взял

крякша, а Аркадий чирка. Все были бы довольны, если бы не пережитый мною страх за свою жизнь. Я рассказал мужикам об этом случае.

— Зря ты это, конечно, затеял, Александр, — заметил серьезно Юдин. — Подождал бы меня, Ладка бы достала. А так утоп бы ни за понюшку табаку. А мы бы где тебя искали? Пока сообразили бы. Фу, даже думать неприятно про это.

— Да... — я как-то заново увидел все вокруг, будто только что вновь родился: солнце золотило зеркальную гладь синего озера, в дальней кромке которого отражался осенний лес. Еще зеленая трава, мягкая и теплая, манила уютom. На пышной и нежной кроне берез появилась первая седина — целые ветки, как пряди, с желтыми листьями. И над всем этим синее бездонное небо и ласковое, теплое солнце. Красота! А я, дурак, чуть было не лишил себя всего этого. Бр-р-рр. — Ну ладно, поехали. Сейчас главное — не простыть бы.

— Может, водки глоток? — предложил Александр.

— Обязательно, — поддержал его Аркадий, как врач. Но я отказался, боясь, что она может ударить в голову.

— На весла скорее надо, подвигаться, а водка вечером под дичь пригодится.

Чтобы прогреться, я греб до пота. На стоянку мы встали возле довольно крупной речки. Места были ровные, луговые, со следами коров в мокрых местах и их пометом, что говорило о недалекости селения. Александр с Игорем пошли перегораживать речку сетью, а мы с Аркадием пошли поохотиться и посмотреть места. Кэрри, словно стараясь заглядить свою вину, работала широко и почти правильным челноком, что радовало глаз. Как и следовало ожидать, судя по дырочкам в коровьем помете, здесь был вальдшнеп. Легко и изящно собака с галопом переходила на шаг, делая потяжку, и уверенно застывала в стойке, кося на нас глазом, пока мы с Аркадием подходили к ней.

— Вперед! — и она делала несколько порывистых шагов в сторону дичи, не бросаясь, как раньше, словно понимая, что ей не поймать шустрюю птичку, и снова останавливаясь, провожая взглядом улетающую дичь. Мы не спеша снимали ружья с плеча, становились на изготовку и стреляли, как в тире, потому как места были открытые. Так мы взяли пять вальдшнепов. Кэрри нашла и несколько бекасов, но уж слишком мелка была птаха, чтобы тратить на нее патроны.

Обратно возвращались уже под вечер, вдоль берега, надеясь на утку. Но так ничего и не встретили. Товарищи уже разожгли костер и готовили ужин.

— А утку мы что, не будем готовить? — спросил я, полный желания угостить друзей добычей.

— Твоя добыча, ты готовь и угощай, — подзадорил меня Александр.

С Аркадием мы разделали и утку, и вальдшнепов.

Причем, одну крикву, убрав только внутренности, я завернул в фольгу вместе с пером и положил в ямку под костром — испробовать, как получится запечь ее. Аркадий предложил сделать шашлыки из утки и принялся нанизывать куски на прутья. Мы пропустили по маленькой, закусили горячей кашей с тушенкой. Быстро темнело.

— Ну что, Аркадий, как твои шашлыки?

— Да уже почти готовы, — отвечал Аркадий, пробуя мясо с шампура. При этом борода его шевелилась вместе с челюстью. — Вполне уже есть можно, — и он соскреб куски мяса на крышку от котелка.

Мы разлили еще и хлопнули под горячее. Мясо оказалось нежное, но я вдруг в свете костра увидел сукровицу.

— Ты что, оно же не дошло! — я протянул Аркадию свой кусок.

— Ну, Александр... — протянул приятель. — А как бифштексы с кровью готовят? Мясо-то нормальное. Ну, хочешь, поставь снова на огонь.

Я так и сделал, удивляясь небрежливости Аркадия. То же самое сделали и Александр с Игорем.

— Я лучше подожду, пока мясо в котелке сварится. Не доверяю что-то я этим шашлыкам, — сказал Александр с усмешкой.

— Ну и зря. Твое, конечно, дело, — Аркадий уминал мясо, чуть не обсасывая косточки. — Тем более с водкой. Все отлично пройдет, с автоматической дезинфекцией.

Я доготовил свою порцию и, махнув рукой, тоже стал есть.

— Горячее сырым не бывает! — сыпал Аркадий поговорками и уговаривал товарищей присоединиться к пиршеству.

Выпили еще, поели, попили чаю, и тут же стало клонить в сон. Это уже был какой-то стереотип: поработал, устал, выпил, поел — и тут же валит в сон. Организм втянулся в этот режим и работал, как автомат, чтобы утром к нему не было претензий.

Мы по очереди забрались в палатку, в спальники.

— Ты смотри, собаки даже кости утиные не едят, а вальдшнепа — с удовольствием, — заметил, укладываясь, Юдин.

Под утро меня замутило, я вылез из палатки и пошел к речке. Тут меня стошнило, чему я активно помог двумя пальцами.

— Неужели сальмонеллёз? — сказал я вслух с отчаянием, припоминая клинику этого заболевания. — Но, если у меня, то и у всех так должно быть! Посмотрим.

В теле чувствовалась какая-то слабость, слегка кружило голову, но желудку стало легче. Я попил крепкого прохладного чаю и снова забрался досыпать, надеясь, что это недоразумение к утру пройдет.

Утром Александр поднялся и, потеряв лоб, сказал: — Что-то я неважно себя чувствую. Он надел

очки и вышел из палатки. Выбрался Игорь, за ним Аркадий, потом я.

— Что такое? Заболел? — спрашивал Аркадий, крутясь возле Александра.

— Что, что? Отравил нас вчера своими шашлыками! — сказал я. Уж мне-то было что порассказать. — С кровью, с кровью... А они сырыми оказались. Меня ночью полоскало, а сейчас слабость, потливость, головокружение. Уж тебе-то, как врачу, лучше знать, что утки переносчики сальмонеллёза.

— Да бросьте вы, ребята. Я-то здоров, а ел больше вашего вместе взятого, — упирался Аркадий. — Тебе-то, вообще, Александр, стыдно такое говорить. Ты меня в два раза больше. Мне ничего, а тебе плохо?!

— У тебя, может, желудок луженый, а я... — тут я почувствовал слабость и позывы внизу живота, и...на горшок пошел.

Точно! — понос. Значит, действительно, заболел. Я вернулся к костру, возле которого суетились Аркадий с Игорем, Александр сидел рядом с кружкой крепкого чая.

— Да-а, повар из Аркадия никудышный! — заметил он мне.

Я плюхнулся рядом на землю, вытирая пот, и кивнул мрачно.

Только на следующий день мы смогли тронуться в путь. Острота болезни прошла, слабость осталась, поэтому ни о какой охоте и речи быть не могло. Александр тоже не отошел, поэтому решили прервать наше путешествие и с ближайшей станции отправиться домой. Аркадий, чувствуя за собой долю вины, был согласен, а Игорь еще не обладал правом голоса, как молодой.

До Болотово было километров пять, там была узкоколейка до большой железки. Вопреки ожиданиям, народу было невпроворот. В основном, рыбаки и ягодуники. Мы с трудом нашли себе угол, где кое-как разместились с нашим скарбом и собаками.

— Говорил, мужики, надо было хоть ягод набрать, — заметил Аркадий. — Клюква дойдет, а мужики, вон, бруснику уже везут.

Но мы с Александром отнеслись к этому равнодушно, потому что чувствовали себя нездоровыми. Слабость, потливость, головокружение, спазмы в кишечнике еще давали о себе знать. Дома пришлось еще три дня отлеживаться. На удивление, собаки почти не причиняли нам хлопот за все время путешествия. Они были послушны, не привередливы и тихи, так как быстро втянулись в нехитрый ритм нашего походного быта.

Осенний сезон пролетел удачно и незаметно. В октябре птица уже поднялась на крыло, кормилась на деревьях, так как сезон ягод отошел тоже, а на земле стойку выдерживал только вальдшнеп, которого тоже было не густо, разве что, когда нарвешься на «высыпку» перелетного. Но большой ценности при нынешней дороговизне патронов эта «коро-

левская» дичь не представляла. «Улов» был неплохой: глухарь, четыре тетерева, шесть вальдшнепов и примерно столько же рябчиков. Но я все больше склонялся к мысли, что такая собака, как сеттер, или пойнтер, то есть, любая, работающая со стойкой, не для сурового Урала. Слишком коротки сроки охоты с ней.

Кэрри жила у родителей, так как жена была категорически против ее нахождения в квартире с малолетними детьми. Конечно, это недалеко, но при скученности сощбыта, когда в двухкомнатной квартире проживают пятером, ее тоже можно было понять. Я ходил к старикам выгуливать собаку, благо они жили недалеко. Мать тоже ворчала, что целый год держит собаку ради одного месяца охоты, только шерсть за ней убирать приходится. И это все бы ничего, но с севера приехала сестра с годовалым ребенком на руках на постоянное житье. «Убирай собаку!» — был вынесен вердикт.

Кэрри уже два года. Самый расцвет. Есть, чем похвастаться. Даже Калашников похвалил ее на испытаниях в узком кругу среди дратхаров, которых он пропагандировал.

Среди туловатых и малоподвижных дратхаров она выделялась своей подвижностью, азартом, высоким, дальним чутьем и страстной стойкой, плотной и надежной, так что полосатого гаршнепа можно было разглядеть прямо у нее под носом. Но я был охотником, а не энтузиастом. Обстоятельства прижали меня, и я подошел к Мордвинову.

— Жалко, — чуть не с обидой сказал он мне. — Я бы сам ее у тебя купил, но свой сеттер есть. Куда мне два? Первая, можно сказать, классная собака среди легавых. Поставленная, впереди столько хорошего, перспективного: испытания, соревнования, выстав-

ки. Москва, Ленинград, а ты — продавать... Подумаю, кому предложить.

Я знал его Леди, у которой тоже был диплом, но явно «натянутый» председателем секции, так как и чутье у нее было слабоватое, и стойка некрепкая. Среди собачатников ходили смешные рассказы, как Николай в очередной раз где-нибудь да облажался со своей воспитанницей. Я бы на его месте, на месте председателя секции легавых, не задумываясь, сменил собаку: и его бы рейтинг поднялся, и мне было бы спокойней, что собака рядом, в надежных руках; а на охоту можно и вдвоем ездить. Но у Николая, видимо, все-таки были свои принципы и обязательства.

В конце концов нашелся покупатель из Красноярского края, тоже энтузиаст, председатель местной кинологической секции. Проездом из Москвы он заскочил в Свердловск. Мы созвонились, и я повел свою подругу к кассам аэрофлота.

Видимо, мое настроение передалось собаке, и Кэрри была спокойной и настороженной. Прощания не получилось. Я потрепал ее за ухом, ткнулся носом в шелковистую шею, ощутив мягкий запах псины; Кэрри лизнула меня в щеку и спокойно пошла на поводке с новым хозяином. Правда, оглянулась несколько раз недоуменно. В автобусе они сели на заднее сиденье, и я увидел ее прощальный ищущий и нашедший меня взгляд, от которого навернулась скупая слеза.

Всё! Как ни тоскливо и грустно мне было, но я почувствовал облегчение. Что поделать, если я не мог дать собаке то, чего она заслуживала. Живи я в южной полосе, где сезон почти круглый год, другое дело. А комнатную собаку, при ее-то способностях, я держать не хотел. Прощай, Кэрри, и прости!

Алексей КРУГЛИКОВ

Прощай, Танюша

Танька заболела в пятницу. Скорее всего, подцепила вирус от Петруччо — он как раз в четверг приперся ко мне пьяный и шумный, воняющий «Астрой» и «Жигулевским». Чего он хотел, я так и не понял, но это было не так уж и важно, потому что, во-первых, он мой давний приятель, а во-вторых, Петруччо приволок дискету со своими новыми опусами. Мы посидели часов до трех, потом Петруччо занял у меня полтинник и ушел по бабам, а я переписал файлы с его дискеты, почитал немного и лег спать.

Я спал и во сне завидовал той легкости, с какою шел по жизни молодой поэт-алкоголик Петрушин, а Танька уже была больна. Этого еще не было видно; она и сама не чувствовала дурного, но злой рок уже навис над беззащитным существом, и тень Пустоты проникла в дом и притаилась в углу, смешавшись с тенью за диваном.

В пятницу вечером я пришел с работы, попил чаю и сел поиграть в «Панцер Генерал 2». Танька капризничала, отказывалась вовремя реагировать на нажатие кнопок мыши, а когда дело дошло до игры, вообще погасила экран и повисла.

— Здрасьте, приехали, — сказал я и щелкнул кнопкой питания.

Ноль реакции.

Я выругался и выключил пилот. Подождал секунду... Включил снова.

Теперь Танька при загрузке нашла ошибку в реестре и пообещала ее исправить. Я перезагрузился. Она опять нашла ошибку и снова пообещала исправить дело. Я перезагружался еще три раза, но все с тем же результатом.

С Танькой было что-то неладно.

Я вышел на балкон и закурил.

Стояла темная холодная октябрьская ночь. Луна, белая и блестящая, словно никелевая копейка, резала глаза. Тополя во дворе смутно чернели в чернильной сини. Редкие прямоугольники освещенных окон с иероглифами переплетов напоминали надпись на инопланетном языке. Звезды, иссиня-белы, льдисто мерцали над головой, посылая сигналы непонятным кодом. Что бы сказала Танька, если бы я показал ей эти звезды? «Неизвестный протокол передачи информации. Установите необходимое обеспечение». Или что-нибудь в этом роде. А может быть, она сказала бы «Как это поэтично. Напоминает скрин-сэйвер Нортон Командера».

Я улыбнулся.

Танька очень славная. Немного капризная, чуть медлительная, но зато очень человечная, живая, теплая. С ней уютно. До Таньки у меня была Эмма Эдуардовна — дама фантастически работоспособная, но обладающая характером завуча и тещи в одном флаконе. Я долго пытался с ней ужиться, но в итоге плюнул на эту холодную, надменную мымру и нашел себе Таньку. Разницу я почувствовал сразу.

Сколько же времени я провел с моей Танькой? Да уже года два. Елки-моталки, подумал я, два года! Каждый вечер после работы приходиться включать компьютер и знать, что там будет Таня, Танька, Танюшка. Каких нежных имен я ей не выдумывал, какой бранью не поливал! Как я за ней ухаживал, сколько денег и времени убил на эту девчонку!

И вот она заболела.

Между тем сигарета кончилась.

Я вернулся в комнату и уставился на потухший экран. Надо было что-то делать. Таньку надо было спасать.

Я долго искал среди разного барахла загрузочную дискету, и все-таки нашел. Сунул ее в дисковод и включил компьютер. После тестовых сообщений, наконец, замигал курсор рядом с ДОСовским приглашением.

A:\

Вот так. Скромно и со вкусом. Никаких намеков на разумность, но зато стопроцентная исполнительность и полное отсутствие нездоровой фантазии. Вообще полное отсутствие фантазии. Если в Винде есть что-то от капризной женщины, то в ДОСе есть что-то от бульдозера.

На диске я нашел «Checkit». Тесты показали, что все в порядке. Тогда я дрогнул и запустил антивирус.

Scanning boot record...

Virus found.

Моя душа медленно наполнилась ужасом до краев. Бутовый вирус. Вот в чем дело! И я сам, своими руками, раз за разом перезагружаясь, все вернее загонял Таньку в могилу. Каждый перезапуск словно еще один гвоздь в крышку гроба. И теперь уже все равно, что вирус я вычистил. Танька уже мертва.

Нет, надежда еще есть. Из клинической смерти можно вытащить.

Я метнулся за установочным диском Виндов.

A:\ e:

E:\

cd win95rus

E:\WIN95RUS\

setup

Закрутились минуты, забегали (все время вправо) полосы состояния, экран сменялся экраном, реклама громоздилась на рекламу. С Вин95 у Вас все будет супер-пупер! С Вин95 Ваши ДОСовские игрушки станут еще краше, чем в ДОСе! С Вин95 ваша кэш-память вырастет втрое! С Вин95 Ваш Интернет-провайдер начнет давать бесплатное время! С Вин95 Ваша жена перестанет изменять Вам с кем попало!

Реклама. Пардон за ругань.

Красноречивые обещания звучали злой издевкой над умирающей. Веселенькие заставки вызывали спазмы ненависти. Я пялился на экран, как чекист на врага народа. У меня еще теплилась надежда, что Танькина душа вернется в холодное тело моего компьютера.

Надежда умерла к часу ночи. Я переставлял Винду

три раза, но работать она не желала. А то, что еще работало, было столь уродливо и убого, что я не желал признавать ЭТО Танькой.

В час ночи я поставил чайник и уселся покурить. Дым «Золотой Явы» застревал в горле, словно я пытался вдохнуть бечеву с навязанными узлами. Все было зря. Я вдруг сорвался, накинул куртку и побежал на улицу за водкой. Вернулся через пять минут, озябший и подавленный. Чайник вскипел, и я стал пить чай с водкой, чтобы согреться. А потом водку, чтобы помянуть Танюшу. А потом чай, чтобы успокоиться. К двум часам ночи кончились сигареты. Я снова поплелся на улицу.

Стояла темная холодная октябрьская ночь. Луна, белая и блестящая, словно никелевая копейка, резала глаза. Тополя во дворе смутно чернели в чернильной сини. Редкие прямоугольники освещенных окон с иероглифами переплетов напоминали надпись на инопланетном языке. Звезды, иссиня-белы, льдисто мерцали над головой, посылая сигналы непонятным кодом. Я послал звезды обратно. В кроссовках мерзли ноги. В киоске было уже закрыто, и я побежал бегом, чтобы не околеть, до круглосуточного через чужие дворы мимо вонючей помойки, прихваченной льдом.

Я вернулся домой с двумя пачками «Пэлл Мэлл». И немедленно выпил, следуя народной мудрости Ерофеева. Что я делал до трех, я не помню.

В три часа пополуночи я сидел перед тем, что осталось от Таньки, пьяный, сонный и от этого особенно отчетливо все ощущающий. Танька, Танечка моя умерла. Горе-то какое. Как говорил питон Каа, нелегко менять кожу. На черном квадрате Малевича, на пустом экране мерцал курсор рядом с лаконичным «A:\».

Смайлик «:\» казался мне то ли пахабной ухмылкой, то ли горестно скривленными губами. Нет, нет, конечно, это не смех. Я просто не вынесу смеха. Я лучше буду считать, что это скорбь.

Белые буквы на черном фоне — словно белый воротничок на траурном платье. Даже бесчувственный ДОС скорбел по НЕЙ. Я больше никогда не увижу Таньку. Я бросил непослушные пальцы на клавиатуру — так бросают первые комья земли — и пальцы раз за разом застучали по кнопкам — так стучат комья о доски.

format c

Your disk will now be formatted. All data will be lost. Continue? (Y/N)

Я вздохнул.

Прощай, Танюша.

Еще секунду я бегал глазами по клавиатуре, словно забыл, где находится клавиша «У». Потом нервно, коротко, как отворачиваются от могилы, щелкнул по ней и пошел допивать водку.

Мара

Когда хозяева на даче полют морковку, или парят-ся в баньке, или просто культурно выпивают в объятиях Природы, у домовых наступает самое горячее время. В иных квартирах люди оставляют такой погром, что на одно только поддержание его в прежнем виде уходит весь день, не говоря уже об уборке. Иной раз приходится собирать подмогу со всего квартала лишь для того, чтобы не дать дому развалиться на части. Домовые не любят, когда что-то приключается без хозяев. Так что, если у кого живет домовая, тот может спокойно уехать на месяц-другой, зная, что «соседушко» в лепешку расшибется, но охранит дом от беды.

Однако и домовые не прочь культурно отдохнуть и поразвлечься. Поэтому вечером Васька припрятал подальше веник, последний раз оглядел коридор, заправил майку в джинсы и потопал тайным лазом к деду Онуфрию. У деда частенько вечеряли, поскольку его хозяйка — бабка пакостная, но суеверная — исправно поставляла домовым угощение. Особенно весело бывало, когда Онуфрий тырил у ней сахар и дрожжи. Сегодня как раз был такой день — это Васька безошибочно определил по дымку за мусорными баками. Он свернул туда и, точно, обнаружил дедова внучка Афоньку сидящим у аппарата и ковыряющим в носу. Афонька был еще мал и из всего процесса «украл — сварил — выпил» ему доверяли только первые две фазы.

— Здорово, Афонька. А где дед?

Онуфриев внучок шмыгнул, утер соплю на грязной и пухлой физиономии и молча махнул рукой в сторону дома. Он был очень серьезный и молчаливый ребенок. Афонькина мать любила говорить, что он «подает

надежды». Какие такие надежды и кому подает Афонька, гадала вся округа, но никак не могла догадаться. Очевидно, речь шла о чем-то очень непростом, и за такую свою необычность мальчонка часто получал подзатыльники от соседей — чтобы рос еще умнее.

Васька дал Афоньке легкого тычка и пошел к деду.

Вечеряли в подвале. Здесь уже собрались гости со всей округи — мужчины сидели рядом у самодельного стола и степенно трекали языками; женщины суетились над закусками, не упуская случая перемять косточки друзьям, соседям и хозяевам. При появлении Васьки мужчины издали дружный гул, состоящий из множества «O-oi!» и «Э-э, кто пришел-то!» и «Ба-а!». Женщины приняли Ваську к сведению и выставили на стол еще один стакан. Васька важно протиснулся между столом и чьими-то ногами и нашел местечко устроиться. Рядом оказался малознакомый, но очень разговорчивый домовый из дома в дальнем конце квартала, так что за беседой о буряках и капусте незаметно пролетело минут десять, пока не появился Афонька с большой бутылкой. Бутылка была размером с пол-Афоньки, но подающий надежды карапуз упрямо пертяжеленую ношу, сопя, как закипающий чайник. Мамка метнулась к сыну с вечным «У, ти мой сладенький!..», а мужики снова подняли гвалт. Появлению бутылки обрадовались куда сильнее, чем появлению Васьки.

Потом выпивали и закусывали, поплясали с женщинами под музыку старого вальса, записанного на доисторический бобинник; Васька облил компотом пухлую домовую, соседку по столу; дед Онуфрий опять ударился в воспоминания «об осьменацатом годе», ког-

да он, тогда еще вовсе не старый, геройски отстоял свой домишко от полчищ обнаглевших крыс. Старикан даже полез было снимать штаны, чтобы показать боевые шрамы, но общими усилиями его усмирили, влили стакан самогонки, сунули в рот малосольный огурчик и усадили на место. Повеселились что надо.

Ближе к ночи стали расходиться по домам. Васька вышел на улицу и остановился, загляделся на небо. Вообще-то в городе не особенно полюбуешься звездами, но здесь была окраина, да к тому же воскресенье, да и погода была ясной, так что все небесное покрывало было усыпано крупными брильянтами, мелким жемчужом, и блестящей пылью. Подошел давнишний корешок Степка, стал рядом и молча засмолил «Астру». Васька стоял и глядел в небо, исполненный покоя и признательности Степке за то, что уловил суть момента и не стал заговаривать. В темной выси неслышно звенели хрустальные колокольца, и от этого на землю спустилась такая тишина, что в ней терялись суетные звуки большого города; и нарушить ее было бы святотатством.

Напившись тишиною вдосталь, Васька оторвался от небес, вздохнул и стрельнул у Степки покурить. Они стояли и дымили папиросами, осененные ночной светотенью, посреди тишины и уютного покоя, ощущая себя частичкой неизменного миропорядка. Вокруг лежали окраины, укутанные тьмой, пронизанные шорохами, но вовсе нестрашные. Было тепло и хотелось чего-то сказочного.

- Пойдем, на Чудика посмотрим, — сказал Степка.
- А че на него смотреть-то?
- Да он чего-то эдакое сегодня собрался делать.
- А че?
- Да кто его знает? Пойдем, хоть посмеемся.
- Ну, пойдем.

Чудик жил в Степкином доме и занимался черной магией. Точнее, это он так думал, что занимается магией. Домовые же могли только хихикать, глядя на неуклюжие попытки человека подчинить себе то, что в принципе подчинить невозможно. Тем не менее, кое-что у Чудика все же получалось, но так неловко, что даже и смеяться иногда было грешно. Словом, Чудик был чем-то вроде аттракциона с медведем на мопедке.

Кореша прокрались в квартиру Чудика как раз вовремя, чтобы застать последние приготовления к спектаклю. Хозяин уже разложил свой инвентарь на столе и теперь листал репринтное издание «Некрономикона» в поисках нужной страницы. Наконец, он нашел, что искал, уселся на пол и начал медитировать. Чудик носил черный халат с шитыми китайскими драконами и метафизическими символами, нашитыми собственноручно. Голова его была настолько забита белибердой, что и медитация не помогала ему сосредоточиться. Но сам чародей всерьез полагал, что достигает некоего крайнего очищения, что энергии мира текут через него, как через трубу водопровода, а он волен направлять их куда вздумает. Он сидел и медитировал, китайские драконы пританцовывали в такт его дыханию, церковные свечи на столе трепетали пламенем, бросая темно-желтые отсветы на лицо человека и копну невымытых волос. Домовые хихикали в кулак.

Наконец, самозванный колдун счел, что очищен достаточно, церемонно встал и поклонился на четыре стороны, хотя думал, что был один. Домовые прыснули, но человек не расслышал, а может, посчитал тихий звук обманом слуха. Он повернулся к столу и начал бубнить слова на незнакомом языке, то и дело хватая что-нибудь и производя странные манипуляции. Голос колдуна был сиплый от чрезмерного потребления холодного пива, но самому ему, наверное, касался гордым и зловещим.

Посыпались имена библейских демонов. Домовые захихикали громче. В конце концов, колдун все же сделал то, с чего стоило начинать. Он вынул маленький пучок бессмертника и, полив маслом, стал брызгать вокруг себя. Домовые переглянулись, и Степка прошептал Ваське: «Соображает!» Васька кивнул и прошептал в ответ: «Только туго». Они снова захихикали. И тут колдун сделал то, чего никто не ожидал. Он вызвал мару.

Марами их называют потому, что другого имени никто пока не придумал, а у самих у них не спросишь. Нет существа опасней мары, потому что они вечно голодны, а питаются живым теплом.

Вначале потянуло холодом и пламя свечей заколыхалось, а домовые разом замолкли, почуввав нехорошее. Потом чуть чаще задрожала тень волшебника, раздвоилась и распалась на две. И вот за спиной у колдуна встала она. Мара.

Возможно, она была прекрасна в своей смертоносной медлительности. Возможно, она была черна и прозрачна. Возможно, она была бесшумна и изящна. Возможно. Только вот ни Степка, ни Васька не стали ее разглядывать. Потому что мара была ужасна, и ужас согнал домовых по тайным лазейкам, по дворам, по переулкам, по подвалам и чердакам, гнал до изнеможения и даже еще дальше. И когда они оба упали без сил, их ноги все еще дергались, стараясь хоть ползком, хоть на брюхе, но удрать еще дальше. Приятели тяжело, со свистом дышали, хватали пересохшими ртами застоявшийся воздух и все не могли надыхаться. Прошло много времени, прежде чем они отлежались, встали и поковыляли дальше. От страха подрагивали и подгибались колени, и очень хотелось курить. Степка трясушимися пальцами разорвал пачку и достал папиросы. Спичка у Васьки не загоралась раз десять. В конце концов, они закурили, и жить как-то сразу стало легче. Приятели брели по незнакомым улицам, смоля сигареты одну за другой и шарахаясь от каждой тени.

Они так часто оглядывались, что забыли смотреть себе под ноги и, конечно, споткнулись. Споткнулись о пьяного человека и полетели кувырком, а Степка выпустил из рук папиросу, и та упала прямо на лицо пьянчуге. Тот сразу же проснулся и смачно выругался матом. Малый народ до смерти боится ругани, и приятелей тут же разнесло в разные стороны. Каждый припустил что было духу, как будто и не было усталости, и вскоре домовые совсем затерялись в незнакомых улицах.

Васька прослонялся еще полностью, безуспешно разыскивая Степку. Потом ноги совсем перестали слушаться, и он свернул в первый попавшийся подвезд.

Тут было темно и прохладно, а сверху доносился шорох веника по полу и негромкое пение. Васька поси-

дел на ступенях, немного отдохнул и поплелся наверх. Домовые любопытны. На площадке третьего этажа орудовала веником молоденькая домовая. «Вот повезло. Может, хоть переночую», — подумал Васька и сказал:

— Здравсьте.

Домовая распрямилась и повернулась к нему. Она была хороша. Точеные ножки, лебяжья шея, изящная голова, не говоря уж об остальном.

— Здравсьте, — сказала незнакомка неуверенно.

— Может, помочь? — спросил отчего-то оробевший Васька, не зная, что еще сказать.

— Спасибо, не надо.

Повисло неловкое молчание. Лихорадочно перебирая все способы набиться в гости, Васька никак не мог остановиться на чем-нибудь одном. Домовая тоже никак не могла придумать продолжения разговора. Отчаявшись, Васька понял, что знакомство не получилось и чая тоже не будет. И он решил уйти.

— До свидания.

— До свидания.

Васька начал спускаться по лестнице, когда незнакомка окликнула его:

— Пойдите!

— Что?

— Пойдите. Хотите чаю?

— Нет, спасибо... Я лучше пойду.

— Да?..

— Да... До свидания.

— До свидания...

Васька спустился на три ступеньки, услышал, как снова зашаркал веник и бросился наверх. Незнакомка встретила его удивленным взглядом.

— Здравсьте еще раз.

— Здравствуйте, — она улыбнулась.

— Знаете, я передумал. У вас чай индийский?

— Нет, грузинский.

— А-а... Ну, ничего.

Незнакомка прыснула.

— Как вас зовут, гостюшко?

— Меня? Васька... А вас?

— Настя, — она снова улыбнулась. — Ну, пойдете чай пить.

Чай и вправду был грузинский, из советских запасов — в нем плавали щепки размером с добрую спичку; но зато он оказался горячим и сладким, а что еще нужно домовому для счастья? Настя жила с мамой, и не будь этой мамы Шуры, Васька, наверное, так бы и убрался обратно в ночь. Но Настина маман, домовая с добрым сердцем и суровым жизненным опытом, стала широкой грудью на пути его ретирады. Она заявила, что Васька никуда не пойдет, пока не вымоется, не приведет себя в порядок и не поужинает по-настоящему. Васька посмотрел на мама-Шуриную комплекцию и не стал сопротивляться.

Пока он мылся в старой кадлушке, Настя успела постирать его одежду, а маменька — приготовить поздний ужин. Ужин был горячим, обильным и вкусным, так что, уже доедая, Васька безбожно клевал носом. Он уснул прямо за столом и не видел, как улыбалась Настя, как мама Шура хлопотала, выкивая одеяло и подушку, как его заботливо укутали и оставили спать. И уж совсем

никто не видел, как сладко потягивалась Настя в своей одинокой постели, как улыбалась каким-то своим мыслям, непонятным образом связанным с Васькой.

С утра Ваську ждал завтрак. Потом он взялся в благодарность помогать по хозяйству, и эта волынка затянулась до вечера. А вечером Настя выгнала его гулять.

После вчерашнего гулять по темноте Ваське вовсе не хотелось, но он не мог обидеть хозяйку. Настя же пристала с расспросами и вытянула из него, что он заблудился, что живет на Почтовой, что домой, конечно, надо. И вызвалась проводить.

Домой не хотелось еще сильнее, чем гулять на ночь глядя, однако молодой и настырной домовою не все можно объяснить. И Васька вначале неохотно, а потом все уверенней пошел за Настей по слабо освещенным улицам. Она много говорила на самые разные, порой забавные, а порой просто дурацкие темы; с ней было весело, и все вчерашнее само собой забылось, выпало из памяти в черную дыру.

Домовые шли по городу и болтали, дурачились, прыгали, играли в догонялки и чувствовали себя на месте в этом городе, в этом мире. Снова стало хорошо, и вновь на землю опустилась с небес добрая, теплая тишина, а в ней звенел смех и шлепки босых ног по легкому асфальту. Фонари светили как люстры в большой полутемной комнате, от них падали длинные желто-серые тени. Было славно.

Васька мчался вперед, пробивая тени фонарных столбов навывлет, как вдруг ударило лютым морозом, и домовою оказался окутан упругою тьмой, сквозь которую смутно виделась улица. Руки и ноги сковало льдом, перехватило дыхание, и он только сумел выдать: «Мама...»

«Мара...» — эхом прошептала Настя. От страха она забыла, как бегать, и стояла столбом, наблюдая за призрачной Смертью, накрывшей Ваську. Все в мире замерло.

«Беги!» — попытался крикнуть Васька, но язык не слушался; мара неспешно высасывала из него тепло, а Настя так и стояла без движения. Ее глаза были широко распахнуты, пальцы подрагивали, а по лицу растеклось выражение тупой покорности, какое бывает у коров на бойне.

«Беги!» — выдохнул Васька. Настя не шевелилась. Она не двинется, понял Васька. И собрав все свои силы, он все же сумел прокричать слова, которые погнали бы Настю с этого проклятого места. Зажмурившись до слез, крепко сжавши кулаки, Васька выкрикнул синопными губами самые крепкие матюги, какие знал. Не смейтесь над ним — он пытался спасти чужую жизнь.

Слова вырвались из глотки и на миг повисли в воздухе. В следующий миг холодное безмолвие и неподвижность рухнули. Настя взвизгнула и бросилась наутек. Где-то звывла автомобильная сигнализация. Васька без сил рухнул наземь и что-то зашептал в беспмятстве. Он пролежал так долго, что согрелся и замерз опять. Сознание вернулось к нему. Мара исчезла, пропала, словно ее и не было. Васька понял это и засмеялся сквозь слезы страха и облегчения.

Ну, кто бы мог подумать, что мары тоже боятся ругани?

Сегодня, когда мы пытаемся изменить журнал к лучшему, нам особенно важно знать Ваше мнение. То ли мы делаем? И как у нас это получается?

Ждем Ваших писем и советов.

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

Уважаемые читатели!

Подписка на журнал «Уральский следопыт» на второе полугодие 2001 года началась.

Вас ждут новые исторические и фантастические очерки и рассказы. Всё о путешествиях и спорте. В лице журнала Вы найдете себе достойного собеседника.

Министерство связи РФ «Роспечать»		7 3 4 1 3									
АБОНЕМЕНТ на журнал		(подписной индекс)									
«Уральский следопыт»		Количество комплектов:									
(наименование издания)											
на 2001 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда				(адрес)							
(почтовый индекс)											
Кому				(фамилия, инициалы)							
ДОСТАВочная КАРТОЧКА											
		на журнал		7 3 4 1 3							
				(подписной индекс)							
ПВ		место		ли-тер							
«Уральский следопыт»											
(наименование издания)											
стоимость		подписки		руб.		Количество комплектов					
		пере-адресовки		руб.							
на 2001 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда				(адрес)							
(почтовый индекс)											
Кому				(фамилия, инициалы)							

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

3-2001

Учредитель:
000 «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакция:
Александр СИНИЦЫН
(директор)
Юний ГОРБУНОВ
(зав. отделом истории и краеведения)
Евгений ПЕРМЯКОВ
(зав. отделом фантастики)
Олег ВОДОПЬЯНОВ
(редактор отдела «Встречный ветер»)
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор,
компьютерная верстка)
Дмитрий БАХТЕРЕВ
(Интернет-версия журнала)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБИШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Адрес редакции: 620142,
Екатеринбург, ул. Декабристов, 67
Тел. редакции: (3432) 224-501
E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com
Адрес в Интернете:
<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 Министерством печати
и массовой информации РСФСР.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением
автора статьи.
000 «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом собственности на
логотип и название журнала.
По вопросам подписки и доставки обращаться в
районные отделения «Росвязьинформа».

Подписано к печати 10.03.2001
Формат бумаги 84x108/16
Бумага газетная. Печать офсетная
Тираж 1 500. Заказ № 492
Все претензии по ошибкам в тексте
предъявлять редакции журнала
«Уральский следопыт».
Отпечатано в типографии
«Уральские военные вести»
Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

На первой странице обложки гора
Манарага (Северный Урал)
Фото Евгения САВЕНКО.

Цена свободная.

© 000 «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 3-2001

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

В Мугоджары на велосипеде

Идея посетить Мугоджары возникла в 1991 году после экспедиции «Большой Урал — 91», когда за 100 дней экспедиции были отсняты все географические районы Урала. Вот тогда и захотелось объединить одним видовым рядом всю Уральскую горную систему, включая Мугоджары.

И вот, куплен горный велосипед, мы садимся в поезд и оказываемся на станции Берчогур, рядом с самой высокой горой Мугоджар — Большим Боктыбаем. А дальше на север — по милым, зеленеющим от весны горкам.

...Когда проходит много месяцев после поездки, то уже забываются и таможенные неприятности, и дождь, и снег, и замерзшая в котелке вода, — все это вместо обещанной майской жары. Вспоминаются же холмистые горы, то, как на наших глазах они превращались из серо-дымчато-зеленоватых в бархатно-зеленые, кашемировые от молодой травы. Вспоминаются широкие долины черных «мертвых» тюльпанов с поникшими после внезапных заморозков головками — только когда увидишь островки живых многоцветных тюльпанов, представишь, какими великолепными и просто роскошными были эти долины до непрошенных холодов. И встает в памяти кажущаяся бесконечной гряда безлесых гор и холмов, которая тянется посреди казахской степи на сотни километров от Южного Урала почти до Аральского моря.

Уходя же от гор в степь, оглядываешься в надежде, что они еще не исчезли. И горы оправдывают твои надежды, и через 20 и 30, и даже через 50 километров они все еще видны. И вот уже только узенькая полоска у горизонта, но тепло на душе от того, что они, полюбившиеся тебе горы, остаются рядом и долго, может быть много лет, будут с тобой...

Евгений САВЕНКО. Фото автора.

Евгений САВЕНКО и Эчик БАРЦЕВ (слева) у подножия г. Большой Боктыбай

«Хочешь двигаться — ищи попутчика»

Средства на выпуск этого номера предоставлены
ООО «УРАЛЬСКИЙ МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР»
Екатеринбург, Попова, 12, тел./факс 51-13-14

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X
снегони́м
3•2001

**РАСКОЛОУЧИТЕЛЬ ЯКОВ ЛЕПИХИН • ПЕРМСКАЯ ЗАГАДКА •
ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ «ВЕЛИКИЙ КРАББЕН» • «АЭЛИТА — 2001»
• ЭКСТРИМ ПО ГОРНОУРАЛЬСКИ • ПРОЗА • ПОЭЗИЯ • НОВОСТИ**

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

Уральские горы в обычном представлении — это горный хребет, простирающийся более чем на 2 тысячи километров от Казахстана до Карского моря. Не все представляют, насколько это много! К примеру, если Уральские горы повернуть относительно южной точки на северо-запад, то они дойдут до Санкт-Петербурга.

Но Уральские горы — это только часть Уральской горной страны, в которую орографически и геологически входят острова Новой Земли на севере и Мугоджарские горы на юге. Общая протяженность гор — более 3 тысяч километров.

Мугоджары

*...Южнее Южного Урала
Плывут сквозь степи Мугоджары,
К Аралу, к Каспию стремясь,
И между ними исчезают,
К ядру земному возвратясь.*

Е. Пластов

Горы Мугоджары начинаются там, где заканчиваются горы Южного Урала. Невысокие холмы и гряды, идущие с северо-запада на юго-восток до верховьев реки Орь, называются Северными Мугоджарами. Дальше на юг идет четко выраженный горный хребет — собственно Мугоджары, которые протянулись к югу на две сотни километров, доходя почти до широты Аральского моря. Еще южнее их продолжают кряж Шошкакколь и плато Шагырай (ранее объединенные общим названием — хребет Султан-Уиз-Даг), по мнению некоторых геологов также относящиеся к Мугоджарам. Самая высокая гора — Большой Боктыбай — высотой 657 метров находится в южной части гор.

Горы безлесые. Дают начало рекам Орь, Эмба и др.

*Евгений САВЕНКО. Фото автора.
Продолжение на 3-й странице обложки.*

